

Михаил СКРЫННИКОВ

СПЕЦНАЗ ВДВ

ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ
ОПЕРАЦИИ В АФГАНЕ

МОСКВА

«ЯУЗА»
2005

Оформление серии художника *М. Левыкина*

Скрынников М. Ф.

С 45 Спецназ ВДВ. Диверсионно-разведывательные операции в Афгане. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 320 с. — (Спецслужбы и спецподразделения мира).

ISBN 5-699-07877-0

Как бы мы сейчас ни относились к советско-афганской войне 1979—1989 годов, она навсегда останется вписанной в светлую память потомков, чему будут способствовать книги, подобные той, что вы сейчас держите в руках.

Афганская война... Для кого-то она стала очередной ступенью на пути к успешной карьере, кого-то обрела на пожизненное страдание, отняв какую-нибудь часть тела и опустошив душу, а кого-то погребла в азиатских песчаных пустынях.

Автор книги — Михаил Федорович Скрынников — с самого начала войны служил начальником разведки 103-й гвардейской воздушной дивизии. Его книга посвящена действиям особого подразделения ВДВ в Афганистане, молодые бойцы которого героически и самоотверженно защищали интересы своей Родины не только по приказу командира, но и потому, что этого требовала ЧЕСТЬ русского солдата.

ББК 68.515

ISBN 5-699-07877-0

© Скрынников М. Ф., 2005
© ООО «Издательство «Яуза», 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Афганистан остается во взоре,
Афганистан остается в груди.
Общая гордость и общее горе
Объединили на жизнь впереди.

В. Верстаков

ОТ АВТОРА

Идея создания этой книги навеяна воспоминаниями о времени, проведенном в воюющем Афганистане. Годы, прошедшие после Афгана, постепенно, но систематически стирают в летописях и памяти исторические факты, имена и подвиги шурави. Постоянно возникающие новые локальные военные конфликты и антитеррористические операции вытесняют из памяти людей героику, боль и горечь событий, происходивших более двадцати лет назад. Но, думается, память народная вечна, а подвиги защитников Родины — бессмертны. По крайней мере, они навсегда останутся в душе и памяти каждого воина-интернационалиста, поневоле прошедшего суровую афганскую школу выживания. Многие из них забыты, обделены вниманием и заботой Родины, не пользуются заслуженными почетом, славой и уважением народа. И хотя все те, кто воевал, не любят рассказывать о себе, о своем героическом прошлом, неизбежно, из поколения в поколение, в семьях и среди родственников военнослужащих, павших смертью храбрых на чужой земле, будут передаваться афганские истории.

Не могу, да и просто не имею права согласиться с теми деятелями-«демократами», которые пытаются принизить роль советского солдата в той необъявленной войне. Кое-кто из них делал свои умозаключения, не зная обстановки, другие — в угоду конъюнктурным злопыхателям, третьи, не исключая, плат-

ные, умышленно извращали все, что происходило в Афганистане. Нам, воевавшим там, также не по пути с людьми, бывшими в свое время товарищами по оружию и благодаря этому получившими от государства в период реформ существенные льготы на ведение коммерческой деятельности и в погоне за чистоганом начавшими междоусобную, необъявленную войну за сферы влияния, взрывая, убивая и калеча бывших боевых друзей.

Я с 1979 по 1982 год служил в Афганистане начальником разведки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В моем подчинении для выполнения разведывательных, специальных и других боевых задач находилось несколько сотен порядочных, умных, крепких, самоотверженных парней, готовых любой ценой выполнить поставленную боевую задачу. Теперь связь со многими потеряна. Жизнь разбросала их по всему свету. Однако в памяти они всегда живы и всегда рядом.

Эта книга — лишь попытка рассказать о славных делах некоторых солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров разведывательных подразделений 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, десять лет выполнявших интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Цель книги — начать по крупицам собирать и обобщать факты и события героического прошлого личного состава ВДВ, в том числе разведывательных подразделений, самоотверженностью, мужеством и храбростью, а порой и жизнями которых обеспечивалось выполнение решений советского правительства, Министерства обороны СССР и приказов командующего 40-й армией.

Приношу самые искренние извинения разведчикам, чьи ратные дела не попали на страницы книги. Разыскать всех участников тех событий — очень сложное и, увы, долговременное дело. Прошедшие годы

разбросали «афганцев» по всему миру. Однако тешу себя надеждой, что благодаря этой книге они откликнутся и появится на свет новое, дополненное и расширенное издание, а может быть, и новая книга обо всех десяти годах боевых дел разведчиков, включая вывод войск из Демократической Республики Афганистан. Автору очень хотелось рассказать обо всех солдатах, сержантах, прапорщиках и офицерах, вместе с которыми приходилось выполнять боевые задачи в песках, «зеленке» и в горах Афганистана. Воевали они славно. Недаром все разведчики имеют боевые награды. Глубоко убежден: никто не имеет юридического, тем более морального права ставить под сомнение их боевое героическое прошлое, проявленные в боях мужество и отвагу. Они переоценке не подлежат.

За прошедшие годы произошли огромные перемены не только в государстве, но и в жизни каждого побывавшего на той необъявленной войне. Менялись профессии, места жительства, должности, воинские звания... Неизменным оставался только принцип — верность служению Родине. Несмотря на все трудности последних десятилетий, практически все они смогли сохранить преданность профессиональному делу — **СЛУЖЕНИЮ РОДИНЕ**. Многие и сегодня передают боевой опыт младшему поколению.

ПРОЩАЙ, ФЕРГАНА

В течение всего 1978 года дивизию буквально за-колебали различные степени более высокой боевой готовности, наезды офицеров штаба ВДВ и прочие непонятки. Так, например, в марте нас подняли по тревоге и жутко напрягали суровостью обстановки — получить карты кусков территорий Афганистана, Пакистана, Ирана... Очевидно, командование стремилось ввести в заблуждение врагов внутренних и внешних, но, как всегда, солдаты (а это секретчики, писари, телефонисты, радисты и прочая обслуга, сидящая на информации) были более сведущи, чем мы, — вроде бы командиры и начальники. То есть, образно говоря, на базаре знали все, а мы могли лишь догадываться.

Техника была подготовлена к десантированию, в подразделения выданы боеприпасы, однако не было получено распоряжение выдать их на руки.

Где-то через месяц дали отбой, а через несколько дней офицеров дивизии посадили на казарменное положение. И так повторялось несколько раз. Вроде бы что-то прояснилось ближе к весне.

В апреле 1978 года мне как начальнику разведки дивизии, командирам полков, командиру дивизионной разведроты и офицерам управления дивизии приказали быть готовыми к вылету в Афганистан. Задача, предупредили нас, будет поставлена позже. Также предупредили, чтобы об этой командировке мы не ставили в известность никого, не только сослу-

живцев, но даже жен и лучших друзей. Когда подошел срок, группа вылетела в Чирчик якобы для работы в дислоцировавшемся там полку нашей дивизии. Вылетели в военной форме, а уже на месте переоделись в гражданку. К нам присоединилась группа из трех или четырех офицеров управления ВДВ, которую возглавлял генерал-лейтенант В.Н. Костылев. Он и поставил задачу — летим в Кабул произвести рекогносцировку маршрутов движения к важным военным и государственным объектам. Прозрачно намекнул, что задавать вопросы по поводу того, для чего это нужно, вовсе даже не следовало.

В Кабуле вместе с нашими военными советниками совершили «экскурсии» по ночному и дневному городу и его окрестностям, стараясь прочно зафиксировать в памяти, как лучше добраться до нужных нам «достопримечательностей» афганской столицы.

Проведя этот «загрантур», мы вернулись к своей повседневной работе, то есть к боевой учебе, но уже негласно, для себя, определились, что будем готовить бойцов и офицеров для Афганистана. Правда, был один небольшой нюанс: вся эта работа велась на фоне непрекращающихся слухов о расформировании нашей дивизии. Мы, естественно, в такой обстановке в это не могли поверить. Тем более что осенью 1978 года были проведены масштабные дивизионные учения под руководством члена ЦК КПСС, инспектора Министерства обороны СССР, заместителя министра обороны Маршала Советского Союза Москаленко К.С. Правда, в 1990 году была предпринята попытка вновь сформировать 105-ю дивизию, но она просуществовала, полностью не сформированная, всего два года и была передана в состав узбекских вооруженных сил.

Поэтому командование дивизии, исходя из специфики сопредельного государства, в котором предпо-

лагалось проведение операции, насколько это было возможно, отдавало приоритет проведению занятий в горной местности.

Однако через год слухи о расформировании дивизии подтвердились. Для десантников расформирование 105-й гв. вдд, особенно для ветеранов, оставляемых в Фергане, было очень болезненным. Батальоны и полки оставляли обустроенные военные городки и убывали в разные военные округа и в группы советских войск за границей, где становились основой формирования десантно-штурмовых подразделений и частей. По мнению руководства Минобороны, этим новым формированиям отводилась немаловажная роль в предстоящих крупномасштабных операциях, что, как нам объясняли, в основном и явилось поводом для расформирования, по моему мнению, особо специфической из-за опыта горно-пустынной подготовки Ферганской дивизии. Но бытовало и другое мнение — якобы это необходимо для оперативной маскировки перед вводом войск в Афганистан. Многие офицеры называли расформирование маразматическим бредом старцев из Политбюро, которые утвердили бестолковое решение Генерального штаба.

Во второй половине ноября 1979 года командир 105-й Ферганской гвардейской воздушно-десантной дивизии полковник Королев П.В. довел до офицеров управления дивизии короткую информацию — на данный момент этап расформирования соединения и отправки личного состава к новому месту службы практически завершен. Дело осталось за малым: определить время убытия в другие соединения Воздушно-десантных войск начальников родов войск и служб дивизии. От дивизии оставались рожки да ножки — 345-й отдельный парашютно-десантный полк (опдп), один батальон которого с мая находился

на авиабазе Баграм в Афганистане под видом якобы авиационных специалистов по ремонту и реконструкции аэродрома. Основная часть полка оставалась в Фергане.

В конце ноября я, майор М.Ф. Скрынников, получил в кадрах предписание убыть в г. Витебск в 103-ю гв. ввд на равнозначную должность. В это время года Ферганская долина постоянно окутана туманами и полеты для гражданской авиации проблема. Дабы не испытывать судьбу и не нарушать указанные в предписании сроки прибытия к новому месту службы, принял решение ехать в Витебск поездом. Ехали мы в купе до Москвы с капитаном В.К. Корнеевым, начальником химической службы дивизии, назначенным в 76-ю гв. ввд в г. Псков на равнозначную должность¹.

Путь до Москвы долгий и проходил в воспоминаниях о службе в Фергане, об общих знакомых и товарищах, разбросанных военной судьбой по всему Советскому Союзу. Но все-таки основной темой было обсуждение событий последних месяцев и судьбы нашей родной дивизии. Мы пытались как-то объяснить мотивы и понять тех политиков и военных чиновников, что приняли решение о расформировании нашего, одного из самых боеспособных, соединения. Почему не нашлось ей более достойного применения? Зачем на протяжении многих лет весь личный состав так целенаправленно и основательно готовили к ведению боевых действий в горно-пустынной местности? Вот об этом и вели разговор два началь-

¹ В 1983 году Корнеев в Кабуле, он в течение двух лет будет принимать участие в боевых действиях в Афганистане. После Афгана он направлен в Киевское военное училище на должность преподавателя. Награжден боевыми орденами.

ника не самых последних служб уже не существующей дивизии.

Конкретного и обоснованного ответа на эти вопросы, по крайней мере у меня, нет и до сих пор. Время показало, что «мудрейшее государственное» решение, кроме вреда нашей армии, ВДВ, позднее десантникам, воевавшим в Афганистане, и их родителям ничего не принесло.

В Москве вместе с Корнеевым не могли не навесить сослуживца и нашего общего доброго друга капитана В.Н. Новосельцева, который учился в Академии химической защиты. Передали приветы и, разумеется, посылку от друзей из солнечной Ферганы. Пообщались, вспомнили однополчан и разъехались на железнодорожные вокзалы: он — на Ленинградский, я — на Белорусский. К сожалению, больше нам встретиться не довелось.

Утром следующего дня я прибыл в старинный белорусский областной центр Витебск — город с прекрасно развитой промышленностью, массой исторических мест и достопримечательностей, множеством гостиниц, кафе, ресторанов. Уютный, чистый, отлично работающий общественный транспорт. Что для меня, особенно после Ферганы и Москвы, казалось особенно неправдоподобным — водители останавливались и пропускали пешеходов. В общем, решил я, Фергана, хоть она и солнечная, выглядит бледнее Витебска.

На КПП дивизии уточнил, где в штабе нужны мне кабинеты, и направился доложить о прибытии начальнику штаба дивизии. Его обязанности выполнял начальник оперативного отдела полковник Байкеев Р.А. Начальник штаба дивизии полковник Петряков Н.В. в это время находился в Фергане и должен был появиться на рабочем месте со дня на день.

К тому времени, когда я прошел круг необходимых формальностей, в штабе объявили сбор офицеров управления, на котором состоялось представление меня как вновь прибывшего начальника разведки. Произнес несколько казенных слов: о прохождении службы, о семье.

После совещания познакомился с офицерами разведотделения, то есть с теми, с кем предстояло вместе служить. С первых же минут явно почувствовал: ферганца здесь не ждали, и должность начальника разведки дивизии планировал занять старший помощник начальника разведки майор Павлов Г.В. Он чуть ли не в лоб давал понять, что ему неприятно в очередной раз узнавать — на так желаемую им должность опять назначен офицер из другой дивизии. Не буду лукавить, Павлов действительно давно заслужил повышения по службе. То, что Павлов страшно расстроен крушением своих карьерных надежд, позднее подтвердил капитан Баранов Ю.П., который после окончания военного училища служил в нештатной разведывательной роте 111-го гв. пдп 105-й гв. вдд, а затем был назначен в Витебскую дивизию на должность военного переводчика разведывательного отделения и прекрасно знал ситуацию, микроклимат и взаимоотношения между офицерами. Однако, пусть не обижается на меня Павлов, не я себя назначал на эту должность. Мне бы хотелось уехать в какую-нибудь из наших групп войск за границей и хоть немного попробовать как у «них» там. Но, увы, решения в армии принимаем не мы, а старшие начальники, исходящие из только им понятных соображений. Нам, простым смертным, не всегда понятна их логика.

Несмотря на вроде бы не совсем удачно вначале складывающиеся взаимоотношения с Павловым, всем разведколлективом дружно отметили вечером в

кафе прибытие начальника разведки к новому месту службы. Как водится, были хорошие тосты и добрые пожелания успехов в личных и ратных делах. И какой же русский за рюмкой чая не говорит о работе — велась речь и о повышении уровня подготовки разведывательных подразделений дивизии, прославленной в боях с немецко-фашистскими захватчиками. А история дивизии действительно впечатляет.

103-я воздушно-десантная дивизия, сформированная 1 января 1944 года в г. Быхове, принимала участие в кровопролитных боях Великой Отечественной войны, в том числе по уничтожению фашистской группировки в Венгрии. За успешное выполнение боевых задач, мужество и героизм личного состава в сражениях с группировкой противника в составе танковых дивизий СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Гитлерюгенд» и 9-й танковой дивизии СС в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта, и во время форсирования реки Рабы дивизия награждена орденами Красного Знамени и Кутузова II степени. Ее полки — орденами Александра Невского.

После окончания войны дивизия дислоцировалась в Ивановской области, а с 1946-го — в г. Витебске. В 1968 году принимала участие в чехословацких событиях. В 1980 году в Афганистане награждена орденом Ленина. В 1982 году дивизии присвоено почетное наименование «Имени 60-летия образования СССР». В послевоенные годы принимала участие практически во всех совместных крупнейших учениях: «Влтава» — 1962 г., «Днепр» — 1967 г., «Братство по оружию» — 1970 г., «Щит-72» — 1972 г., «Весна-75» — 1975 г., «Авангард-76» — 1976 г., «Березина» — 1978 г., «Неман» — 1979 г., «Неман-2001» — 2001 г., «Березина-2002» — 2002 г.

С 26 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года дивизия в полном составе выполняла интернацио-

нальный долг в Демократической Республике Афганистан. Семь ее военнослужащих удостоены высокого звания Героя Советского Союза: старшие сержанты А. Мироненко и Н. Чепик, ефрейтор А. Корявин, старший лейтенант В. Задорожный (*посмертно*); генерал-майоры П. Грачев и А. Слюсарь, майор А. Солюянов. 16 военнослужащих награждены орденом Ленина, 138 — орденом Красного Знамени, 3277 — орденом Красной Звезды. Всего за эти годы правительственными наградами награждено более 11 тысяч военнослужащих дивизии.

В 1990 году она была переподчинена командованию Пограничных войск КГБ СССР и выполняла задачи по прикрытию участка советско-иранской государственной границы.

В сентябре 1991 года дивизия вновь возвращена в состав ВДВ. В 2002 году 103-я гв. влд преобразована в 103-ю гвардейскую отдельную мобильную Краснознаменную орденов Ленина и Кутузова бригаду с вручением ей Боевого знамени 103-й гв.влд.

В последующем, после распада СССР и раздела ВС СССР, стала основой мобильных сил Республики Беларусь. Вот в такой-то богатой боевыми традициями дивизии и довелось мне продолжить службу.

Прибыл я в Витебск, с одной стороны, не совсем удачно — в это время как раз подходила к концу работа группы офицеров штаба ВДВ под руководством заместителя командующего ВДВ генерал-лейтенанта Курочкина К.Я. И я, как говорится, попал с корабля на бал. Такие группы из вышестоящих органов работали в войсках с целью «оказания помощи в организации и проведении занятий по боевой подготовке». Помощь нередко завершалась определенными оргвыводами и нелicenseприятными разговорами.

Части дивизии располагались в различных гарнизонах: штаб дивизии, 317-й гв. пдп, артиллерийский

полк и специальные части находились в Витебске, а 350-й, 357-й гв. пдп и авиационная эскадрилья — в поселке Боровуха, в 125 км от областного центра. Здесь в отличие от Витебского гарнизона были идеальные условия для проведения занятий и учений. Стрельбище, танкодром и автодром находились практически за заборами частей, а в пяти километрах — аэродром. Не случайно эти два парашютно-десантных полка первенствовали в социалистическом соревновании по боевой и другим подготовкам не только в дивизии, но и в Воздушно-десантных войсках.

С другой стороны, работа группы офицеров штаба ВДВ сослужила мне и добрую службу. На следующий день после моего прибытия к новому месту службы в офицерской гостинице я встретил моих добрых знакомых: старшего офицера разведывательного отдела штаба ВДВ полковника Митяева В.А. и бывшего начальника политического отдела 105-й дивизии полковника Старченко Л.Т. Увиделись, крепко обнялись. За этой радушной встречей наблюдали офицеры управления дивизии, в ожидании квартиры жившие в гостинице. И, само собой, они намотали на ус и передали по солдатскому телеграфу, что очень не прост этот новый начальник разведки. Что, возможно, в какой-то мере и помогло мне быстрее наладить отношения в офицерском коллективе.

В соответствии с планом работы Митяев В.А. и Старченко Л.Т. должны были уехать в Боровуху, они предложили поехать туда вместе с ними. Мне эта поездка была очень нужна, так как необходимо было познакомиться с разведподразделениями 350-го и 357-го гв. пдп.

По дороге мои попутчики расспрашивали об офицерах, ранее служивших в Фергане: кто и в какие места получил назначение, в какие города и поселки

после расформирования дивизии передислоцировались парашютно-десантные полки и другие подразделения? Они, в свою очередь, поведали о специфике Витебской дивизии, о неписанных правилах и традициях в воинских коллективах.

В 357-м и 350-м полках разведывательными ротами командовали ст. лейтенант А.И. Лебедь и ст. лейтенант А.Н. Литош, который сменил на этой должности ст. лейтенанта Войцеховского В.А.¹, а ранее командовавший ротой А.С. Пузачев стал начальником штаба батальона этого же полка.

Порадовал образцовый порядок в новеньких казармах разведчиков — светло, уютно. Всюду чистота, идеальный порядок. В парках — лучшие в дивизии боксы боевых машин, обустроенные в строгом соответствии с требованиями к кратковременному хранению техники. Старшины рот относились к своим солдатам прямо-таки по-отечески.

Весь день ушел на ознакомление с офицерами и личным составом. Заночевали в Боровухе. А утром вместе с полковником Митяевым проверили планирование боевой и политической подготовки разведывательных рот, личные планы начальников разведки полков (в 350-м гв. пдп у майора И. Симукова, а в 357-м гв. пдп у капитана П. Лукьянова). Изучили организацию и методику проведения занятий по тактической и огневой подготовке. Первое знакомство с разведчиками оставило хороший след в душе. К вечеру вернулись в штаб дивизии.

Следующие два дня в том же составе продолжили работу в 80-й отдельной дивизионной разведывательной роте. Разведчики произвели хорошее впе-

¹ Начальник штаба парашютно-десантного батальона капитан Войцеховский героически погиб 2 декабря 1981 года в бою при уничтожении банды мятежников.

чатление. Рослые, крепкие, подтянутые, спортивные. Командовал ротой капитан Пащенко Ю.Г. Заместители: первый заместитель, инструктор парашютно-десантной подготовки ст. лейтенант Комар И.Г.; заместитель по политической части ст. лейтенант Гришин В.Н.; заместитель по радиотехнической разведке и связи ст. лейтенант Родин А.А.; военный переводчик ст. лейтенант Ханов В.Ю. Командиры разведывательных взводов: лейтенант Ленцов А.И., ст. лейтенант Чернега А.Я., лейтенант Марченко В.Г., командир взвода радиотехнической разведки — ст. лейтенант Коробицын С.А., командир взвода связи — лейтенант Тютвин Н.В., старшина роты — прапорщик Андрейчук Н.В., старший техник роты — прапорщик Слободов П.Н.

Подробно ознакомившись с планом боевой подготовки, провели беседы по категориям с офицерами, сержантами и рядовыми разведчиками. Присутствовали на занятиях. В парке боевых машин заслушали техника роты, сообщившего о техническом состоянии гусеничной и колесной техники. В целом парк боевых машин, размещение личного состава, состояние учебных классов и учебно-материальной базы нареканий не вызывали. Однако жили разведчики тесновато, могла бы дивизия подобрать для них помещение и получше. Ну да это от командира не зависело.

Проводив полковника Митяева в Москву, продолжил знакомство с разведывательной ротой 317-го парашютно-десантного полка. Начальником разведки полка был капитан Качанов А.П., в 70-е годы командовавший 100-й отдельной разведывательной ротой 105-й гв. влд в Фергане. Наше взаимопонимание и доверительные отношения сложились давно: мы в одно время, но он на курс младше, учились в Рязанском десантном училище. Каких-то тренировок в тече-

ние всей совместной службы в дивизии не возникало. Сейчас Качанов А.П., генерал-майор Узбекских Вооруженных сил, находится на заслуженном отдыхе, живет в Челябинске и активно ведет работу среди воинов-афганцев. Разведротой командовал капитан Мостиброцкий А.Л.

Проанализировав обстановку во всех разведывательных подразделениях дивизии, прибыл на доклад к командиру дивизии генерал-майору Рябченко И.Ф. Доложил свое видение работы по совершенствованию подготовки разведчиков. Генерал в основном согласился с моими предложениями и после непродолжительной беседы дал добро, пожелал успеха и как бы невзначай бросил: «Смотри, чтобы дивизионную роту не пришлось формировать по-новому». Как оказалось, за последние два года командовал ротой уже третий командир. Большинство офицеров и прапорщиков были переведены в парашютно-десантные подразделения, так как не выдержали требований, предъявляемых к офицерам-разведчикам, особенно по поддержанию порядка и дисциплины, по воспитанию и обучению личного состава отдельной части, находящейся под постоянным контролем штаба дивизии. Однако рота к моменту моего прибытия в Витебск находилась на подъеме. Благодаря профессионализму командира роты капитана Пащенко Ю.Г. значительно улучшилось состояние дисциплины и поднялся уровень боевой подготовки. Складывался сплоченный, дружный, всесторонне подготовленный воинский коллектив. Естественно, недостатки были, но их не скрывали и принимали все меры к устранению.

Об обстановке в этой роте мне рассказывал полковник Митяев для того, чтобы я учел этот фактор в последующей работе. Он рекомендовал обратить особое внимание на подбор кадров. Сам же обещал

оказывать всемерную поддержку в подборе сержантов при распределении из учебной дивизии.

И началась повседневная, рутинная работа в штабе дивизии с документами, непосредственное общение и знакомство с личным составом разведподразделений на стрельбищах, танкодромах и тактических занятиях.

В первых числах декабря в дивизию из Ферганы прибыли начальник штаба дивизии полковник Петряков Н.В., заместитель начальника политического отдела майор Щеметило П.В. и начальник восьмого отдела капитан Калашников Н.Ф. Коллектив ферганцев увеличился. Служить стало веселее, ведь старый друг лучше новых двух. Было с кем поделиться впечатлениями и планами на будущее. Но, как оказалось, планирование будущего в Витебске длилось недолго.

Как-то у меня состоялся телефонный разговор с начальником разведки Воздушно-десантных войск полковником Кукушкиным А.В, который в ходе разговора порекомендовал на предстоящем сборе представиться начальнику разведывательного управления Краснознаменного Белорусского военного округа генерал-майору Иванову А.П. и передать от него привет. Оказалось, что они были старыми приятелями по службе.

Вскоре состоялся этот сбор начальников разведки дивизий, командиров специальных разведывательных частей и подразделений округа в пригороде Минска, в прекрасно оборудованном учебном центре Колодищи. Учебно-материальная база находилась в образцовом состоянии. Огромные по тем временам деньги на содержание и развитие учебного центра вкладывались не зря.

При встрече с генералом Ивановым А.П. я представился, передал привет и десантный сувенир от

начальника разведки Воздушно-десантных войск — берет, тельняшку и десантный нож, которые были приняты с большой благодарностью.

Однако набраться воинской мудрости на этих сборах мне не пришлось. В первый же вечер оперативный дежурный по разведывательному управлению передал мне приказ начальника штаба 103-й дивизии срочно возвратиться. И утром следующего дня я уже был в Витебске.

БРОСОК ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Когда я появился в штабе дивизии, то по царившей там обстановке — нет, не узнал, догадался: впереди Афганистан. И, как оказалось, не ошибся. Начальник штаба полковник Петряков проинформировал меня о ситуации вокруг Афганистана и внутриполитической обстановке в стране, о задачах, стоящих перед дивизией. Уточняя задачи частей дивизии, обратил внимание на то, что все разведывательные подразделения должны быть полностью готовы к возможному вступлению в бой сразу после приземления. Я получил указание провести информирование офицеров управления дивизии об оперативном оборудовании территории и группировке вооруженных сил Афганистана. Задача была не из простых по самой банальной причине: вероятным и хорошо изученным противником для войск Белорусского военного округа, куда в качестве оперативно-стратегического десанта входила Витебская дивизия, были вооруженные силы стран — участниц НАТО на Западном театре военных действий. На афганском же направлении должна была применяться расформированная накануне 105-я Ферганская дивизия.

Естественно, в Витебске по этому региону практически не было не только необходимой, но и секретной литературы, даже топографические карты были только у старших офицеров дивизии. Почему так получилось, непонятно. Может быть, опять же из-за высших соображений секретности? Хотя подобные соображения выглядели довольно странными. Ведь еще в сентябре комдив, командиры частей и отдельных подразделений дивизии летали на рекогносцировку в Кабул под видом гражданских специалистов, каждый из них изучил свои маршруты и объекты захвата. За прошедшее время можно было выслать в Витебск из Москвы и карты, и необходимую справочную литературу.

Насколько могли, выручили специалисты — прибывшие из Ферганы офицеры. Тот театр военных действий был ими хорошо изучен за предыдущее десятилетие службы в 105-й дивизии. Пригодились их личные знания и всевозможные «точняки» — ими самими составленные справочники и записные книжки. Вот на этой основе и были срочно подготовлены материалы для проведения с офицерами дивизии необходимого занятия. У них появилось хоть какое-то представление не только о возможном противнике — вооруженных силах Афганистана, их организации, вооружении и местах дислокации соединений и частей, но и об истории, культуре, традициях, о внутренних проблемах, разрывающих страну на части по национально-политическим признакам. Ведь многие из офицеров дивизии знали лишь, где находится Афганистан.

Теперь они имели представление о высоких и суровых горах Гиндукуша, Кохи-Баба и Паропамиза, о Сулейменовых горах и Иранском нагорье — самом большом, сухом и пустынном на Ближнем и Среднем Востоке. О том, что в центре страны расположено

Газни-Кандагарское плоскогорье. На юге мертвые районы без воды и растительности — песчаные пустыни Регистан (страна песков), Хаш и каменистая пустыня Дашти-Марго (пустыня смерти).

Железные дороги в стране отсутствуют, дорожная сеть развита слабо, все перевозки осуществляются автомобильным и гужевым транспортом, и есть малочисленная авиация.

Население страны живет в основном в долинах рек, в широких ущельях и оазисах. По этническому составу это: пуштуны — 9 млн. чел. (48 % общей численности населения); таджики — 3 млн. чел. (16 %); хазарейцы — 2 млн. чел. (11 %); узбеки — 1,5 млн. чел. (8 %); туркмены — 0,5 млн. чел. (3 %) и 2,6 млн. представителей других национальностей (белуджи, чараймаки, муриштанцы, казахи, киргизы, арабы, нуристанцы, памирцы, индусы...).

Афганистан, находясь в стороне от мировой цивилизации, сохранил патриархально-общинный уклад жизни с древнейших времен и застыл в развитии на стадии феодализма. В некоторых глубинных районах не ступала нога европейца. 90% населения страны проживало в сельской местности, где власть принадлежала феодалам, племенным вождям и муллам. Рабочий класс практически отсутствовал. Около 3 млн. афганцев кочевали по всем территориям, не признавая межгосударственных границ, обозначенных только на картах и по основным дорогам.

Большая часть населения была неграмотна, медицинского обслуживания практически не было. В духовной жизни властвовал ислам. В многоязычной и разноплеменной стране постоянно тлели и разгорались национально-этнические и феодально-междоусобные, в том числе и вооруженные, конфликты.

До сих пор идут споры и приводятся различные доводы о происхождении афганцев. Одни исследо-

ватели считают их потомками израильтян, переселенных персидскими царями на восток Ирана, при этом уточняется, что свое название они получили от далекого предка, главнокомандующего войсками царя Соломона Афгана. По другой версии, они наследники арийских племен, пришедших на эти земли в начале второго тысячелетия до н.э.

Различных версий и легенд на эту тему предостаточно. Одни племена считают себя выходцами из еврейского народа, другие — прямыми потомками Александра Македонского или Чингисхана, третьи — чистокровными арийцами. Тем не менее колыбелью афганского народа считаются Сулейменовы горы. Бедная, безлесная и безводная местность сурово воспитывала и закаляла афганцев, сделав их неприхотливыми, выносливыми, упрямыми и гордыми.

В Афганистане сложилась устойчивая родоплеменная система: народности, разделяющиеся на племена, кланы, роды и семейства. Каждое племя — это государство в государстве. Оно имеет свои отличительные, характерные только для него черты: одежду, символику, традиции, атрибутику и т.д. Представители племен всегда издали по этим признакам узнают друг друга.

Родовые общины управляются собраниями глав семейств (джиргами). Исполнительная власть — старейшины общин, выбираемые джиргами. В каждом племени поддерживалась строжайшая дисциплина и установленные порядки, за нарушение которых полагались суровые наказания, вплоть до смертной казни.

Для защиты территории проживания и интересов племени каждое испокон веков имело свои вооруженные формирования. Их военная подготовка зачастую превосходила подготовку личного состава регулярных войск. Традиционно делом чести каждого афганца является защита семьи, клана, племени,

нации и религии. Любое зло, причиненное семье афганца или ее интересам, подлежит отмщению.

Будучи мусульманином, каждый афганец, как бы ни приветствовал представителей других религий, какие бы дружеские чувства при этом ни высказывал, в действительности всегда питает к иностранцам, особенно европейцам, глубокое недоверие, даже некротимую вражду. Эти чувства не изжить из их сознания.

Пуштунские племена, являясь самой многочисленной частью населения страны, всегда имели ряд официальных и неофициальных привилегий: освобождались от службы в регулярной армии, не платили налогов и различных пошлин, не привлекались к трудовой повинности, сохраняли традиционные принципы самоуправления и правосудия, им разрешалось ношение оружия и выделялись самые лучшие и плодородные земли. Из пуштунов и таджиков формировался государственный аппарат управления и офицерский корпус.

У пуштунов есть свой свято почитаемый «Пуштун-валяй» — свод неписаных законов. Главные — честь, правдивость, преданность истине, независимо от последствий, бесстрашие и отвага. Эти законы пуштуны свято блюдут наравне с законами ислама и шариата. Свобода для них превыше всего.

Афганцы всегда отличались воинственностью. Махмуд Газнийский (XI в. н.э.) набирал из них войско для походов против Индии. За это он подарил им земли вокруг Кабула, Газни и Пешавара. По мере того как нашествия монголов и турок стирали с лица земли древние поселения иранцев и индусов, афганцы спускались с гор, выходили из диких ущелий и занимали равнины и долины, начиная заниматься земледелием, продолжая вести кочевой образ жизни.

В X—XII вв. территория Афганистана входила в государство Газневидов и Гуридов. В XIII в. она подверглась нашествию орд Чингисхана, которые разрушили культурные и политические центры и уничтожили большинство населения. В конце XIV века в стране установилась власть Тимура, а затем Тимуридов. Афганцы служили в войсках восточного Ирана, получив за это Кандагарскую провинцию. Силой оружия они захватили плодородные земли в Кабулистане, покорили Пенджаб в Индии и захватили ряд небольших государств в верховьях Ганга, основав там мусульманскую державу. Конец афганскому владычеству в Индии положил султан Бабур в 1525 году, разгромивший и покоривший афганцев на всей территории современного Афганистана. Наследники Бабура — Великие Моголы (XVI—XVII вв.) — не обращали внимание на афганцев, что позволило им вновь заселить земли вокруг Кабула, Кандагара, Газни, Джелалабада и Пешавара.

Решающую роль в создании независимого афганского государства сыграли пуштунские племена, населявшие южные и юго-восточные горные районы Афганистана и соседнего Пакистана.

В 1747 г. после гибели Надир Шаха шахом Афганистана был избран предводитель крупнейшего племени дуррани Ахмад шах Дуррани. Он создал самостоятельное государство — Дурранийскую империю со столицей в Кандагаре. В 1773 г. сын Ахмад-шаха Дуррани Тимур-шах перенес столицу из Кандагара в Кабул.

Англичане дважды в XIX в. (1838—1842 гг. и 1879—1880 гг.) пытались завоевать Афганистан и присоединить его к своей колонии в Индии. Однако Англия так и не смогла покорить свободолюбивые народы.

В 1919 году Аманулла-хан провозгласил независимость своей страны. Россия была первой державой, признавшей новое независимое государство Афганистан и оказавшей ему безвозмездную помощь — 1 миллион рублей золотом, 5 тысяч винтовок и несколько самолетов. Англия же, напротив, в мае 1919 года начала третью англо-афганскую войну, сосредоточив против 40-тысячной афганской армии крупную ударную группировку войск в 340 тысяч человек. Несмотря на значительное военное превосходство, англичане вынуждены были признать, что «эта война не отвечает интересам их государства», и заключили перемирие. Таким образом, в 1919 году Афганистан отстоял свою независимость. В 1921 году был заключен советско-афганский договор о дружбе, а в 1926 г. — договор о нейтралитете и взаимном ненападении.

Аманулла-хан попытался претворить в жизнь новые для Афганистана политические идеи. Возникла политическая организация «Джаван афган» («Афганская молодежь»), выступавшая за установление конституционной монархии, требовавшая свержения королевского правительства и отмены исламского кодекса. Эти идеи поддерживал Аманулла-хан, игнорируя тот факт, что афганцы всегда враждебно относились к западной культуре и реформам. Здесь было и посягательство на столп общества — всемогущий ислам. В результате в 1929 г. мусульманское духовенство свергло короля-реформатора.

После Амануллы-хана в Афганистане непродолжительное время во главе государства находился предводитель восставших Бача Саккау (сын водоноса), провозгласивший себя эмиром под именем Хабибуллы-хана. Осенью 1929 года он был свергнут генералом Надир-ханом, позже объявившим себя падишахом (королем) Афганистана. В 1933 году Надир-хан

был убит сторонниками конституционной монархии — членами «Афганской молодежи» и престол перешел к его сыну Захир Шаху, который дольше всех правил страной.

В начале 50-х годов в Афганистане начали издаваться независимые газеты и журналы. На политической арене появились новые партии: «Викхе Залма-ян» («Пробудившаяся молодежь») — наследница организации «Афганская молодежь», одним из членов которой был Н.М.Тараки, «Ватан», «Клуб-и-мелли» (Национальный клуб), возглавляемый принцем Мухаммедом Даудом, членом клуба был и молодой Бабрак Кармаль. Однако уже в 1952 г. все оппозиционные газеты и журналы были закрыты, редакторы посажены в тюрьму, а политические организации разогнаны.

В Афганистане начали пересекаться интересы СССР и США, что привело к открытому соперничеству супердержав в этом регионе. Здесь больших успехов достиг СССР, и Афганистан постепенно стал как бы зоной влияния Советского Союза. Благодаря этому в стране в 60-е годы началось оживление общественно-политической жизни, особенно в среде интеллигенции. Образовывались политические кружки и группы. В 1963 году сложилось инициативное ядро политической партии — Объединенный национальный фронт, в который вошли Тараки, Кармаль и др.

При непосредственной помощи КПСС в 1965 г. была образована Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Генеральным секретарем партии избран Н.М.Тараки, а секретарем Б.Кармаль. Из-за личного соперничества Тараки и Кармалю в руководстве партии начались разногласия. В результате в 1966 году произошел раскол партии на два крыла. Б.Кармаль со своими сторонниками вышел из ЦК и сформировал фракцию «Парчам» («Знамя»), ко-

торая официально именовала себя «НДПА — авангард всех трудящихся». Сторонники Тараки стали называться «НДПА — авангард рабочего класса» или «Хальк» («Народ»). По сути это были две разные партии, хотя и декларировали единые цели и задачи.

«Парчам» не отказывалась от компромисса и даже союза с другими силами для захвата власти. Она считала, что ее основная задача — нести знания в народ, чтобы общество само созрело для революционных преобразований.

«Хальк» отвергала такое сотрудничество и склонялась к утопическому социализму. Халькисты — это в основном пуштуны, приехавшие из периферийных районов. По социальному составу — представители малообеспеченных, полупролетарских и трудовых слоев общества (интеллигенция, мелкие служащие, кочевники, духанщики, ремесленники, крестьяне, военнослужащие и т.д.). По сравнению с представителями «Парчам» они были менее зажиточны, но более активны и имели тесные связи с народом и демократическими слоями общества. Членами этой партии чаще были служащие низших рангов госаппарата и учебных заведений, инженерно-технические работники и младшие офицеры. Именно себя они считали истинными революционерами, а парчамистов — выразителями интересов буржуазии.

Парчамисты в своем большинстве — представители процветающих семей, интеллигенции, получившие образование на Западе, в привилегированных лицах столицы и в Кабульском университете. Кроме пуштунов в нее входили представители других национальностей, в основном зажиточные горожане. Они тоже считали себя революционерами, причем более подготовленными в теоретическом отношении.

Обе фракции НДПА вели активную политическую работу в массах независимо друг от друга. При этом парчамисты особое внимание уделяли работе в среде демократической интеллигенции и патриотически настроенных офицеров. Велась активная работа по привлечению в свои ряды студентов, журналистов, работников средств массовой информации, чиновников и военнослужащих. Халькисты делали ставку на массовость партии и привлекали в ее ряды беднейшие слои населения. В это время в ЦК халькистов был избран Х. Амин. ЦК КПСС больше поддерживал Н.М. Тараки и его крыло «Хальк».

Борьба за власть в стране не прекращалась. В целях изменения государственного устройства страны парчамисты заключили негласный союз со сторонниками генерала Мухаммеда Дауда (двоюродный брат короля Захир Шаха). В июле 1973 года М.Дауд умело использовал возможности офицеров-коммунистов и с помощью ведущих деятелей «Парчам» совершил практически бескровный военный переворот, отстранив от власти короля, упразднив монархию и провозгласив себя президентом республики.

Обе фракции НДПА поддержали М.Дауда. Политическим органом нового режима стал ЦК республики, в состав которого вошли 9 кадровых военных, 3 парчамиста и 1 халькист.

Сразу же после прихода к власти М.Дауд заявил, что в стране будут проведены социальные реформы, а также установлены более теплые отношения с Советским Союзом. Однако он не разделял взглядов парчамистов на переустройство общества и поспешил лишить их всех руководящих должностей. Что и было сделано к 1976 году. Проводя свою политику, Дауд ловко использовал противоречия между Востоком и Западом, балансировал между СССР и США, придерживаясь курса «равноудаления от всех». Тра-

диционные советско-афганские связи начали сокращаться, а отношения с США, Саудовской Аравией, Ираном, Пакистаном, Индией и Египтом расширяться. В какой-то мере подобный политический курс вполне понятен: для выполнения обещаний и подъема экономики Дауду требовались огромные средства, которых у него не было, а возможности СССР были ограничены. Финансовую помощь в необходимом объеме обещал Запад в обмен на ликвидацию левых сил в стране. И Дауд взял курс на подавление демократического движения. Начали закрываться некоторые издательства, за активистами велась круглосуточная слежка. К этому времени численность членов «Хальк» утроилась. Особенно успешной была работа в армейской среде, которую курировал Х.Амин. Отлученные от власти парчамисты пытались объединиться с халькистами, но дальше слов дело не пошло.

Лидеры НДПА вели работу по подготовке свержения М.Дауда и готовили военный переворот, планируя осуществить его в августе 1978 года. Однако, воспользовавшись благоприятной внутривнутриполитической ситуацией, халькисты совершили военный переворот 27 апреля 1978 года (7 саура 1357 года). Дауд был убит. Этот день стал отмечаться как государственный праздник — День Саурской революции.

После переворота Афганистан объявляется Демократической Республикой (ДРА). Главой государства и премьер-министром назначается Н.М.Тараки, его заместителем в государстве и партии — Б.Кармаль, первым заместителем премьера и министром иностранных дел — Х.Амин. Формально в новом кабинете министров было сохранено численное равновесие между «Хальк» и «Парчам», однако Х.Амин благодаря поддержке верных ему офицеров — членов «Хальк» имел реальную и очень сильную власть в армии.

Земля была национализирована и роздана беднякам, но они боялись ею пользоваться, женщинам предоставлены равные права с мужчинами, отменены калымы и выкупы, началась ликвидация всеобщей неграмотности. Всем этим начинаниям воспротивилось духовенство, против которого правительство начало репрессии. Особенно жестоко расправлялись с шиитами, значительно меньше пострадали суниты. Слуг Аллаха расстреливали прямо на глазах у верующих. Репрессии привели к тому, что все враждебные правительству силы возглавили представители высшего духовенства и муллы, объединившись вокруг зеленого знамени ислама, они перешли к открытому противодействию НДПА.

Насильственное переустройство общества привело к разрыву экономических связей между провинциями. Нарушилась система переработки продуктов животноводства и снабжения ими крупных городов. Стремительно снижался жизненный уровень населения, что вело к росту открытого сопротивления властям. Главный лозунг, под которым партия пришла к власти, — улучшение жизни простого народа — оказался пустым звуком.

В июне 1978 года произошли первые вооруженные выступления против «демократических и антифеодальных мероприятий» властей в провинциях Бадахшан, Бамиан, Кунар, Пактия и Нангархар. Их возглавили помещики, феодалы и духовенство. Действия армейских подразделений против сельской оппозиции, применение авиации и артиллерии для подавления вооруженных выступлений повлекли за собой многочисленные жертвы среди мирного населения, разрушение кишлаков и ирригационных систем, уничтожение урожая на полях. Жестокие действия правительства привели к тому, что мятежное

движение стало расти, приобретая религиозную, исламскую, окраску.

Карательные меры вызвали огромный поток беженцев в Пакистан, Иран и Индию. На территории Пакистана вблизи многих пограничных афганских населенных пунктов обосновались центры оппозиционных организаций, их военные лагеря, склады оружия и боеприпасов, перевалочные базы, учебные центры по подготовке боевиков. К концу 1978 года началась массовая засылка в ДРА подготовленных в Пакистане вооруженных отрядов и диверсионных групп. С этого времени стали быстро возрастать масштабы сопротивления правительству Н.М.Тараки. В начале января 1979 года обстановка в стране резко ухудшилась. Развернулось вооруженное сопротивление уже в центральных провинциях Афганистана. В большинстве провинций участились диверсии на дорогах, уничтожались линии электропередачи и телефонной связи. Правительство, в свою очередь, ужесточало террор против нелояльных граждан.

Откровенно враждебную позицию по отношению к правительству, сформированному НДПА, заняли пакистанская военная администрация и представители шахского режима в Иране. В военных кругах Исламабада изучалась возможность прямого вооруженного вмешательства в события в ДРА с целью свержения правительства Тараки. Генеральный штаб ВС Пакистана даже разработал план военного переворота и смены власти на местах за 4 месяца. ЦРУ США оказывало действенную помощь оппозиции в создании сети лагерей и баз на пакистанской территории. Большинство стран Запада, Китай и их союзники в мусульманском мире также заняли враждебную позицию к правительству ДРА, усматривая в его курсе резкий крен в сторону Советского Союза и изменение соотношения сил в этом регионе в его пользу.

В свою очередь руководители Советского Союза рассматривали Афганистан как надежного союзника на юге и оказывали большую помощь правительству ДРА. В декабре 1978 года был подписан договор о дружбе и сотрудничестве в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран. Именно на него потом ссылались афганское руководство, когда обращалось к СССР с просьбами о вводе в ДРА советских войск.

В руководстве НДПА обострились разногласия по оценке происходящих событий и выработке тактики дальнейших действий. По инициативе Х.Амина с середины 1978 года в стране начал насаждаться культ личности Тараки под соусом создания атмосферы всеобщей любви к афганскому «отцу народов». Появились денежные знаки с изображением генерального секретаря ЦК НДПА; на газетных фотографиях его печатали крупнее других людей; на всех собраниях вывешивалось большое количество портретов; в домах, где он жил, устраивались музеи и т.д. На самом деле целью этого пиара являлась дискредитация главы государства.

Тараки свято верил во «всеобщее обожание» и все больше удалялся от государственных дел. Реальная власть сосредоточилась в руках Х.Амина, который продолжал политику жестокого насилия. Начались широкие репрессии против парчамистов. Физически уничтожались представители леводемократических и либеральных организаций и группировок, представители интеллигенции, торгово-промышленной буржуазии, духовенства и даже его сторонники по фракции «Хальк», посмевавшие высказывать свои мнения. Вместо обещанных благ революция принесла народу разрушения, смерть, пытки, страдания, кровь и насилие в различных формах.

Раскол в руководстве партии губительно сказался на армии. В ходе чистки ее рядов много достойных младших, старших и высших офицеров были уволены, а значительная часть — репрессирована. Командный состав в армии менялся так быстро, что у офицеров, наблюдавших аресты и исчезновение товарищей, не было уверенности в завтрашнем дне и в прочности своего положения.

Из правительства были удалены все представители «Парчам», которыми заполнялись тюрьмы. В Кандагаре были расстреляны 33 участника демонстрации протеста против переписи населения; в городе Таринкоте на глазах у жителей были убиты 30 сложивших оружие мятежников. Повсюду члены отрядов «патриотически настроенных граждан» творили самосуд, погромы и мародерство. Оставшиеся на свободе противники партийного крыла Тараки — Амина ушли в подполье. Их идейный вдохновитель Бабрак Кармаль был назначен послом в Чехословакию. Отправляясь в почетную ссылку, он заявил, что еще вернется в Афганистан, но с красным флагом в руках.

О враждебных действиях Амина Тараки неоднократно предупреждало советское руководство, однако он считал его верным и выдающимся учеником и своим преемником, за что и поплатился жизнью.

В этот сложный для Афганистана период Советский Союз оказывал ему всестороннюю помощь и политическую поддержку. В ДРА было направлено более 4500 военных советников. Но многие высокопоставленные афганские руководители полагали, что этого недостаточно, и буквально засыпали правительство СССР настойчивыми просьбами об оказании ДРА непосредственной военной помощи.

Обстановка в стране продолжала ухудшаться. В феврале 1979 года в Кабуле террористами маоистского толка был похищен и взят в заложники посол

США А.Дабс. Его хотели обменять на сидевших в тюрьме боевиков. Несмотря на просьбы американского и советского посольств не применять против террористов силовых действий, по указанию Х.Амина служба безопасности начала штурм гостиницы, в которой удерживался заложник. Во время штурма посол был смертельно ранен. Инцидент послужил поводом для резкого изменения курса США в отношении режима Тараки: американская помощь Афганистану была практически прекращена; из ДРА были отозваны почти все американские сотрудники и специалисты.

В марте с территории Ирана в Герат было заброшено более 4000 переодетых в гражданскую одежду военнослужащих, которые проникли во все воинские части и спровоцировали вооруженный мятеж. В ходе боев погибло около тысячи военнослужащих гарнизона, в том числе и все советские военные советники. В различных регионах страны возникали стихийные вооруженные конфликты, постоянным нападениям подвергались афганские воинские части и подразделения, в некоторых из них уничтожались советские специалисты. Так, например, в Джелалабадском гарнизоне был раскрыт антиправительственный заговор. Арестовано более 200 военнослужащих.

ПРЕДЫСТОРИЯ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ

Тараки продолжал настойчиво просить у Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина ввести в страну советские войска для стабилизации обстановки. Этот вопрос обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК КПСС и советского правительства. Поскольку обстановка была неясной и менялась каждый день, министр обороны СССР Маршал Д.Ф. Устинов дал указание Генераль-

ному штабу о мобилизационном развертывании двух дивизий ТуркВО в приграничных с Афганистаном районах и переброске туда трех авиационных полков. Одновременно был отработан вариант переброски за одни сутки в Кабул посадочным способом 105-й (Ферганской) гвардейской воздушно-десантной дивизии, мотострелкового полка. По этому варианту одновременно к границе с Афганистаном подтягивались две мотострелковые дивизии.

Для изучения ситуации на месте и разъяснения позиции ЦК КПСС в Афганистан прибыла советская военная делегация во главе с начальником ГлавПУ СА и ВМФ генералом армии А.А.Епишевым. Он беседовал с Тараки, Амином и другими политическими и военными деятелями, которые в очередной раз просили о военной помощи. Им опять было заявлено, что Советский Союз на это пойти не может. Советские представители в Кабуле предлагали создать в Афганистане учебный центр по типу того, который был развернут нами на Кубе. Специалисты знали, что под легендой учебного центра на острове Свободы находилась как фактор сдерживания возможной агрессии полностью укомплектованная советская боевая мотострелковая бригада.

В апреле правительственные войска уже вели активные боевые действия с отрядами оппозиции в провинциях Бадгиз, Бадахшан, Тахар, Кунар, Нангархар, Пактия и Пактика. Обстановка осложнялась, возникла прямая угроза Кабулу, где в советском микрорайоне Симитхана проживали семьи наших военных и гражданских специалистов. Посол СССР и представитель КГБ предложили рассмотреть возможность размещения под видом технических специалистов советских боевых воинских подразделений на аэродроме Баграм и под прикрытием реконструкции ремонтного завода на Кабульском аэродроме. В случае

на борьбу с мятежниками дополнительные силы явно просматривался замысел по удалению из Кабула боеспособных, не очень лояльных к нему воинских частей, замене их на советских десантников как гарант сохранения существующей власти. Амин даже не мог тогда предположить, что вскоре советские десантники станут его могильщиками.

Советское руководство обстановку в Афганистане не понимало. Разного масштаба и интенсивности боевые действия возникали почти во всех регионах. Лидеры ДРА не ограничивались просьбами о материальной и военно-технической помощи, настойчиво просили оказать немедленную непосредственную военную помощь. Для выяснения ситуации на месте, оценки обстановки и принятия решения о целесообразности направления в ДРА советских войск в Кабул прибыла советская военная делегация во главе с главнокомандующим Сухопутными войсками генералом армии И.Г. Павловским, имевшим большие полномочия от министра обороны СССР. Однако он был предупрежден о том, чтобы никаких обещаний по поводу ввода советских войск не давать, поскольку Советский Союз не намерен предпринимать подобных шагов. Об этом генерал уведомил нашего посла А.М. Пузанова.

Во время встречи Павловского с Тараки и Амином последний, хорошо разбиравшийся в военном деле, в очередной раз выразил настойчивую просьбу и привел новые доводы в пользу переброски в Кабул одной воздушно-десантной бригады, размещения ее в крепости Бала-Хисар и скорейшего расширения военно-технического сотрудничества по всем направлениям в целом.

Однако генерал Павловский, скрупулезно разобравшись в обстановке, доложил в Москву, что вводить советские войска в Афганистан нецелесообразно.

но. По ответной реакции маршала Устинова стало ясно, что Кремль не доверяет Амину и мнение Павловского остается без внимания.

В сентябре Тараки посетил Кубу и на обратном пути в Москве на встрече с Брежневым и Андроповым был ими проинформирован о неблагоприятной деятельности Амина, который за время отсутствия Тараки фактически отстранил от власти верных и преданных ему людей.

Тем временем командир «мусульманского» батальона получил задачу выдвинуть батальон на Ташкентский аэродром в готовности к переброске в Кабул для «охраны» генерального секретаря ЦК НДПА Тараки. Однако вскоре последовала команда «отбой», так как Андроповым было принято решение о нейтрализации Амина другим способом, которое впоследствии не было реализовано.

В ЦК НДПА произошел окончательный раскол, Амин провел все необходимые мероприятия по захвату власти и потребовал от Тараки в ультимативной форме убрать с государственных постов его последних ближайших соратников, но получил отказ. Конфронтация лидеров ДРА достигла апогея — Амин перестал приезжать в резиденцию генсека и распространял слухи, что тот собирается его убить. Через личного телохранителя Тараки, давно работавшего на Амина, тот узнал о московском разговоре и понял, что необходимо действовать на опережение, причем быстро. Остается тайной, кто организовал покушение на Амина во время его приезда в резиденцию Тараки. Все свидетели тех событий были арестованы и бесследно исчезли. В перестрелке погиб телохранитель Тараки, а два аминовских офицера были ранены. Амин успел добежать до машины и уехать. Вся ответственность за случившееся была возложена на Тараки.

Далее события развивались стремительно. Начальник Генерального штаба Якуб поднял по тревоге войска Кабульского гарнизона, которые взяли под охрану все правительственные объекты, блокировали резиденцию Тараки, отключили все каналы связи и фактически изолировали его от управления страной.

Советский батальон был в готовности вылететь в Кабул и освободить Тараки, однако начальник Генштаба ДРА приказал подразделениям ПВО, прикрывавшим аэродром, сбивать все садящиеся и взлетающие самолеты. Батальон снова получил команду «отбой».

Ночью Амин собрал Политбюро ЦК НДПА, а утром — пленум партии, на котором Тараки был освобожден от всех должностей, а его соратники сняты с занимаемых ими постов и исключены из партии. Генеральным секретарем был избран Амин. Вечером об этом было сообщено по радио. Таким образом в ДРА произошел малокровный военный переворот, не контролируемый нашими спецслужбами, но очень жестокий по своим последствиям.

Советскому послу А.М.Пузанову «за укрывательство заговорщиков, вредительство Амину, поддержку оппозиции и тесные контакты с Тараки» было «рекомендовано» покинуть страну. Новым послом был назначен первый секретарь Татарского обкома партии Ф.А.Табеев. Устинов отозвал главного военного советника генерала Горелова, которому не простили срыв высадки мусульманского батальона. В ноябре на эту должность был назначен генерал-полковник С.К.Магомедов.

Только 10 октября было официально объявлено о смерти Тараки, скончавшегося якобы в результате непродолжительной и тяжелой болезни. Позже стало известно, что его по личному приказу Амина задуши-

ли подушкой три офицера под руководством начальника президентской гвардии. Родственники и сподвижники Тараки оказались в тюрьме.

Советское руководство по отношению к Афганистану продолжило прежнюю линию. В наших газетах печатались приветствия по случаю смены руководства ДРА и дежурные хвалебные оды «товарищу Амину». Советская общественность была спокойна: видимость полного благополучия была достигнута. И тогда, и позже, во время декабрьских событий, многие наши офицеры не понимали, зачем нужно было свергать нашего друга Амина.

Вся практическая деятельность Амина вела к установлению в стране тоталитарного диктаторского режима с масштабным террором, насилием и репрессиями. В первую очередь были физически уничтожены все, кто когда-либо или выступал против него, или был с ним не согласен. Затем дошла очередь до самых авторитетных партийных руководителей — потенциальных конкурентов на пост генсека. Подверглись репрессиям различные неаминовские группировки и фракции в партии и государстве. Велась широкомасштабная охота на всех парчамистов и некоторых халькистов, сторонников бывшего генсека.

В сентябре был опубликован список казненных — 12 тысяч фамилий. В действительности же, по некоторым данным, с апреля 1978 года было уничтожено более 50 тысяч человек. Убивали всех, в том числе и ни в чем не повинных, без суда и следствия. Так сторонники Амина сводили счеты со своими недругами. Основой кадровой политики стала личная преданность Амину. Глядя на портрет Сталина, висевший в его кабинете, Амин любил повторять: «Товарищ Сталин научил нас, как строить социализм в отсталой стране: сначала будет больно, а потом будет очень хорошо».

Из-за массовых репрессий в ряде мест восстали пуштунские племена, и по ним были нанесены массированные авиационные бомбово-штурмовые удары. Обстановка в стране катастрофически обострялась. Режим потерял и авторитет, и доверие. Недовольство народа Афганистана росло. США, Пакистан и другие страны стремительно наращивали военную помощь оппозиции. Мятежники довели численность своих вооруженных формирований до 40 тысяч человек и развернули активные боевые действия против правительственных войск в 12 из 27 провинций Афганистана. На границе с Афганистаном постоянно проводила маневры армия Пакистана. Амин продолжает буквально бомбить советское руководство просьбами ввести войска для обеспечения безопасности Кабула и нормализации обстановки в других регионах.

Как представляется, у советского руководства в это время сформировалось мнение, что режим Амина вскоре рухнет и к власти придет оппозиция. Оказывать военную помощь и поддержку шатающемуся режиму не было смысла, но не было смысла и разрывать отношения с Афганистаном. Наше руководство было в растерянности и не представляло, что следует предпринять и как выйти из сложившейся ситуации: Амин не должен оставаться у власти, а победа оппозиции не нужна.

В октябре—ноябре появились сведения, что Амин активно изучает возможность переориентации своей политики на США и КНР.

Постепенно у советского руководства сформировалась идея создания условий для устранения режима Амина и замены его более лояльной фигурой. В то время в Москве находился Бабрак Кармаль, посол Афганистана в Чехословакии и лидер парчамистов. Ему было предложено возглавить борьбу против Амина. Предложение он принял. Было решено: со-

ветские спецслужбы ликвидируют Амина, а его место займет Кармаль. Одновременно планировалось ввести в Афганистан группировку советских войск.

10—12 ноября мусульманский батальон был переодет в афганскую военную форму и переброшен самолетами из Ташкента на афганскую авиабазу Баграм, где уже полгода находился парашютно-десантный батальон 345-й гв. пдп.

Посол Советского Союза Табеев проинформировал Амина, что его просьба об усилении охраны резиденции главы государства и аэродрома Баграм удовлетворена. В начале декабря сюда же были переброшены из Ферганы подразделения 345-го полка. С ними под охраной сотрудников КГБ прибыла группа афганцев, среди которых были Бабрак Кармаль и будущий министр образования Анахита. До декабрьского переворота афганцы жили на аэродроме под усиленной охраной десантников.

В это время произошли стихийные мятежи в пехотных полках, дислоцировавшихся в Хосте, Нарае и Асмаре. Эти полки длительное время не получали продовольствия, денег и боеприпасов. Постоянная перестановка командных кадров, репрессии и чистки среди генералов и офицеров, принудительный призыв существенно повлияли на боеспособность афганской армии и значительно ослабили ее. Армия теряла одну провинцию за другой. Начали действовать новые бандитские формирования в провинциях Кунар, Лагман, Каписа, Нангархар, Заболь, Пактия, Газни, Кандагар, Бадгис, Гур, Герат и Бамиан. 70 процентов территории страны контролировалось отрядами оппозиции и различными экстремистскими бандитскими формированиями.

Как нам стало позже известно, политическое решение на ввод советских войск и свержение режима Амина принималось Политбюро ЦК КПСС нелегко.

Решения Политбюро опирались на доклады председателя КГБ Ю.В. Андропова, который получал информацию из Кабула о том, что Амин стремится к компромиссу с воюющей мусульманской оппозицией, заигрывает с американским, китайским и пакистанским руководствами, пытаясь найти надежный вариант сохранения своего режима. Решение не было скоропалительным, однако мнение военных профессионалов и спецслужб о том, что ввод войск нецелесообразен, услышано не было.

Многие иностранные исследователи считают, что кто-то сумел тогда подбросить Кремлю мощную дезинформацию о событиях во внутренней и внешней политике Афганистана, и в результате СССР был втянут в эту необъявленную войну.

10 декабря 1979 года министр обороны Д.Ф. Устинов вызвал к себе начальника Генерального штаба Н.В. Огаркова и сообщил ему о принятом Политбюро решении временно ввести в Афганистан армейский контингент численностью 70—80 тысяч человек. Огарков пытался доказать, что афганскую проблему необходимо решать политическим, а не силовым путем. Однако решение Политбюро — это приказ, и его необходимо выполнять, а не обсуждать.

В этих же числах Амин настойчиво просил ввести советские войска в страну, утверждая, что афганское руководство будет приветствовать присутствие Советских Вооруженных Сил для сдерживания боевых действий бандформирований в ряде стратегически важных пунктов северных провинций ДРА. Формы и методы военной помощи должны определяться советской стороной.

Все эти факты говорят о том, что Амин не собирался решать свои проблемы с помощью США, а ликвидировали его те, кого он настойчиво приглашал в гости и просил о помощи.

ГОТОВИМСЯ ВОЕВАТЬ

Вся подготовка 103-й воздушно-десантной дивизии к переброске в Афганистан проводилась скрытно, под видом учений с практическим десантированием войск. Со штабами дивизии и частей были проведены командно-штабные учения, а с подразделениями — тактико-строевые занятия на местности. Реальные цели этих мероприятий знали только командир дивизии и командиры частей. До личного состава никакая информация не доводилась.

11 декабря 1979 года дивизия была приведена в полную боевую готовность для выполнения боевой задачи в Афганистане. Весь личный состав дивизии возвращен из командировок. Были поставлены задачи по десантированию парашютным способом разведподразделений с целью захвата аэродромов, остальным подразделениям в составе аэродромных групп — по десантированию посадочным способом на аэродромы Кабул и Баграм.

Аэродромы взлета исходного района десантирования дивизии находились на различном удалении от мест дислокации частей и подразделений. Поэтому их выход из военных городков осуществлялся ночью, комбинированным способом. На самые удаленные аэродромы личный состав и техника были перевезены по железной дороге. Все средства десантирования боевой техники (они были только у подразделений, предназначенных для захвата объектов) и запасы материальных средств, людские десантные парашюты были оставлены в военных городках.

Появились первые потери. 12 декабря при загрузке техники в эшелон одной из аэродромных групп 350-й гв. пдп на станции Боровуха погиб майор Попов С.И. Погибли два мотоциклиста, врезавшись в

ходе ночного марша в колонну боевых машин, двигавшихся со светомаскирующими устройствами.

Во время совершения марша начался мелкий дождь со снегом, а ночью ударил сильный мороз. Техника и экипировка солдат покрылись ледяной коркой. В районах ожидания у аэродромов взлета очень оперативно были приняты меры по оборудованию пунктов обогрева, личный состав по возможности разместили во всех свободных и служебных помещениях авиационных частей.

Для обеспечения скрытности боевая задача на десантирование в неизвестный район и без указания точного времени была доведена только до командиров частей. Среди офицеров ходили различные слухи, но не было полной уверенности, что дивизия все же будет переброшена по воздуху в Афганистан. Однако когда всему личному составу выдали положенные на военное время оружие и боеприпасы, а офицеры разведывательных рот и подразделений, назначенных для захвата аэродромов, получили, склеили и подготовили к работе топографические карты и планы города Кабула и были сориентированы на готовность к выполнению любых задач, в том числе и к десантированию парашютным способом и вступлению в бой, сомнения рассеялись. К этому времени все разведывательные подразделения дивизии были укомплектованы личным составом и техникой на 100 процентов.

Необходимо отметить, что на первом этапе подготовки к убытию в Афганистан возникли определенные трудности. Ввиду большой удаленности друг от друга аэродромов взлета у меня, начальника разведки дивизии, отсутствовала связь с разведывательными подразделениями, которые находились в разных аэродромных группах на значительном удалении друг от друга и от штаба дивизии. Оперативный кон-

троль я организовать не мог, и надежда была только на начальников разведки полков, на инициативу и самостоятельность командиров разведывательных рот и на то, что они своевременно подготавливаются к десантированию и боевым действиям. Так и получилось. Разведчики самостоятельно и своевременно привели себя в боевую готовность.

В течение нескольких дней уточнялись возможные варианты дальнейших действий, а также боевой и численный состав дивизии по аэродромным группам, наличие вооружения, запасы материальных средств, списки личного состава по самолетам. Самолеты с группами захвата находились в часовой готовности к вылету после получения приказа.

Ночью 13 декабря аэродромная группа, в которой находилась отдельная разведывательная рота и оперативная группа штаба дивизии, была поднята в воздух и с рассветом приземлилась на аэродроме Балхаш Среднеазиатского военного округа, в 200 км от Караганды. Остальные аэродромные группы приземлились в Поволжье, Казахстане, Узбекистане и на Урале.

Самолеты «Ил-76» были рассредоточены по стоянкам, боевая техника и запасы материальных средств остались загруженными на бортах, а личный состав сосредоточен в военном городке. У трапа самолета меня встретил временно исполняющий обязанности командира отдельной разведывательной роты дивизии старший лейтенант Комар И.Г. Командир роты капитан Пашенко Ю.Г. находился в очередном отпуске. Позже он на перекладных своим ходом доберется до Кабула. Офицеры-разведчики доложили о готовности роты к боевым действиям и о том, что все документы отработаны, списки личного состава уточнены. После короткой беседы офицеры убыли к личному составу роты.

На аэродроме Балхаш дислоцировался смешанный истребительно-авиационный полк «МиГ-25» и «Як-28» ПВО страны. Десантники быстро окрестили самолеты «спиртоносцами», а местных прапорщиков «сизыми носами». Личный состав всей нашей группировки расположился в клубе, спортзале и других помещениях военного городка.

Командир, начальник штаба и я убыли на командно-диспетчерский пункт аэродрома. Генерал Рябченко доложил в штаб ВДВ о приземлении аэродромной группы на аэродром Балхаш и о мероприятиях, которые будут проведены на месте. Его же, в свою очередь, проинформировали, где находятся остальные аэродромные группы и чем они занимаются. Как потом оказалось, 103-я воздушно-десантная дивизия находилась на всех аэродромах Средней Азии в ожидании приказа на перелет через государственную границу с Афганистаном.

По слухам, ходившим среди офицеров летного городка, радиостанция «Голос Америки» вещала на весь мир, что головорезы генерала Рябченко сосредоточились на аэродромах вдоль границы с Афганистаном и готовятся совершить там военный переворот. Много позже стало известно, что первоначально операция по ликвидации режима Амина с захватом и штурмом объектов в Кабуле была назначена на 14 декабря. К этому времени 345-й отдельный парашютно-десантный полк без батальона был переброшен самолетами в Афганистан на авиабазу Баграм, недалеко от Кабула. Командовал полком полковник Сердюков Н.И. Впоследствии, сопоставляя эту информацию с реальными событиями, происходившими на наших глазах, мы убеждались в высокой степени ее достоверности.

По имевшимся у командования данным, группировка афганских войск в Кабуле и ближайших пригородах

состояла из двух пехотных дивизий, двух танковых бригад, парашютно-десантного полка, батальона «командос», бригады гвардейцев, частей обеспечения и полка охраны афганского правительства и Министерства обороны. На аэродроме дислоцировалась смешанная эскадрилья боевых вертолетов и транспортной авиации. В городе находилось более тысячи хорошо вооруженных сотрудников милиции (Царандой) и КГБ (ХАД). Оценив соотношение сил и боевые возможности своих подразделений и силы Кабульского гарнизона, руководитель операции заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Гуськов Н.Н. убедил Генеральный штаб, что этих сил и средств для военного переворота недостаточно. Тогда была поднята по тревоге 103-я воздушно-десантная дивизия.

На аэродромах ожидания работа нашей радиосвязи с целью маскировки была запрещена, для связи использовалась проводная аэродромная сеть. Ожидание длилось десять суток. В самолетах периодически запускались вспомогательные силовые установки, и в грузовых отсеках поддерживалась постоянная плюсовая температура. Проводились тренировки по быстрой выгрузке боевых и колесных машин из самолетов, заодно подзаряжались аккумуляторы на всей технике.

Питание было налажено очень прилично. Офицеры были поставлены на довольствие в летные столовые, а рядовые питались в стационарных столовых аэродрома.

В один из дней ожидания произошло чрезвычайное происшествие. Дезертировал солдат инженерно-саперного батальона с оружием и боеприпасами. Попросту трусил и таким образом решил уклониться от возможной опасности. Но вот зачем он ушел с оружием? Ни уйти далеко, ни хорошо спрятаться он

не сумел, так как уже через час начался его активный поиск. А из Балхаша в сторону Караганды только одна шоссейная и железная дорога, а вокруг города на сотни километров пески и верблюды. 30-градусный мороз и пронизывающий насквозь ветер вынуждали все живое забиваться в тепло. Не был исключением и дезертир: вскоре его засекли на окраине города, на чердаке одного из жилых домов барачного типа. Его блокировала местная милиция и разведывательная рота дивизии. Уговоры сдаться не подействовали. В ответ на предложения оставить оружие и сдаться он открыл по разведчикам огонь из автомата. Город, в котором годами ничего примечательного не происходило и в котором впервые в жизни увидели вооруженных до зубов десантников, да тут еще и стрельба, естественно, всполошился. Толпа народа повалила к месту события, обрастая по пути разного толка слухами. Горожане смотрели на все происходящее как на приехавший из Африки цирк.

Народ не обращал внимания на выстрелы, а ленивые милиционеры не сумели или не захотели разогнать местных жителей, с огромным энтузиазмом наблюдавших за интересным, на их взгляд, представлением. В этой ситуации у командования дивизии просто не было другого выбора: в целях недопущения напрасных жертв, особенно среди горожан, было принято единственно правильное решение — беглеца ликвидировать. Группа дивизионных разведчиков под командованием ст. лейтенанта Комара И.Г. выполнила эту задачу быстро и без потерь. Дезертир в ходе перестрелки был тяжело ранен, но выжил и впоследствии был приговорен к шести годам тюремного заключения. В этом мероприятии отличились лейтенант В.Г. Марченко и его подчиненные. Так неожиданно разведчики получили первый боевой опыт.

«ЗА РЕЧКУ»

На аэродроме Балхаша десантники находились до 25 декабря. Утром весь личный состав был построен у самолетов. Командиры в который уже раз проверили и уточнили всевозможные списки, пересчитали людей, оружие, проверили боеприпасы и технику. И наконец-то после обеда прозвучала команда: «По самолетам!», которые взяли курс на Кабул и Баграм.

25 декабря утром на аэродроме Кабула из самолетов «Ан-12» посадочным способом высадился парашютно-десантный батальон капитана Алиева А.М. Личный состав на боевых машинах взял под контроль аэродром и выполнил все мероприятия по обеспечению безопасности предстоящей высадки Витебской дивизии. В это время там уже находился заместитель командующего Военно-транспортной авиацией генерал-лейтенант М.П. Заика с офицерами комендатуры десантного обеспечения.

Десантирование 103-й гв. вдд посадочным способом началось 25 декабря в 18 часов 05 минут на аэродром Баграм и в 18 часов 37 минут на аэродром Кабул для всей дивизии, кроме того борта, на котором находилась оперативная группа во главе с генерал-лейтенантом Костылевым В.Н. В этой же группе был и я. По какой-то странной причуде афганского авиадиспетчера на аэродроме он разрешил посадку всем, кроме нашего борта. Нам пришлось снова возвращаться в Балхаш, к своим прилетели только утром следующего дня.

Ко времени начала десантирования дивизии аэродромы Кабула и Баграма уже полностью контролировались десантниками 345-го полка. Посадка самолетов проходила ночью в сложных условиях. Аэродром Кабула расположен в горной котловине на высоте 1 830 метров над уровнем моря. Его оперативная ем-

кость позволяла разместить на рулежной дорожке не более восьми-десяти самолетов. Они заходили на посадку кругами, группами по 6—8 бортов, по спирали ввинчиваясь между обступающих аэродром гор.

Как потом стало известно, для переброски десантников на аэродромы Кабула и Баграма было совершено 343 самолето-вылета. Вся переброска была обеспечена за 47 часов. Последний самолет с материальными запасами тыла приземлился в 14.30 27 декабря.

Оперативная группа и основная часть дивизии приземлилась на аэродром Кабула. Выгрузка происходила при свете прожекторов, под рев двигателей приземлявшихся самолетов. Все старались разгрузиться как можно быстрее, чтобы дать возможность приземлиться следующей группе «Ил-76». Материальные средства выгружали на обочину стоянок, туда же отгоняли технику.

К сожалению, не обошлось без потерь. 25 декабря в 19.30 в полной темноте при заходе на посадку на Кабульский аэродром зацепился за вершину горы и взорвался «Ил-76». На его борту кроме экипажа (7 человек) находилось 37 десантников из роты материального обеспечения 350-го парашютно-десантного полка (один офицер, трое прапорщиков, пять сержантов и двадцать восемь рядовых). Погибли все. Это были первые потери советских войск в необъявленной афганской войне на территории этой страны. Мы все должны помнить их имена. Это: сержант Абрисимов Н.П., прапорщик Булат Г.М., рядовые Беласиков В.Ю., Берняков А.В., Бузуртанов Х.М., Веснин В.М. и Винни А.Л., прапорщик Голубев М.А., сержант Гаврилов С.М., рядовые Галиев Ф.Г., Горбунов В.Г., Гиберт С.Ф., Гребенюков С.А., Джимиев Т.Т., Денисов М.В., Зернин А.И., сержант Иванько А.В., рядовые Лушников В.Е., Лыков К.С., Максимов Н.М., Михай-

лов А.А., сержант Микенас А.С., рядовые Надеин А.В., Носиков А.Л., Пискунов С.Н., старший лейтенант Пугачев М.Н., сержант Романов И.В., рядовые Смирнов Ю.Н., Смирнов В.А., Толстиков В.А., прапорщик Терских А.М., ефрейтор Тарасов И. М., рядовые Фраймут И.О., Хижняк В.П., Хашнев А.Б., Цаболов В.Я., Яхин Р.З.

К утру 26 декабря главные силы дивизии¹ были сосредоточены на аэродроме Кабула, а один парашютно-десантный полк — на аэродроме Баграма, откуда его перебросили в Кабул самолетами «Ан-12». На рассвете многие удивились огромному количеству грузов, привезенных с собой десантниками. Посадочным способом было десантировано более 8 тысяч военнослужащих, более 600 единиц бронетанковой и автомобильной техники, сотни тонн запасов различных материальных средств.

Командирам подразделений были указаны места расположения техники и личного состава на поле возле аэродрома. Постепенно, к исходу 26 декабря стал формироваться огромный палаточный городок дивизии, проявились некоторые признаки воинского порядка. Ночью среди гор было очень холодно, а палаток на всех не хватало. Под пункты обогрева начали срочно использовать танковые брезенты, не хватало и печек. Но опять, уже в который раз, хочу склонить голову перед смекалкой и неприхотливостью русского солдата, который, как в сказке, может кашу сварить из топора. В ход пошли железные бочки, канистры и баки, из которых делались, как окрестили их солдаты, «камины». А разведчики на второй или на третий день соорудили даже баню, выкопав яму и натянув над ней брезент. Так что перед Новым годом

¹ Командир 103-й ввд генерал-майор Рябченко, командиры полков подполковники Н.В. Батюков, Г.И. Шпак, К.Г. Литовчик.

удалось даже помыться, правда, не совсем как в Сандунах. Эту нашу баню с удовольствием посетил даже начальник штаба дивизии.

Подразделения, назначенные в боевое охранение, подготовили позиции на случай отражения нападения. К счастью, этого не произошло. Подготовка к боевой работе продолжалась в спокойной обстановке. В штабных палатках работали офицеры оперативной группы: принимали доклады от командиров полков и спецподразделений, уточняли количество личного состава, техники, вооружения и грузов — все как обычно и почти как на учениях.

Подъезжали военные советники, мушаверы, советские офицеры, которые давно работали с командирами афганских частей и подразделений, хорошо знали их боевые возможности и в целом обстановку в афганской армии и в столице. Они оказали неоценимую помощь в подготовке и проведении операции. На завершающей стадии им отводилась роль проводников на маршрутах при командирах десантников для их быстрого вывода кратчайшим путем к объектам захвата.

Все эти объекты уже были доразведаны и спланированы оперативной группой командующего ВДВ, прибывшей из Москвы за несколько дней до высадки 103-й дивизии. Группу возглавлял заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Гуськов Н.Н. Начальником штаба этой группы был начальник разведки ВДВ полковник Кукушкин А.В. Они совместно с главным военным советником в Афганистане определили задачи по захвату и локализации объектов каждому полку, батальону и роте. Уточнялся порядок занятия рубежей обороны на случай выдвижения резервов противника. Разведподразделениям дивизии также были спланированы конкретные задачи.

Вся работа оперативной группы штаба ВДВ направлялась на поиск оптимального варианта выполнения боевой задачи 103-й воздушно-десантной дивизией и 345-м отдельным парашютно-десантным полком¹ без серьезных боевых столкновений и с минимальными потерями.

Спланированные задачи были строго засекречены и до времени «Ч» не доводились до исполнителей. Полковник Кукушкин вспоминает, что действия наших войск планировались в глубокой тайне. Некоторые важнейшие детали плана (захват резиденции Амина и нейтрализация начальника Генерального штаба подполковника Якуба, время начала операции и общий сигнал), я полагаю, знали лишь 4—5 человек, в число которых входили главный военный советник генерал-полковник Магомедов С.К., генерал-лейтенант Гуськов Н.Н., генерал-лейтенант КГБ Иванов Б.С. и представитель Главного оперативного управления ГШ ВС СССР генерал-майор Кузьмин Е.С.

Скрыть посадку армады самолетов на аэродромы и выгрузку боевой техники от руководства Афганистана было невозможно. Поэтому правительство страны проинформировало, что на аэродром высаживается мотострелковая дивизия, которая по их просьбе прибыла для усиления Вооруженных сил ДРА. Ее части и подразделения должны были совершить марш и сосредоточиться в районах Джабаль-Уссураджа, Бамиана, Катлая Ашру и с этих направлений обеспечить безопасность Кабула от нападений вооруженных формирований оппозиции. Дело в том, что к этому времени почти на всей территории Афганистана уже шли кровопролитные бои между прави-

¹ Командир полка подполковник Н.И. Сердюков.

тельствственными войсками и оппозиционными бандитскими группами.

Особенно ожесточенные бои, фактически широко-масштабная гражданская война, велись после восстания Гератской и Джелалабадской дивизий. Эти дивизии подняли вооруженный мятеж против правительства Амина. Советских военных советников, пытавшихся воспрепятствовать развязыванию боевых действий, убили. Дивизии были блокированы, и мятеж жестоко подавлен. И этот случай не единственный. Наши военные советники, которых в афганской армии было более двух тысяч, погибали и в боевых действиях.

После подавления восстаний этих двух дивизий от Тараки и Амина в адрес правительства и Политбюро ЦК КПСС поступило 18 обращений с просьбой о вводе советских войск в ДРА. В каждом из них указывался конкретный состав сил и средств: экипажи на афганские танки и «БМП» для охраны правительства и аэродромов; группы специального назначения до батальона включительно; 15—20 боевых вертолетов с экипажами и спецподразделения с транспортно-десантными вертолетами; до двух мотострелковых дивизий и воздушно-десантная бригада.

К моменту высадки советских десантников в Афганистане обстановка в Кабуле резко обострилась. Оппозиция, принявшая решение оказать вооруженное сопротивление шурави, значительно активизировалась. Теперь достоверно известно, что 26 декабря 1979 года Брежнев встретился на даче с членами Политбюро Андроповым, Устиновым, Громыко и Черненко и ими было принято решение к выполнению сигнала «Шторм 333» — началу операции по ликвидации режима Амина — приступить раньше установленного срока.

В это время в Кабуле все напряженно ожидали команды на начало действий. Наконец-то командиры получили крупномасштабные карты и планы города. В штабной палатке, практически безвылазно, находились старший в дивизии от командования ВДВ, заместитель командующего ВДВ по боевой подготовке генерал-лейтенант Костылев В.Н., командир дивизии генерал Рябченко И.Ф. и несколько офицеров оперативных групп штаба ВДВ и дивизии. Иногда генерал Костылев кому-то звонил, сам отвечал на звонки, но эти разговоры были очень короткими и совершенно не понятными для присутствующих. Сложилась такая ситуация, что офицеры штаба дивизии не имели конкретной задачи и какое-то время были как бы не у дел. Поэтому в основном занимались текучкой: обустройством, возведением палаточного городка управления дивизии. Моя связь с разведывательной ротой дивизии была постоянной, и командир роты регулярно докладывал о положении дел. С командирами частей, кроме генерала Костылева, никто не имел права общаться. Одним словом, соблюдался режим маскировки, скрытности управления и радиомолчания. Впрочем, соблюдением режима радиомолчания мы осложнили работу нашим коллегам из американского посольства: их радиоразведчики, оснащенные самыми новейшими техническими средствами, ломали головы над тем, как бы получить хоть какую-то информацию для доклада своему руководству.

Вскоре командир дивизии генерал Рябченко получил боевую задачу, довел ее до ограниченного круга офицеров штаба дивизии, и они приступили к выработке решения на проведение операции. К исходу 26 декабря боевые действия частей и подразделений дивизии были спланированы, полностью организовано взаимодействие, управление и всестороннее

обеспечение. Командиров частей и подразделений познакомили с проводниками, совместно с которыми они изучили маршруты подхода к объектам в городе. Вся работа проводилась скрытно, во время выезда в город использовались гражданские автомобили, выходить из которых было запрещено. Каждый полк, батальон, рота и взвод имели конкретные задачи и хорошо знали, как их выполнять. Для действий на направлении сосредоточения основных усилий дивизии был определен как наиболее подготовленный и боеспособный полк с самым опытным командиром подполковником Г.И. Шпаком, 350-я гв. пдп¹.

На всех объектах дивизии, особенно в штабах и на узлах связи, была усилена охрана и оборона с привлечением парашютно-десантных подразделений на боевых машинах, ужесточен пропускной режим. Отрабатывались всяческие варианты развития событий, в том числе самые вроде бы непредсказуемые.

Только командиры частей и отдельных подразделений были ознакомлены генералом Гуськовым с боевыми задачами, сигналами боевого управления и взаимодействия. И только после этого началась конкретная подготовка личного состава и боевой техники. Особое внимание обращалось на подготовку средств связи — увы, самого слабого звена в наших вооруженных силах — и проведение радиотренировки связистов в различных радиосетях и направлениях. Готовность к началу операции была определена на 17 часов.

Ближе к вечеру до офицеров, участвующих в захвате объектов и выполнении других боевых задач, были доведены все сигналы управления и взаимо-

¹ В конце 90-х годов Г.И. Шпак был назначен командующим ВДВ, а летом 2003 года уволен из рядов ВС РФ по достижении предельного возраста службы. В настоящее время губернатор Рязанской области.

действия. Личный состав в полной боевой экипировке был сгруппирован возле боевых машин, двигатели которых были заранее прогреты, а оружие и боеприпасы приведены в боевую готовность.

Командир дивизии генерал-майор Рябченко И.Ф. с небольшой группой офицеров, в числе которых были братья капитан С.М. Лаговский и лейтенант П.М. Лаговский, в сопровождении разведчиков 80-й орр убыл для выполнения особой задачи — нейтрализации начальника Генерального штаба ДРА подполковника Якуба Хана, второго после Амина лица в руководстве страны. Планом этой операции предусматривалась быстрая нейтрализация всего высшего армейского руководства и Генерального штаба для воспреещения ими управления подчиненными войсками по оказанию сопротивления при захвате десанниками объектов.

Задача была не из простых: Якуб Хан держал в повышенной боевой готовности две преданные ему танковые бригады, готовые по его приказу стрелять в кого угодно. У подчиненных офицеров в кабинетах хранилось большое количество стрелкового оружия и боеприпасов.

В дальнейшем при начале операции события развивались следующим образом. Рябченко с офицерами, приехавший якобы для решения вопроса дальнейшего перемещения воздушно-десантной дивизии в глубь страны для усиления группировки правительственных войск на пакистанском направлении, был принят Якубом. Именовать десантную дивизию мотострелковой уже не было смысла, как это было при высадке на аэродромах и при выполнении мероприятий маскировки.

После взрыва около главного телеграфа в штабе Якуба началась паника. В его коридорах и кабинетах началась стрельба. Командир дивизии и все бывшие

с ним оказались в западне. И не сносить бы коварным шурави головы, если бы не спас их от неминуемой гибели штурм здания подразделениями 350-го гв. пдп.

НЕТ ЗАДАЧ НЕВЫПОЛНИМЫХ

В Кабуле темнеет быстро. С наступлением сумерек загудели моторы боевых машин 350-го гв. пдп, артиллерийского полка, самоходно-артиллерийского дивизиона и 3-й пдб 345-го опдп, которые приземлились на Кабульском аэродроме раньше дивизии и обеспечивали ее посадочное десантирование. Все было готово к началу операции.

В 19 часов 30 минут по сигналу «Шторм 333», который получил по радио генерал-лейтенант Костылев, вся наша бронированная мощь с включенными фарами устремилась к объектам захвата. Операция началась.

В это время взрывом в главном колодце центрального телеграфа, в котором переплетались сотни проводов, была выведена из строя вся телеграфная и телефонная связь Кабула. В значительной степени парализовано управление частями гарнизона Кабула и пригородов.

Выдвижение десантников к объектам захвата и блокирования на боевых машинах было стремительным: все маршруты были заранее разведаны и не раз пройдены. К этому времени разведподразделения дивизии и полков уже начали действовать в районах предстоящих боевых действий парашютно-десантных полков. Их главная задача в тот период — обеспечить беспрепятственный выход главных сил дивизии в Кабул для выполнения боевых задач.

Когда наша армада пришла в движение, офицеры оперативной группы ВДВ и штаба дивизии оторвались от работы над картами и вышли из палатки. Картина впечатляющая, но мрачно-зловещая. В поднятой техникой пыли в свете фар буквально витало нервное напряжение уходящих в бой людей.

Внезапно недалеко от аэродрома, там, где располагался штаб ВВС и ПВО афганской армии, началась ружейно-пулеметная стрельба. Перестрелка была короткой, но очень интенсивной. Тугие пучки тысяч рикошетирующих трассирующих пуль уходили в темное беззвездное небо, напоминая грандиозный фейерверк, расцветший над городом. Зрелище захватывающее и в то же время тревожащее душу. Мы, офицеры, прекрасно понимали, что это такое. Это — бой.

Стрельба в районе аэродрома стала затихать, но где-то в центре города началась артиллерийская канонада. На фоне темного неба были видны вспышки разрывов снарядов, а само оно было сплошь исполосовано шлейфами ракет и трассирующих пуль. В районе американского посольства и здания радио Кабула громыхнули два сильных взрыва.

По радиосвязи уже начали поступать доклады командиров полков о ходе выполнения задачи и складывающейся обстановке. В это время основными очагами сопротивления оказались: дворец Амина, Генеральный штаб и Министерство обороны, штаб армейского корпуса, тюрьма в Пули-Чархи, здание радио и телевидения Кабула. Непростая обстановка сложилась в районах дислокации двух пехотных дивизий на окраине города и в крепости Бала-Хисар, где был заблокирован афганский десантный полк.

Недаром все-таки военные, говоря о связистах, в шутку спрашивают, а как проходят их учения? И сами

же отвечают: проходят они в три этапа: первый — развертывание связи. Второй — отсутствие связи, и третий — свертывание связи. Примерно то же самое произошло с нашим самоходно-артиллерийским дивизионом, выдвинутым в район Пули-Чархи, чтобы блокировать дорогу и не допустить подхода танков афганской армии к Кабулу. Справедливости ради скажу, что связь отсутствовала только с этим дивизионом. Связистам, само собой, досталось за это по первое число, но связь от этого не восстановилась. А без связи — никак. И почему-то командование дивизии решило направить для уточнения обстановки в дивизион не связистов, а меня — начальника разведки дивизии.

В дивизионной разведроде срочно подготовили боевую машину. Короткий инструктаж экипажа, проверка связи и доклад в штаб дивизии о готовности к движению. К этому времени стрельба в городе практически затихла, хотя кое-где раздавались одиночные выстрелы. Мой маршрут проходил через территорию аэропорта, охрана которого возлагалась на батальон Алиева. Зная нервное напряжение еще не обстрелянных солдат, решил подстраховаться, дабы бойцы наши от усердия не расстреляли мою «бээм-дэшку». Связался по радио с Алиевым, который сразу же узнал меня по голосу и пообещал: стрелять по моей машине не будут. Это была первая военная шутка. На КПП нашу боевую машину остановили и предупредили, что въезд в город запрещен.

Батальон Алиева имел задачу блокировать штаб ВВС и ПВО, а также здание кабульского аэропорта. Впоследствии — по особой команде арестовать руководство ВВС и ПВО страны, а если будет оказано сопротивление, применить оружие на поражение. Батальон задачу выполнил очень даже деликатно,

без открытия массированного огня и без потерь. Во время разговора с Алиевым зашли в помещение штаба афганских ВВС и ПВО. Все высшие афганские офицеры, оказавшись не у дел, уже переоделись в национальную одежду и ожидали своей участи. О том, что они армейцы, можно было догадаться только по строевой стати.

Командир батальона не рекомендовал мне одиночной машиной выезжать за город ночью. Но приказ есть приказ. А тут еще мой связист доложил, что пропала радиосвязь с разведротой дивизии. Пришлось поспешно организовать и поддерживать связь через штабную машину парашютно-десантного батальона. Стремясь выполнить приказ старшего начальника, я грубо нарушил одну из основных заповедей разведчика: нет связи — вернись в исходное положение и установи ее. Но я считал, что время дорого, в штабе дивизии не было полных данных по обстановке, и все ожидали скорейшего восстановления связи для управления самоходным дивизионом.

Крепкое рукопожатие с Алиевым, моим бывшим подчиненным. И — вперед.

На полутемной улице недалеко от здания «Радио Кабула» наводчик-оператор увидел танк, который поворачивал ствол пушки в сторону нашей боевой машины. Я тоже приготовился к бою, подал команду «заряжай» и только тут рассмотрел около танка наших десантников. Остановились около них, и я узнал подчиненных командира разведывательной роты 345-го опдп старшего лейтенанта Попова А.В. Разведчики окружили меня и, перебивая друг друга, стали рассказывать, что при блокировании объекта пришлось разоружить охрану и уничтожить один из двух танков, экипаж которого сделал попытку навести ствол пушки на разведчиков. Позднее выяснилось, что из танков афганцев наши военные советники

накануне выгрузили боеприпасы. Афганский танкист-наводчик своими действиями спровоцировал выстрел из гранатомета, за что и поплатился¹.

Попрощавшись с разведчиками-ферганцами, продолжил движение. Около двух часов ночи разыскал командный пункт самоходно-артиллерийского дивизиона и уточнил у командира обстановку. В целом в этом районе было спокойно. Афганские танки из военного городка не выходили, но наше охранение слышало шум заводившихся двигателей. Видимо, попытка вывести танки из военного городка в Кабул все же была. Но что-то или помешало, или напугало командира танкового полка.

Чтобы более детально узнать обстановку, пришлось выдвинуться к боевому охранению и поподробнее поговорить с самоходчиками о том, что они видели и слышали за это время. Расположенный метрах в восьмистах от нашего охранения военный городок был очень слабо освещен и, казалось, приклеен силуэтом к мрачным сопкам. Не было слышно никакого шума, и не наблюдалось оживленного движения. Городок будто вымер. В этом районе работали еще две дивизионные разведгруппы, которым я сам ставил задачу. Правда, в этот момент у меня с ними не было связи, но я знал, что сразу же по возвращении получу переданную ими информацию и на основании всех данных можно будет составить полное представление об обстановке в этом районе.

О том, что в этом районе работают наши разведчики, проинформировал командира дивизиона, дабы в запале не произошло стычки между своими, как это

¹ В дальнейшем все разведчики, которые принимали участие в блокировании здания «Радио Кабула», были представлены к правительственным наградам.

было, по рассказам, при вводе наших войск в Венгрию в 1956 году.

Вернувшись на командный пункт дивизиона и убедившись, что связь с дивизией установлена, оставил командира дивизиона наедине с его проблемами и уже на рассвете направился обратно на аэродром. Мой связист обрадовал — есть прямая связь с дивизионной разведротой. Такая новость несколько подняла настроение, и обратный путь прошел веселее.

Начиная где-то с полуночи Кабул полностью контролировался десантниками. 103-я дивизия некоторые части Кабульского гарнизона блокировала, другие объекты в городе захватила практически бескровно.

На улице, несмотря на ранний час, было много народа, в основном молодежи. Одни, завидев нашу боевую машину, приветственно махали руками, другие — шли своей дорогой, не обращая на нас абсолютно никакого внимания, третьи — смотрели исподлобья. На одном из перекрестков к моей машине подошел европеец и на сносном русском выразил бурное негодование по поводу стрельбы и прочей пиротехники, из-за которой в домах отключилось электричество. Поинтересовался его личностью. Оказался сотрудником чехословацкого посольства. Было не до политических политесов, и я послал его куда подальше. Дипломат остался с выпученными глазами и открытым ртом.

В штабе дивизии царило спокойствие. Оперативный дежурный и его помощник уточняли какие-то списки личного состава, остальные отдыхали. Командование дивизии отсутствовало, пришлось отправиться в расположение разведывательной роты и устроить разборку связистам за потерю связи. Затем пообщался с разведчиками, порасспрашивал о подробностях событий прошедшей ночи, очевидцами

или участниками которых они были, поговорил о задачах, которые ждут нас в ближайшем будущем. И таким образом из докладов и бесед составил довольно ясную картину ночных боевых действий.

Две разведгруппы 80-й отдельной разведроты дивизии по условному сигналу должны были вести разведку северо-восточнее аэропорта Кабула и в направлении Пули-Чархи. В случае обнаружения направлявшихся к Кабулу афганских танков немедленно доложить. Одной из разведгрупп командовал лейтенант Ленцов А.И., другой — лейтенант Марченко В.Г. Оба грамотные и решительные офицеры.

Разведчики также сопровождали командира дивизии по Кабулу, где ему необходимо было выполнять очень ответственные задачи. Для этого выделили две боевые машины с экипажами во главе со старшим лейтенантом Черной А.Я. Взвод радиотехнической разведки (командир ст. лейтенант С. Коробицин) вел прослушивание радиоэфира и пеленгацию чужих радиостанций. Взвод связи лейтенанта Тютвина Н. обеспечивал связь со всеми разведгруппами, старшими начальниками и соседями.

Выполнять поставленные задачи было непросто. Местность незнакомая, со множеством арыков, каналов, кундузов, кяризов, оврагов, на восточной окраине аэропорта — канал, сплошная темень. Нервное напряжение максимальное, все прекрасно понимали, что впервые они не просто в тылу непонятого противника, но и работают только по-боевому, притом не зная языка. Продвигаясь, разведчики соблюдали максимальную осторожность. Выручали наши солдаты — таджики и узбеки. Единственным в роте, кто свободно владел фарси, был сержант Сергей Сафаров.

Работая, так сказать, на ничейной земле, разведчики оказались между двух огней, когда в районе

аэропорта началась стрельба, над их головами свистели и свои и чужие пули. А у них не было права открыть ответный огонь, чтобы не демаскировать свое присутствие в районе. Несмотря на это, обе группы своевременно вышли в районы разведки.

Группа «Альфа»¹, и 9-я парашютно-десантная рота 345-го отдельного парашютно-десантного полка штурмовали дворец Амина, встретив ожесточенное сопротивление со стороны афганской охраны. Пришлось пустить в ход все виды оружия и только после этого удалось выполнить задачу по нейтрализации Амина и захвату дворца. Командовал 9-й ротой капитан Востротин В.А.²

Прошло время, и на голубых экранах замелькали лица ветеранов спецподразделений бывшего КГБ. Они интересно рассказывают об успешно выполненной задаче той декабрьской ночью по захвату дворца Амина, но напрочь забывают вспомнить тех, кто им помогал. Да и вообще смогли бы они нейтрализовать Амина без огневой поддержки десантников. Смею заверить, нет! И даже тогда, когда их вывели на отдых, их покой на вилле оберегали десантники. Да ладно, лирических отступлений больше не нужно, давайте вернемся к тем давним событиям. В это время остальные разведчики обеспечивали безопасность командира дивизии генерала Рябченко И.Ф. и постоянно сопровождавших его капитана С.М. Лаговского и лейтенанта П.М. Лаговского, направлявшихся на встречу в Генеральный штаб афганской армии.

¹ В Афганистане группа «Альфа» состояла из двух групп, имевших условные наименования «Гром» и «Зенит»

² В.А. Востротин — Герой Советского Союза, заместитель министра по чрезвычайным ситуациям, генерал-полковник, а ныне депутат Государственной Думы.

По мере выполнения задачи в районе аэропорта разведгруппы стали выдвигаться в район дислокации афганского танкового полка. Группа лейтенанта Ленцова скрытно подошла к военному городку и наблюдением установила, что танкисты прогревают двигатели, а в тусклом освещении территории военного городка наблюдается хаотичное движение военнослужащих. Командир группы передал результаты наблюдения и свои выводы на мой пункт управления. Информацию подтвердила и группа лейтенанта В.Г. Марченко, ведущая наблюдение за военным городком с другого направления. На основании полученной разведывательной информации противотанковому резерву, самоходно-артиллерийскому дивизиону, была уточнена задача: занять выгодный рубеж и при необходимости открыть по танкам огонь на поражение. Однако по какой-то причине танки не вышли из военного городка, и все обошлось без стрельбы.

Разведывательная рота 350-го гв. пдп (командир — старший лейтенант Литовш Н.А.) имела задачу: ведение разведки расположения пехотного полка и своевременного вскрытия его выдвижения в направлении Кабула. При подходе роты к району ведения разведки одна из групп вошла в огневое соприкосновение с небольшой группой афганских солдат. После кратковременного огневого боя афганцы разбежались, оставив двух убитых. Разведчикам, наверное, только благодаря темноте удалось избежать потерь. Разведроته пришлось приготовиться к возможным боевым действиям и одновременно продолжать наблюдение за военным городком. Но афганцы попыток выхода из военного городка больше не предпринимали. С наступлением рассвета рота без потерь вернулась в расположение полка. Но если честно, все же потеря была: план города исчез в суматохе непредвиденного боя. Сложившаяся обстановка не

позволяла организовать его поиск. Его не стали искать, так как он был чистым: задача роты не была отражена. За эту потерю все же пришлось пожурить офицеров, а позднее за выполнение боевой задачи наградить орденами и медалями.

Разведывательные роты 317-го полка¹ и 357-го полка² вели разведку в центре города, обеспечивая выполнение задачи своими полками в районе королевского дворца, афганских министерства обороны, штаба армейского корпуса и десантного полка.

Таким образом, разведподразделения дивизии, впервые действуя ночью в боевой обстановке на чужой территории, своевременно выполнили поставленные перед ними задачи без потерь. Позднее в разведывательном отделении дивизии действия разведывательных органов будут подробно проанализированы, отмечены положительные моменты, а также учтены все недоработки в подготовке разведывательных групп. С офицерами проведено детальное подведение итогов.

Вернувшись в штаб дивизии, я стал свидетелем стихийно возникших разборов ночных действий офицерами управления дивизии. Большинство из них не были допущены к планам проведенной операции и в деталях не владели обстановкой прошедшей ночи. Однако увлеченно обменивались имевшейся у них информацией и пытались из этой мозаики на основе своих суждений воссоздать картину прошедшей ночи. Вскоре прибыл командир дивизии, собрал в штабной палатке офицеров и коротко проинформировал о том, что же все-таки произошло в Кабуле. В результате ночных боевых действий режим Амина

¹ Командир роты капитан А.Л. Мостиброцкий.

² Командир роты старший лейтенант А.И. Лебедь.

пал, к власти пришел Бабрак Кармаль. Генерал Рябченко вскользь отметил, что дивизия успешно выполнила поставленную задачу, на смену ей выдвигаются части 108-й мотострелковой дивизии, возможно, в скором времени нас выведут из Афганистана. Успешно идет процесс формирования 40-й армии, ее передовые части совершают марш своим ходом и уже пересекли государственную границу, заняли города на севере Афганистана и продвигаются в направлении Кабул — Шиндант — Кандагар.

К сожалению, эта первая ночь боевых действий не стала последней. С нее начался очень долгий отсчет трудных дней и ночей в жизни всех десантников в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

В ночных действиях 103-я воздушно-десантная дивизия потеряла убитым одного десантника из артиллерийского полка. 345-й отдельный парашютно-десантный полк потерял 8 человек, в основном при разоружении личного состава зенитного дивизиона в Баграме. Всего в боевых действиях в Кабуле было ранено около 80 человек, погибли 15, из них пять офицеров из группы КГБ СССР, десантники и спецназовцы из состава так называемого мусульманского батальона, выполнявшего задачи по охране особо важных афганских объектов. В его составе проходили службу пять бывших наших разведчиков из 80-й отдельной разведроты 103-й дивизии.

Во время выполнения витебскими десантниками задачи по охране различных объектов, в том числе и дворца Амина, эти парни в афганской форме, с белыми опознавательными нарукавными повязками, оказались в эпицентре событий. Своими действиями они здорово помогли витебским и ферганским десантникам в быстром подавлении вооруженного сопротивления.

Участвовали «мусульмане» и в штурме различных объектов. Для опознания погибших десантников и бойцов мусульманского батальона, одетых в афганскую форму, в кабульский госпиталь был направлен старший лейтенант И.Комар. Трупов в афганской форме было много, и это был нелегкий и, самое главное, морально тяжелый труд: сортировать погибших на наших и афганцев. К счастью, витебчан в афганском морге не оказалось.

Вечером по приказу командира дивизии И. Комара с усиленным разведывательным взводом дивизионной роты назначили для охраны и обеспечения безопасности групп антитеррора КГБ «Альфа», «Гром» и «Зенит», отдохавших после штурма дворца Амина на вилле в центре города и ожидавших вылета в Союз. Часть разведроты обеспечивала охрану правительственных самолетов на так называемой литерной стоянке аэродрома в Кабуле, которая находилась рядом с расположением роты.

Утром 28 декабря верные Амину гвардейцы из подразделений правительственной охраны подняли бунт и пошли на штурм комплекса зданий Министерства обороны и Генерального штаба, пытаясь отбить их у наших десантников. Однако они были расстреляны в упор из боевых машин и артиллерийских систем. Их попытка закрепиться в своих казармах и организовать там устойчивую оборону не удалась, и гвардейцы через два часа перестрелки сложили оружие.

Вскоре командир дивизии поставил множество задач по организации быта частей и подразделений на занимаемых местах, и десантники приступили к дооборудованию палаточных городков. Боевую технику разместили в полевых парках. Наладилось регулярное трехразовое питание личного состава горячей пищей. На полевом дивизионном хлебозаводе

началась выпечка прекрасного хлеба, который был очень популярен не только у десантников, но и у представителей различных силовых структур, партийных и военных советников. Росли как грибы самодельные бани и колодцы. В короткие сроки была организована эффективная система охраны и обороны аэродрома, расположения частей и подразделений, составлены графики дежурства ответственных лиц. На военнотружущих, отличившихся в декабрьских событиях, командованием дивизии были оформлены представления к награждению государственными наградами. В их числе: майоры: я и Г. Павлов; капитаны Ю. Пашенко и А. Мостиброцкий; старшие лейтенанты И. Комар, Ю. Жижняк, В. Гришин, А. Родин, С. Коробицин, А. Чернега, А. Пузачев, А. Лебедь, Н. Литош; лейтенанты С. Червонопиский, С. Богатиков, Н. Тютвин, В. Марченко, А. Ленцов; прапорщики Н. Андрейчук и П. Слободов; разведчики Куранов, Ивонин, Кибиткин, Мухамедзянов, Сокуров, Лебедев, Курочкин, Сафаров, Орлов, Ратиев, Фетисов, Жиликов, Баравков, Шакуров, Черясов и многие другие. К сожалению, по непонятным причинам не все они получили заслуженные награды за те свои первые, но умело проведенные боевые действия, на многих позже повторно оформляли наградные листы.

В первые годы пребывания в Афганистане к награждению московские начальники из Главного управления кадров Министерства обороны, да и штаба ВДВ, относились очень придирчиво, меряя заслуги аршином мирного времени, как и в Союзе. Представление ко второй государственной награде не допускалось. Офицеры и прапорщики, получившие очередные воинские звания досрочно или выдвигавшиеся на вышестоящие должности, к наградам не представлялись, считалось, что они и так уже достаточно благодетельствованы Родиной. Очень многие

солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры из первого афганского захода не были награждены орденами или медалями именно по этим причинам и уезжали на Родину без наград, хотя честно заслужили их в боевых операциях. Было непонятно и очень обидно, когда в конце 1980 года началась плановая замена и грудь многих вновь прибывших, не нюхавших пороха офицеров украшали боевые награды, полученные «за отличие в боевой и политической подготовке». А наши парни увозили домой только счастливую мысль, что остались живы, здоровы, с надеждой, что когда-то награда найдет своего героя. Многих действительно находила.

Например, вторая награда, орден Красной Звезды, нашла капитана А. Ленцова, командира разведроты дивизии. Через год после Афганистана, когда он служил во Пскове начальником штаба парашютно-десантного батальона 76-й гв. влд. Правда, не без его стараний. Он теребил меня, что где-то затерялся его орден. Пошел я в кадры, которые, как известно, решают все, и действительно нашел этот орден. Правда, не просто так нашел, а выкупил за магарыч. В одну из очередных командировок привез «заблудившийся» орден в Псков. Вручил его Ленцову начальник штаба ВДВ генерал-лейтенант Павленко П.Ф. в присутствии всех офицеров дивизии в учебном центре.

Жизнь дивизии шла своим рутинным чередом. Мы все пребывали в полнейшей уверенности, что вот-вот улетим или своим ходом уйдем домой. Офицеры оргштатного и оперативного отделений подготовили все расчеты вывода дивизии из Афганистана по воздуху самолетами ВТА, а также своим ходом до границы Советского Союза, а далее железнодорожным транспортом до Витебска. Распространившаяся по солдатскому телеграфу новость в полном смысле вдох-

новила всех, любые задачи выполнялись с ходу и с энтузиазмом. Во всех курилках строились предположения о вероятных сроках начала вывода дивизии. И все сходились во мнении — 9 мая. Но наши предположения не оказались пророческими. Целых десять лет десантники, постепенно втягиваясь в боевые действия, прослужили в Афганистане.

Офицеры в своих разговорах обсуждали только одну тему — вывод дивизии из Афганистана и сроки. Однако говорили об этом с некоторой осторожностью, предположительно. Подписка о неразглашении секретов была взята накануне. Солдаты, получавшие строго дозированную информацию, судили о происходившем вокруг, о действиях властей со своей колокольни, но достаточно осторожно. Однако общее мнение, и рядовых и офицеров — да на хрена нам этот Афганистан.

Но время шло, и каждый день все с нетерпением ждали почтовик — самолет «Ан-12», который регулярно развозил почту по маршруту Кабул — Кандагар — Шиндант, а потом возвращался в Ташкент, где проходил таможенный досмотр и дальше летел до Ферганы. Так повторялось ежедневно. Почту разбирали мгновенно, читали письма от родных и знакомых. Внимательно просматривали газеты, надеясь прочесть, что советские десантники свою интернациональную задачу выполнили и советское правительство приняло решение вернуть их в Витебск. В родные леса и болота. И пусть они там продолжают совершенствовать свою боевую и политическую подготовку и продолжают изучать западный театр военных действий. На тему возвращения родился анекдот. Один солдат спрашивает другого: «Почему самолеты летают над Кабулом так высоко?» Второй задумался. Тогда первый объясняет: «Да потому,

чтобы мы не смогли допрыгнуть, зацепиться и улететь домой. Понял, тормоз?»

Напрасно десантники штудировали газеты в поисках желанных строк. Но однажды натолкнулись на очень интересную информацию в «Известиях». Там черным по белому было написано: «Советских войск, а тем более десантников, в Афганистане нет, и даже их нахождение там не планируется». Вот это да! Стоим на афганской земле, читаем эти строки и узнаем, что нас здесь нет. Ну, прямо волшебство на уровне ЦК! Офицеры только пожимали плечами. Кроме появления очередных слухов, такая информация ничего не могла принести.

А «Голос Америки» с большой долей достоверности вещал всему миру о событиях в Афганистане, о составе Ограниченного контингента войск, о потерях и проблемах. А наши, родные средства массовой информации сообщали нам о том, что ряд военнослужащих отличились во время учений и за это представлены к награждению правительственными наградами.

Накануне Нового года я с группой офицеров осматривал казарму афганского полка «Командос», которая предназначалась для размещения 357-го гв. пдп. Следует напомнить, что на следующий день после переворота офицеры этого полка предприняли попытку мятежа, но она была жестоко пресечена. Для нас представшая картина военного городка была достаточно шокирующей: кругом грязь, мусор, злование. В казармах пока еще находились афганцы: одни молятся, другие безразлично сидят на табуретках, уставившись в одну точку, третьи косо посматривают в сторону шурави.

Вот так за повседневной суетой как-то забылось, что грядет Новый, 1980 год. Встретили его буднично, в палатках, без особых праздничных застолий и тем

более без традиционных елочек. У кого было припасено спиртное, те, естественно, и отметили праздник по-человечески. Сам я смыл перед заветными 12 часами ночи прошлогоднюю грязь в бане у разведчиков и завалился спать.

Собственно говоря, разгуляться-то нам было не на что. Ни зарплаты, ни каких-то особых пайков мы не получали. Как нам говорили, в Союзе на наши счета в полевых отделениях банка капали какие-то рубли — не весь оклад, а его часть, поскольку были-то мы все-таки за границей, а на месте в карманах шаром покати. Кстати, за все время пребывания в Афганистане лично я видел афгани только в руках у советников. Нам же до марта не платили ничего, да и потом стали выдавать зарплату чеками. Но, скажу честно, нежирно.

Начался новый, високосный, 1980 год, принесший много бед нашим войскам и горя во многие советские семьи. В январе командиром 80-й орр был назначен ст. лейтенант Комар И.Г., его заместителем ст. лейтенант Ленцов А.И. Командиром 1-го разведвзвода вместо Ленцова был подобран один из лучших офицеров 350-го гв. пдп лейтенант А.А. Перепечин, отличившийся в декабрьской операции. Добравшийся на перекладных из отпуска бывший командир роты капитан Пащенко Ю.Г. стал командиром 2-го парашютно-десантного батальона 317-го гв. пдп, разместившегося в королевском дворце Делькуша. Его батальон охранял руководство Афганистана во главе с Бабраком Кармалем, которого наши десантники на советский манер окрестили Колей Бобровым.

В начале января в Кабул прилетела оперативная группа Министерства обороны во главе с генералом армии С.Л. Соколовым. Генерал армии Ахромеев стал его заместителем. Группа разместилась на вил-

ле, где до этого отдыхали альфовцы, и дивизионные разведчики стали обеспечивать безопасность наших генералов.

Проходили дни, недели, а долгожданного приказа на возвращение домой все не было. В Кабул из Москвы зачастили высокие военные чиновники, одетые в добротные куртки одинакового покроя цвета хаки. Они размещались на вилле Соколова, а их охрана и сопровождение еще более усилились. В своих выступлениях перед нами московские визитеры, как будто сговорились, всегда говорили одно и то же: если все пойдет по плану, военнотружущим Ограниченного контингента будут выплачивать двойной оклад, а пока здесь все как на обычных учениях: никаких льгот, доплат не полагается. Вот такую заботу о воевавших проявило родное советское правительство.

40-я общетружущая армия полностью сформировалась только к марту 1980 года. И только тогда на ее базе было развернуто полевое отделение государственного банка. Были открыты счета, и всему личному составу стали выплачивать чеки и начислять повышенные оклады. Два месяца пребывания за границей оказались неоплаченными.

Все воинские части, как во время войны или в группах советских войск за границей, получили условные наименования: войсковая часть — полевая почта номер такой-то. 80-я отдельная разведрота дивизии была отдельной войсковой частью 86 793, а стала полевой почтой 48121.

ОСТАЕМСЯ НАДОЛГО

Оценивая происходящие события и молчание со стороны командования ВДВ и генерала армии Соколова о сроках пребывания нашей дивизии на афган-

ской земле, мы начинали осознавать (позже это подтвердилось решением высшего военного руководства), что прибыли десантники в Афганистан надолго. Мы догадывались: Соколов здесь играл главную скрипку. Изучив обстановку в Афганистане, он увидел весь бардак у сухопутчиков в развертываемой 40-й армии и, скорее всего, решил, что пока он будет командовать войсками в ДРА, не выпускать из своего прямого подчинения высокоорганизованную и боеспособную дивизию и отдельный полк десантников. Тем более что он, как заместитель министра обороны, был куратором ВДВ и отвечал за подготовку десантных войск. Вероятно, его решение еще больше окрепло, когда он увидел, кем и как укомплектованы прибывшие своим ходом в Афганистан через Кушку и Термез сухопутчики, поднятые по тревоге и наскоро отобилизованные. Личный состав — так называемые партизаны, люди, наскоро набранные из запаса, практически утратившие всякие воинские навыки, так как служили порой лет десять-пятнадцать назад. Все — представители азиатских и закавказских народов, лишь одетые и обутые в советскую военную форму, правда, образца 1943 года, голодные, замерзшие, небритые и практически неуправляемые. Расхристанные, мятые, чисто огородные пугала. Огромные любители делать небольшие гешефты: продавать все из того военного имущества, которое «плохо лежало». Тут уж ни о какой дисциплине и говорить нечего.

Нужно отдать должное, и в первую очередь их офицерам и прапорщикам, совершившим своеобразный подвиг, — это по сути дела не войско, а стадо они с огневыми стычками все же довели в указанные районы.

У партизан постоянно случались конфликты с местным населением. Наши бабаи считали, что вокруг

них единоверцы и родственные души, и поэтому не стеснялись, например, залезть под паранджу афганке или выкинуть нечто в том же роде. Больно и стыдно было смотреть на этих «защитников советского Отечества», а офицеров — искренне жаль. Остается загадкой, как, почему и кто отправлял таких людей для выполнения важнейшей, если судить по замыслам правительства, задачи. И, видимо, никто из руководства Туркестанского военного округа не понес ответственности за этот бардак.

В январе, когда, вероятно, наше посольство и силовики забросали соответствующие инстанции докладными, всех партизан оперативно поменяли на солдат-славян срочной службы, большинство из которых в экстренном порядке было призвано военкоматами и без всякого прохождения курса молодого бойца прямиком направлено воевать. Ребята рассказывали, что многие из них даже не успели пострелять из автомата, присягу принимали наспех, иногда прямо в эшелонах, а о каких-то военных знаниях и навыках, об изучении уставов не было и речи. Многие из этих мальчишек погибли в первых же боях, но те, кто выжил в этой никому не нужной, как оказалось, войне ценой своей крови и крови своих товарищей, стали настоящими профессионалами военного дела.

Неумолимо наступило время решить важную и непростую задачу: по-настоящему обустроить дивизию, создать условия для полноценной жизни и быта в полевых условиях, которые значительно отличаются от условий при нахождении войск на тактических учениях и полевых выходах в Витебске. И не просто обжиться, а предусмотреть все в соответствии с требованиями уставов — от оборудования палаточных городков, парков боевых и колесных машин, пунктов хозяйственного довольствия до наблюдательных пунктов и позиций боевого охранения. Не говоря уже

о различных мелких, но крайне необходимых бытовых сооружениях. И все это нужно было сделать почти при полном отсутствии официально предоставляемых строительных и ремонтных материалов.

Кроме того, благодаря неразворотливости тыловиков ТуркВО долгое время десантников не ставили на котловое довольствие по нормам десантного пайка. А может быть, эта неразворотливость объяснялась тем, что в сложившейся ситуации они углядели возможность обновить неприкосновенные запасы продовольственных складов округа за счет Ограниченного контингента. Вот и кормили нас в основном красной рыбой, низкого качества перловкой, сечкой и пшеном. О фруктах, овощах и речи не было.

Проходили дни, появлялись новые проблемы. Одна из них, которую надо было срочно решать, — стирка и смена нательного и постельного белья для тысяч десантников, поскольку появилась реальная угроза распространения педикулеза. То есть, проще говоря, можно было просто завшиветь. Решили обратиться за помощью в прачечный комбинат бывшей Ферганской 105-й дивизии. Кого послать для решения вопроса? Ну, конечно же, начальника разведки, который в расформированной дивизии тоже руководил дивизионной разведкой.

Уже на следующий день я был в штабе своей бывшей дивизии. К моему великому удовольствию, застал в рабочем кабинете полковника Королева, командира расформированной 105-й ввд. Он ожидал приказа на убытие в Группу советских войск в Германии на должность командира мотострелковой дивизии и временно исполнял обязанности начальника гарнизона. Прямо в его рабочем кабинете без всякого промедления были решены все бытовые проблемы витебских десантников.

Конечно, встречу, как и положено офицерам, отметили. В тот момент у меня даже в мыслях не было, что через несколько лет я стану частым гостем в Фергане. После замены из Афганистана я буду служить в управлении боевой подготовки ВДВ и буду назначен куратором 387-го отдельного учебного парашютно-десантного полка, который обеспечивал подготовку для 103-й ввд, 56-й овдбр и 345-го опдп водителей «БТР-70» и колесных машин, снайперов, пулеметчиков, гранатометчиков и стрелков в Ферганском горном учебном центре. И поэтому мне часто приходилось бывать по служебным делам в полку. Моя семья проживала в Фергане до лета 1984 года, и я старался чаще бывать в этом городе, иногда сам напрашивался в командировку, благо начальство шло навстречу, чтобы лишний раз повидаться с сыном и женой и побаловать их московскими гостинцами. Через несколько дней я вернулся в Кабул и доложил командованию о том, что прачечный вопрос с повестки дня снят.

Время шло. Слухи о нашем выводе стали затихать, и генерал-майор Рябченко решил обустроить дивизию по единой методике — однообразие во всех частях и подразделениях. Для этого он решил оборудовать показательный палаточный городок, пункт хозяйственного довольствия, парк боевых машин и в этом городке провести показательные занятия с командирами. Цель таких занятий — обязать всех оборудовать подобный городок у себя.

Само собой, для этой цели определили дивизионную разведывательную роту ст. лейтенанта Комара И.Г., палаточный городок был лучшим по сравнению с городками других подразделений. Я, как начальник разведки дивизии, вместе с командиром и старшиной роты составили план, как сделать все лучшим образом в расположении роты, парке боевых машин и

на пункте хозяйственного довольствия, а также на складе боеприпасов и средств связи. Главное — качество. Само собой, хотелось не только не ударить лицом в грязь, не только оборудовать свой городок максимально удобно для нормальной жизни на весь оставшийся срок и заслужить соответствующую оценку роте командованием дивизии; но и сделать так, чтобы командиры брали с нас пример.

Дружно взялись за дело. Каждому взводу определили объем работы. Разведчики работали весело и напористо. Строительными материалами помогал заместитель командира дивизии по тылу полковник Красный Л.М. Однако большую часть всего необходимого разведчики добывали сами. За камнями для брусчатки бегали во время зарядки в предгорье с рюкзаками. Мраморную крошку завозили из карьера, в котором афганцы добывали мрамор для своих нужд. Спирт и взятые в бою сувениры помогали добывать у тыловиков новую армейскую мебель. Работа была проделана очень и очень большая. Все трудились на совесть, без всякого понукания. К началу марта 1980 года образцовый палаточный городок и другие объекты разведывательной роты были полностью готовы для проведения занятия.

Я доложил генералу Рябченко о завершении работ и уточнил время проведения занятия. На утро следующего дня объявили командирам частей сбор. Ночью неожиданно прошел не такой уж частый в Афгане небольшой дождичек. Он все облагородил, прибил пыль, одним словом, подмарафетил все, поработал для разведчиков визажистом.

Утром перед городком разведывательной роты построились офицеры управления дивизии, командиры частей и отдельных спецподразделений. Подъехал командир дивизии. Молча осмотрел городок, подозвал меня, начальника разведки дивизии, пожал

руку и сказал: «Молодец, такого я в полевых условиях не видел. Передай от меня благодарность всем разведчикам».

Действительно, палаточный городок смотрелся здорово. Каркас палаток был сделан из досок, а сверху натянуты большие ротные палатки. В отличие от просто поставленных на землю они смотрелись как жилые дома. Под палатками были выкопаны углубления, их обшили досками, настелили деревянные полы. Можно было ходить не пригибаясь. Довольно удобно стояли двухъярусные солдатские кровати, тумбочки, стулья и табуретки. В результате намного увеличилась полезная площадь, в палатках было уютно, в холода тепло, а в жару прохладно. Дневальные и часовые несли службу под одинаковыми постовыми грибами, изготовленными в соответствии с требованиями Устава гарнизонной и караульной службы. По всей территории роты проходили широкие и ровные дорожки, засыпанные белой мраморной крошкой. Солдаты чистые, наглаженные, в сияющей обуви. Несколько в стороне — прекрасно оборудованный парк боевых машин, склады боеприпасов и средств связи, столовая и ленинская комната. Это все напоминало оазис, образцовый маленький городок. Участников занятий долго не могли вытащить из палаток и собрать на построение. Они остались очень довольны увиденным.

Основные части дивизии размещались в районе аэродрома, а два парашютно-десантных полка, 317-й и 357-й, были расквартированы в городе в афганских казармах, которые были загажены настолько, что пришлось их, как Гераклу авгиевы конюшни, чистить, драить и вывозить горы мусора. Через несколько недель расположение дивизии преобразилось. Везде был армейский порядок. Все подъездные пути перекрыли охраняемыми КПП. Свободные от боевого де-

журства подразделения занимались боевой подготовкой. Московские гости и армейское руководство при посещении дивизии всегда отмечали существующий у десантников образцовый порядок.

А обстановка вокруг шурави осложнялась не по дням, а по часам. В стране складывались благоприятнейшие условия для сколачивания криминальных групп разных мастей, сбивавшихся как волчьи стаи в банды. Города наводнили выброшенные на улицу офицеры правительственной афганской армии, ставшие не нужными и не угодными новой власти, и дезертиры. К ним примыкали сторонники свергнутого режима. Повсеместные грабежи всех и вся стали происходить не только ночью, но и среди бела дня, особенно на рынках и в стихийно возникавших торговых рядах. Одним словом, обстановка потребовала к себе особого внимания. По согласованию с местной властью в Кабуле был введен комендантский час. Первым комендантом города был назначен начальник противовоздушной обороны 103-й гв. ввд полковник Двугрошев Ю.И., офицер с большим опытом службы, серьезный, честный и неподкупный.

Кабул, с учетом особенностей его застройки, был разделен на секторы. Под особый контроль были взяты важнейшие государственные и военные объекты. Основой комендантской службы было патрулирование в городе и выставление в ночное время постов силою до взвода на площадях и важнейших узлах дорог и перекрестках. К несению комендантской службы привлекались и афганские армейские подразделения, милиция и служба безопасности. Надо отдать должное, афганцы службу несли бдительно и профессионально. Если один приказывал водителю машины остановиться, то его из-за укрытия прикрывал напарник, а требование остановить автомобиль сопровождалось таким решительным выпадом с ору-

жием и громким, слышным чуть ли не за сто метров возгласом «Дрыш!» («Стой!»), что любой поневоле останавливался.

Офицеры постоянно, особенно в ночное время, проверяли службу гарнизонной охраны. Однажды один из таких проверяющих из-за свехрвения или по недомыслию совершил ошибку, стоившую жизни сержанту. На одном из постов 317-го гв. пдп старшим был назначен командир боевой машины младший сержант Галкин Н.Н. Среди ночи он подошел к боевой машине, оставил автомат на броне и отошел в кусты. В это время прибыл проверяющий офицер, забрал автомат и без выяснения причин, почему и кем оставлено оружие на броне, поехал дальше по маршруту проверки. Сержант вернулся к машине, понял, что за пропавший автомат в боевых условиях его ждет суровое наказание, достал пистолет и застрелился. Проверявшего офицера немедленно отправили в Советский Союз, как будто это было суровейшее наказание, для решения его дальнейшей судьбы, а у всех сержантов изъяли пистолеты.

Средством передвижения подвижных патрулей и групп проверки, как правило, были боевые разведывательные дозорные машины (БРДМ), вооруженные крупнокалиберным пулеметом КПВТ. У патрулей в ночное время часто происходили стычки с бандитами со стрельбой, и нередко КПВТ становился козырной картой патруля. Принятыми мерами, в основном в Кабуле, удалось навести нечто похожее на порядок и пресечь вольное передвижение по ночному городу бандитских групп и сотрудников некоторых посольств, которые, скажем так, не питали симпатии ни к нам, ни к тому, что происходило в Афганистане. Задержанных во время патрулирования отправляли для разбирательства в Царандой и ХАД (милицию и органы безопасности).

Тюремные камеры, не пустовавшие во все времена, значительно пополнились криминальными личностями. Одну из таких тюрем охраняли десантники 317-го гв. пдп и слышались в свой адрес много нелицеприятных слов. Один из бандитов, очевидно очень крутой, настойчиво требовал поединка с любым десантником, которого, по его словам, всенепременно замочит. И такая возможность ему была предоставлена. Крутой после этого поединка никогда больше не сквернословил, стал одним из самых дисциплинированных узников и тихо отсиживал срок. В тюрьме же воцарился покой, стал строго соблюдаться внутренний порядок.

Впервые за многие годы зима 1980 года в Кабуле выдалась необычайно снежной и холодной. Муллы вещали из своих минаретов, что на их землю такую суровую погоду принесли неверные, крестьяне же, хотя и мерзли, очень радовались такой зиме — много снега зимой, значит, летом будет богатый урожай.

Палатки десантников обогревались самодельными печами «поларисами». Это такое хитрое самопальное приспособление из металлических труб, сплюснутых с нижнего конца и залитых соляжкой. Около таких печей всегда дежурил солдат, так называемый истопник. Естественно, случались в дивизии случаи загорания палаток, правда, к счастью, без особых последствий. Первой в дивизии сгорела палатка инфекционного отделения медико-санитарного батальона. Десантники шутили, что сам аллах решил помочь уничтожить заразу. В последующем «поларисы» стали менять на керосиновые печи заводского изготовления.

В отличие от десантников местное население замерзло. Дрова на рынке стоили дорого и продавались на вес. Беднякам такая роскошь была не по карману, и они оказались совершенно не готовы к суро-

вой зиме. Летняя, легкая одежда, суконные накидки, калоши на босую ногу — вот и вся зимняя экипировка простых людей, которые страдали к тому же от недоедания. Да и утеплялись афганцы как-то странно: на голову, верхнюю часть туловища напяливали черт-те что, а ноги в калошах на босу ногу. Афганские ребятишки (нужда заставила, плюс заложенное чуть ли не генетически стремление к торгово-обменным операциям) быстро усвоили необходимый словарный запас русского языка и с успехом выпрашивали у наших солдат сигареты, спички, сухари, доски от снарядных ящиков и различную мелочь. Нередко даже приводили совсем маленьких девчушек и предлагали за плату, совершенно однозначно, русскими матерными словами, поясняя для какого «использования».

Кабул на нас произвел огромное впечатление как город, да простят мне эту банальность, ярких контрастов, где современность, нет, не соседствовала, а именно тесно переплеталась со Средневековьем. Блеск и богатство магазинов, магазинчиков-дуканов и рынков соседствовали с глинобитными лачугами и страшной нищетой. На торговых прилавках — вещи времен Александра Македонского и суперсовременная японская радиоаппаратура, которая в Союзе была в страшнейшем дефиците и за бешеные деньги продавалась только в валютных «Березках». Целые торговые ряды были завалены дубленками, коврами, джинсами, японскими часами, китайскими ручками, индийским, пакистанским и китайским ширпотребом... Складывалось впечатление, что торгует все население Афганистана. Например, четырехлетний мальчишка мог сидеть где-нибудь и предлагать поштучно сигареты и прочую мелочовку. И при этом сам не упускал возможности стрелкнуть сигарету у шурави. А на вопрос, почему бы просто не стрель-

нуть у самого себя, мудро отвечал, что во-первых, его табак — это товар, а во-вторых — товар хозяйский.

Купить можно было все, что душа пожелает, никакого дефицита и никаких очередей. Покупателя усаживали в кресло, угощали кофе или чаем, а подобострастный дуканщик носил и носил на выбор кучу всяческих вещей. Если нужного у него не находилось, он отправлял бачу (мальчика) к соседу, чтобы тот принес необходимый товар, но купить его должны были у него. Если же и у соседа такого товара не было, дуканщик назначал время, когда то, что требуется, будет доставлено. И ни разу не было случая, чтобы слова своего не сдержал. После нашего советского хамско-презрительного отношения работников советской торговли подобное было очень непривычно и, скажу честно, приятно.

И еще одна особенность. Никаких ценников, они появились где-то через год. Торговаться просто необходимо, иначе навсегда потеряешь уважение продавца. Очередей и ажиотажного покупательского спроса не было по самой простой причине. Большинство афганцев жили очень бедно, и им все эти товарные прелести были недоступны. А у десантников не было денег, да и в город они вырывались редко, так как свободный выход был запрещен.

При создании в открытом поле у солдат и офицеров почти домашнего уюта многое зависело от самих офицеров и старшин рот, от их деловитости, старания и умения. Не могу не вспомнить добрым словом старшину отдельной разведывательной роты дивизии прапорщика Андрейчука Н.В. Цепкий, хваткий хозяйственник, у которого всегда все было просчитано и заготовлено наперед, не на день, а по крайней мере на неделю. Ни у кого и никогда не было проблем в материальном обеспечении при подготовке

к боевым действиям. Причем образцовый порядок существовал не только в расположении роты, а везде, включая территорию, парк боевых машин и склад боеприпасов. У него до всего доходили руки. Всегда в порядке отчетные документы. Он был требовательным и заботливым человеком, к тому же неплохим воспитателем. Разведчики его уважали, но и немного побаивались. Он всегда досконально разбирался даже в малейшей провинности, огульно и незаслуженно не наказывал, но и поблажек никому не делал. Андрейчук пользовался огромным авторитетом у всех, кто с ним сталкивался, не говоря уже о подчиненных.

На боевые действия разведчики уходили, имея при себе дополнительный паек и фляжку сладкого чая. К их возвращению старшина всегда готовил баню, а встречая, справлялся о здоровье каждого и расспрашивал подробности о поведении во время боя. Андрейчук всегда старался не превращать солдатскую жизнь в поле в тягостное существование, а старался максимально одомашнить ее. Все офицеры старались ему помочь в любом деле. Больше всего решением бытовых проблем, кроме старшины и командира роты, занимались его заместители А. Ленцов, В. Гришин и А. Родин.

Немаловажную роль в повышении боевой готовности разведчиков играла исправность боевой техники и ее готовность к работе и боевым действиям на тяжелейшей пересеченной местности. От ее надежности порой зависела жизнь разведчиков. Техник роты прапорщик Слободов П.Н. наизусть знал, какую машину, когда и как обслужить, что необходимо своевременно заменить, чтобы избежать малейших поломок. Просто как Макаренко обучал механиков-водителей. Поэтому боевая техника разведчиков не подводила, а если и случались мелкие поломки, они

тотчас устранялись самими механиками-водителями. Примерно так же обстояло дело с техникой и в полковых разведывательных ротах.

В полевых условиях у разведчиков всегда был порядок, боевые задания проводились грамотно, не с кондачка. Поэтому в роте не было ни боевых потерь, ни преступлений, ни серьезных происшествий. Боевые действия велись успешно потому, что их обеспечивали такие прапорщики, как Андрейчук, Слободов и другие. Несомненно, руководящая роль в организации и подготовке личного состава к боевым действиям принадлежала командиру роты и ее офицерам. Но без надежного тылового и технического обеспечения боя вряд ли можно было бы успешно решать разведывательные задачи. Многие начальники служб штаба дивизии с пониманием отнеслись к важности мероприятий, выполняемых разведчиками, и старались по возможности обеспечивать роту по максимуму. С благодарностью вспоминаю подполковников Зинатулина Д.Х., Горового Е.И., Литовцева Б.И., Хамаганова В.Г., майоров Имярекова А.И., Шебеко Н.А. и Русанова А.Н., а также других офицеров управления дивизии.

В конце января повторно в Афганистан с группой высокопоставленных военных чиновников прибыл первый заместитель министра обороны, генерал армии Соколов С.Л. и внес ясность относительно нашего нахождения в Афганистане. По его информации, вся группировка советских войск, в том числе десантники, остаются здесь на неопределенный срок. Таково было решение правительства и Политбюро ЦК КПСС. Такая новость десантников не обрадовала. Между собой мы говорили, что это очередная ошибка политического руководства страны, которая неизбежно втянет войска в боевые действия с мятежниками, в войну партизанскую, длительную и изнуритель-

ную, которая не добавит ни доблести, ни боевой славы Советской Армии. И для себя сделали вывод, что роль личности в истории все-таки имеет большое значение. Насмотревшись на то, что творилось у сухопутчиков, Соколов, назначенный Политбюро ответственным за боевую деятельность советских войск в ДРА, естественно, возжелал всегда иметь под рукой наиболее обученную и организованную часть Ограниченного контингента — десантников.

Такое же мнение о десантниках, очевидно, было и у каждого прибывавшего в Афганистан высокопоставленного военачальника. Для своей охраны и сопровождения по Кабулу каждый просил непременно десантников, а еще лучше — их разведчиков. Это распыляло наши силы и усложняло выполнение основных задач. Так, например, только генерала армии Соколова постоянно охраняла и сопровождала разведывательная группа дивизионной разведки. Сначала маршал Колдунов, а затем и главный военный советник также потребовали на охрану своей жилой виллы десантников, и им также была выделена группа разведчиков. Таким образом, дивизионная разведывательная рота стала постепенно превращаться в бодигардов и патрульных, то есть стала выполнять обязанности, которые возлагаются на комендантскую роту. Дело дошло до того, что трудно стало подбирать группы, чтобы послать в разведку. Пришлось поставить этот вопрос перед командованием дивизии. К большому моему удовольствию, выход был найден — потихоньку и незаметно для маршалов и генералов разведчиков заменили солдатами парашютно-десантных рот.

Кстати, в связи с этой охранной деятельностью вспомнился один забавный случай. Виллу военного советника охраняли, как я уже говорил, разведчики. Дело было зимой, лежал снег. Один из несших охра-

ну солдат лежал на боевой позиции на крыше пристройки над забором. Его задачей было наблюдать за улицей, которая проходила вдоль забора. И вот, на его и нашу беду, как потом оказалось, а в тот момент на радость десантника, проходила мимо группка афганских девчушек-студенток. У десантника взыграла молодая кровь, он не удержался — бросил в девчушек снежок. Те его увидели и со смехом стали его тоже обстреливать снежками. Тут возникла жена военного советника. Подняла жуткий скандал. Ну как же, обнаружилось, что вилла охраняется, что нарушен режим секретности, что и т.д. и т.п. Главный военный советник срочно переехал на другую виллу. Ну а со всеми нами, включая командира дивизии, поговорили на «вы»: выговор, выгону, вы...

ТРЕВОЖНАЯ ЗИМА В КАБУЛЕ

К февралю 1980 года несколько прояснилась внутренняя и внешнеполитическая обстановка в стране. Обозначились оппозиционные партии с их лидерами, программами и штаб-квартирами за рубежом.

Армейскому руководству стало легче ориентироваться, где враг, а где союзник. Соединения и части 40-й армии разместились гарнизонами в крупных городах афганских провинций. Была определена территориальная зона ответственности по охране особо важных государственных объектов и оказанию помощи местным органам власти в поддержании правопорядка на местах. Проведение активных, наступательных, боевых действий не планировалось.

Обозначилась на карте и зона ответственности 103-й гв. воздушно-десантной дивизии, включавшая центральную и северную части Кабула, аэродром и прилегающую к нему горную гряду. Подразделения

полков взяли под охрану резиденцию Бабрака Кармаля в королевском дворце, Министерство обороны, Генеральный штаб, тюрьму, политехнический и педагогический институты, в которых преподавали советские педагоги, микрорайон Семитхана, где с семьями жили советские советники и специалисты.

Десантные подразделения также располагались и в других провинциях.

По сравнению с первыми днями пребывания наших войск обстановка в городе стала заметно ухудшаться. Местные жители начали открыто проявлять недовольство нахождением советских войск в Афганистане.

Между фракциями «Хальк» и «Парчам» обострились разногласия, грозившие дестабилизировать ситуацию в Афганистане. Бабрак Кармаль как руководитель был явно слаб, возглавляемая им партия выходила из-под его контроля. Народу обещали, что он начнет жить лучше, однако не велось никакой реальной работы по воссозданию промышленности, сельского хозяйства и, что немаловажно, армии. В войсках на командные должности, в том числе и высшие, назначались офицеры не по профессиональному признаку, а на основании его лояльности к новой власти, исходя из родственных связей и знакомства, а также за банальные взятки. Появилась масса афганских полковников, занимавших должности начальников складов и другие хлебные места.

Реальную угрозу стали представлять силы радикального исламизма подконтрольных Соединенным Штатам арабских государств. С ними вместе выступали некоторые европейские государства. И все вместе они стали превращать Афганистан в своего рода испытательный полигон, на котором отрабатывались модели вооруженной и подрывной борьбы с зачатками коммунизма. И потекли рекой в Афгани-

стан деньги, оружие и боеприпасы. Появились у так называемых моджахедов израильские, пакистанские, арабские инструкторы и наемники, а также масса всяческих «французских врачей».

Активизировались диверсионно-террористические действия против советских войск и местных партийных органов, где таковые были созданы. Участились случаи обстрела тыловых колонн и позиций наших войск. На всех дорогах очень грамотно велась минная война, устанавливались фугасы, в том числе управляемые, итальянские пластиковые мины, китайские мины, да и практически мины всех государств мира. Много детей и просто мирного населения подорвались на минах-сюрпризах, замаскированных под пачку сигарет, плитку шоколада, банку с напитками, авторучку, фонарик, радиоприемник и т.д. Нередки стали случаи серьезных отравлений сигаретами, фруктами и сладостями. В этом чувствовалась опытная рука диверсантов, хорошо подготовленных иностранными спецслужбами. В разведывательных сводках все чаще стали упоминаться нападения банд мятежников в провинциях. Все это потребовало от командования 40-й армии, а также от подразделений КГБ и ГРУ изменения тактики, жизнь заставляла вносить новые элементы при планировании и проведении операций.

В конце января боевое охранение дивизии подверглось минометному обстрелу из-за горы Хаджа-Раваш. Огонь велся через гору или нецельно, или непрофессионально. Мины разорвались, не долетев до позиции десантников.

Участились случаи обстрелов из стрелкового оружия постов и подразделений из проходящих машин. При таком обстреле погиб ефрейтор 317-го гв. пдп Ананьев В.Г. В феврале был смертельно ранен ст. лейтенант Вовк А.А. Днем он возвращался из штаба ди-

визии в часть, и при подъезде к старым городским застройкам его машина была обстреляна.

Инцидентов было достаточно много. Вот один из них. Ночью 21 февраля подвижный патруль (четыре человека) под командованием командира взвода дивизионной разведроты ст. лейтенанта С. Коробицина, совершая движение по своему маршруту в городе, натолкнулся на двух вооруженных людей, которые при виде их машины бросились наутек. Разведчики, спрыгнув с машины, начали преследование. Убегавшие заскочили в подъезд жилого многоэтажного дома, разведчики — за ними. И лицом к лицу столкнулись с группой, около 15 человек, бородатых, в чалмах, вооруженных кто чем: «ППШ», автоматами Калашникова, немецкими «шмайсерами» и разнокалиберными винтовками.

Численный перевес был явно не в пользу разведчиков. Все, передернув затворы, замерли, направив стволы друг на друга. Малейшее неверное движение — и начнется мясорубка. Все понимали, что при кинжальной стрельбе в очень ограниченном пространстве подъезда живым вряд ли кто останется. А потом разбирайся, кто там прав, кто виноват. Мертвым все по барабану.

Разведчики В. Куранов и С. Сафаров, знавшие фарси, вступили с бородачами в переговоры и выяснили, что афганцы якобы охраняют какого-то крупного партийного босса, но его в данный момент вроде бы дома нет. Может, это была чистейшая правда, а может быть, нет, но С. Коробичин посчитал, что жизнь наших солдат намного дороже, и он принял решение разойтись мирно. И если кто-нибудь подумает, что он просто струхнул, могу прямо ответить, если бы это было так, ни он, ни солдаты никогда бы не стали во всех подробностях докладывать по команде об этом происшествии. А матери тех солдат, что тогда

могли погибнуть, наверняка, если сыновья рассказывали им об этом случае, не раз ставили свечку во здравие командира.

Стремительно надвигались серьезные события, подготовку которых наши и афганские спецслужбы прохлопали. Хотя внешние признаки были налицо: Кабул замер, затих, его как бы окутала зловещая тишина. Закрылось большинство магазинчиков. В День Советской Армии и Военно-Морского Флота рано утром был обстрелян автомобиль коменданта Кабула. Погиб его водитель рядовой Брындин А.В. В этот же день обстреляли советское посольство, погибло несколько сотрудников. Чувствовалось, что-то назревает.

В этот день дивизионные разведчики сопровождали по городу прилетевшего накануне командующего ВДВ генерал-полковника Сухорукова Д.С., который объезжал наши полки, поздравляя десантников с праздником, вручая награды и подарки. И как потом рассказывал разведчик В. Куранов, когда они на «уазиках» выехали в город и направились в королевский дворец, где располагался 317-й парашютно-десантный полк, на улицах начали появляться толпы людей с транспарантами «Советские солдаты, убирайтесь вон из Афганистана». Многие были вооружены. Тут же начали возводиться баррикады. И только применяя силу и наглость, рассказывает В. Куранов, десантники не без труда пробились через людской заслон и вернулись в штаб дивизии, чтобы дальше не подвергать опасности свою жизнь и жизнь командующего. От возможной гибели в разъяренной толпе их спасло лишь чудо и, может быть, раннее утро и неорганизованность толпы.

Во второй половине праздничного дня со стороны города слышался многотысячный, мощный гул людских голосов. Жители близлежащих к аэродрому

домов залезли на крыши и смотрели в сторону города. В штаб дивизии начали поступать доклады от дежурных по полкам, расквартированных в городе, что на центральной улице и на площадях происходят многолюдные демонстрации. Народ кричит, оживленно жестикулирует и тащит плакаты. Царандой (афганская милиция) безуспешно пытается воспрепятствовать шествию. Как выяснилось, организовали эти демонстрации сторонники оппозиции и им сочувствующие, подбив выйти на улицы горожан с антисоветскими лозунгами. В основном это были студенты и учащиеся лицеев, ремесленники. Как ни странно, среди демонстрантов оказалось много женщин.

С наступлением темноты демонстрация закончилась, однако в разных частях города возникала хаотичная стрельба. Командованием были приняты все меры по усилению охраны и обороны частей и подразделений, а также важных объектов. В тот вечер были обстреляны практически все наши воинские части и их боевые охранения. Утром все повторилось вновь, но более организованно и многолюдно. Впереди толп демонстрантов шли студенты, женщины и дети, за ними взрослые мужики, некоторые с оружием. Столь излюбленный мусульманами прием — прикрыться женщинами и детьми.

Поступила информация, что группа вооруженных людей направляется в сторону телерадиоцентра, очевидно, для его захвата. Центр находился на большом холме посреди города. К нему был срочно переброшен на вертолетах взвод дивизионной разведывательной роты во главе с командиром роты ст. лейтенантом И. Комаром. Захват телерадиоцентра был предотвращен. Слава богу, обошлось без стрельбы.

Комар, таким образом, открыл свой счет «работы» телецентрам, которые ему пришлось брать в раз-

ных странах трижды, включая Вильнюс и Таллин, но это уже намного позже.

Было ясно: назревает очередной вооруженный переворот, но уже с использованием огромных масс людей при массированном предвзятом освещении этого события иностранными средствами массовой информации.

Командованием 40-й армии было принято решение: для наведения порядка в городе наземную группировку войск не привлекать, а поддержать афганские органы правопорядка действиями авиации. Для корректировки действий на телерадиоцентр был высажен авианаводчик с баграмского авиационного полка. Город с холма просматривался прекрасно. «МиГи» барражировали над Кабулом, но не стреляли и не бомбили. Со сверхмалой высоты они резко уходили в небо, преодолевая звуковой барьер, разгоняя толпы ударной звуковой волной. По самолетам со всех сторон велась стрельба.

Когда «МиГи» отходили, дивизионные разведчики из вертолетов «Ми-8» вели огонь по разбегающимся и укрывающимся вооруженным мятежникам. Толку от такого огня было немного, попасть с летящего вертолета в мишень, которая тоже движется, не так-то просто, но моральный эффект стреляющая птица производит, несомненно, большой. В этот день десантники поднимались на вертолетах в воздух около 40 раз.

На этот раз афганские силовые структуры повели себя жестко и решительно и, к сожалению, безжалостно. На центральной площади они открыли ответный огонь по мятежникам. Целей не выбирали. В тот день погибло и было ранено много людей, в том числе женщин, детей, стариков. К исходу дня в столице восстановили порядок, больше ничего подобного в городе не случилось. Оказалось, что одновременно

подобные акции происходили во многих афганских городах, но там они обошлись без кровопролития и жертв. С этого дня отношение горожан к шурави изменилось в худшую сторону — отчуждение, недоверие и даже злость.

Газета «Правда», освещая эти события, опубликовала фотографии шествия мирных граждан и дала краткий комментарий: в эти праздничные дни жители Кабула многотысячной демонстрацией приветствуют советских воинов и одобряют укрепление новой, народной власти.

Подобным же образом вел себя и «мастер телерепортажей с мест ожесточенных боевых действий наших войск с душманами» Лещинский. Не выезжая за пределы кабульского аэропорта, он всегда говорил, что находится в самой гуще событий, происходящих в Кандагаре, Кундузе, Баграме и т.д. При этом в кадре оказывались случайно появившиеся на аэродроме военнослужащие, а фоном для съемок в разных ракурсах со стороны здания аэропорта служили аж две горы — Ходжа-Раваш и Ходжа-Бурга. Мы, разведчики, знали эти горы как свои пять пальцев, и было стыдно за «боевого отважного» телемэтра, делавшего халтурные, насквозь лживые репортажи. Хотя первоначально они велись из районов боевых действий.

В партийных рядах НДПА резко обозначился раскол между руководящей прослойкой парчамистов и оказавшихся не у руля власти халькистов. В отдаленных афганских гарнизонах активно велась антиправительственная и антисоветская агитация и подрывная работа. Участились случаи убийства солдатами командиров, стоящих на марксистско-ленинских позициях. Вместе с ними убивали и советских военных советников.

Обострение обстановки в зоне ответственности дивизии потребовало от ее командования принятия

ряда дополнительных мер для обеспечения безопасности личного состава в районах размещения и на маршрутах передвижения. Был введен жесткий пропускной режим и ограничен выезд офицеров в город, в полки и штаб армии. Усилили боевое охранение, на позициях развернули гаубичную батарею с подготовленными данными стрельбы по спланированным районам и участкам на вероятных направлениях нападения мятежников. В ночное время прилегающая к району расположения военного городка и аэродрома местность подсвечивалась авиационными и артиллерийскими средствами.

Артиллерией дивизии командовал полковник Красногорский А.В., офицер большого ума, грамотный, исключительной порядочности и ответственности за порученное дело. Он постоянно принимал участие в боевых операциях. Под его руководством наша артиллерия наносила ощутимый урон бандитам.

В условиях постоянной угрозы обстрела или нападения возникла необходимость точной информации о том, что происходит за ближайшими горами в районе аэродрома. С этой целью на горе Ходжа-Раваш, которая господствовала над Кабулом с севера, был оборудован наблюдательный пост отдельной разведывательной роты дивизии. Службу разведчики несли повзводно в суточном режиме. Благодаря постоянному наблюдению мы фиксировали любые передвижения душманов и вовремя могли принять необходимые меры. Позднее был оборудован дополнительный наблюдательный пост и на горе Ходжа-Бурга, на котором несли службу посменно в суточном режиме разведчики парашютно-десантных полков. Вся местность на севере хорошо просматривалась на глубину до 15 км. На каждом посту имелся станковый автоматический гранатомет «АГС-17» и

две снайперские винтовки. Для радиообмена были разработаны специальные переговорные таблицы. На связь разведчики выходили каждый час, а при необходимости немедленно. С этих наблюдательных постов хорошо просматривался и аэродром. Солдаты с большим интересом наблюдали, как из-под них взлетают крошечные самолетики и начинают ввинчиваться в небо.

Однажды на наблюдательном посту на горе Хаджа-Раваш произошел курьезный случай, вызвавший небольшой переполох. Ночью к разведчикам заползла змея, пригласив рядышком со старшим лейтенантом Родиным А.А. Когда тот вставал, нечаянно коснулся змеи рукой, а она моментально его укусила. Крик, переполох. Все оставили свои позиции и бросились оказывать помощь офицеру. Радист открытым текстом доложил о случившемся на пункт управления начальника разведки дивизии. Срочно подготовили к выезду бронетранспортер, из медсанбата вызвали врача. «БТРД» на повышенной скорости промчался через взлетную полосу, что было категорически запрещено, и направился к предгорью. Разведчики начали спуск потерпевшего с высоты. Подоспевший врач ввел сыворотку от укуса змей. Для Родина все кончилось благополучно, но еще долго об этом случае напоминали две темные точки на руке. Этот случай пошел всем на пользу: разведчики стали остерегаться всякой живности, которая ползала вокруг них в несметном количестве.

Ежедневно в 18.00 на передней линейке штаба дивизии лично мной или моим старшим помощником майором Павловым Г.В. проводился инструктаж разведывательных групп, заступающих на боевое дежурство. На инструктаже кратко сообщалось об обстановке в зоне ответственности и в прилегающих провинциях. Давались указания, на что следует обра-

тить основное внимание при выполнении задачи, за каким кишлаком усилить наблюдение. Затем разведчики убывали в расположение дивизионной роты, где уточняли позывные и рабочие частоты радиостанций. Старшина роты тщательно проверял, как обеспечены разведчики всем необходимым, и только тогда они на машинах направлялись к предгорью. Затем пешим ходом, с соблюдением всех мер предосторожности, поднимались на горы.

Командир сменяемой группы подробно информировал прибывших о результатах наблюдения, об обстановке в кишлаках, о передвижении кочевников и движении автотранспорта, короче, обо всем, что произошло за время ведения наблюдения. О приеме и сдаче дежурства на постах докладывалось по радио. По прибытии в расположение дивизионной разведроты командиры групп наносили результаты суточного наблюдения на карту-схему. Разведданные обобщались и анализировались, а в последующем докладывались командованию дивизии и в разведотдел 40-й армии. Работы офицерам-разведчикам было более чем достаточно: обобщение собранной информации по результатам наблюдений в Кабуле и прилегающих районах, ежедневный доклад разведывательной информации на совещании офицерам управления дивизии и командирам частей. Постоянно велось прослушивание разговоров афганских авиадиспетчеров с гражданскими и военными самолетами. Эти перехваты также необходимо было анализировать. Плюс обработка разведывательных данных, полученных от разведорганов всех наших и афганских силовых структур, а также от воздушной разведки

Не реже двух раз в сутки происходил обмен информацией с начальниками разведки полков. Как минимум один раз в неделю я должен был докладывать

обстановку начальнику разведки 40-й армии генерал-майору Дунцу В.А., обладавшему острым аналитическим умом и высочайшей работоспособностью. Постоянно происходил обмен информацией с начальником разведки соседней 108-й мотострелковой дивизии.

Однажды под настроение я написал письмо в Одесский военный округ старшему лейтенанту Карпову В.К., бывшему разведчику расформированной 105-й дивизии. Писал в основном о том, как мы выполняем «интернациональный долг», о котором в свое время втолковывали солдатам на политзанятиях в ленинских комнатах, зная об этом долге только теоретически. Перед тем как опустить письмо в почтовый ящик, мы, офицеры-разведчики, все вместе обсудили мое послание. В письме я откровенно писал, что выполнение этого самого «интернационального долга» — это не хождение парадными колоннами под оркестр с красными флагами, а здесь, у нас, это грязная, связанная со смертельным риском работа, которую мы выполняем неизвестно с какой целью и не зная конечного результата. Причем нередко ценой жизни наших офицеров и мальчишек-солдат. Особенно солдат, вчерашних школьников, непонятно зачем, как щенков, выброшенных без всякой подготовки в эту дикую страну, в горы и пустыни воевать против людей, война для которых была не самым последним занятием.

Однако такие мысли в период некоторого душевного расслабления сами собой проходили, особенно в полевых условиях, в ежедневно осложнявшейся обстановке.

Анализируя ситуацию в Кабуле и его окрестностях, в наиболее нестабильных провинциях и в целом в Афганистане, мы приходили к общему мнению, что к весне, с потеплением в горах, нам не избежать уча-

ствия в серьезных боевых действиях на всей территории Афганистана. Выводы не давали повода для паники, хотя на душе было беспокойно от неизвестности и мыслей о том, как все сложится в недалеком будущем. И в то же время, как профессионалы, офицеры, как это ни странно, даже радовались появляющейся возможности в очередной раз испытать себя в бою и проверить готовность своих подчиненных к выполнению боевых задач в сложной обстановке.

НАЙТИ СВОИХ СРЕДИ ЧУЖИХ

В районе ответственности дивизии имелись все предпосылки для создания надежной агентурной сети, вербовки осведомителей среди местных жителей. Конечный, важный и ценный результат этой непростой работы состоит в получении разнообразной достоверной информации по интересующим бандам, району или населенному пункту. Не буду подвергать сомнению ту огромную работу по сбору информации, которую вели офицеры разведотдела 40-й армии. Не умаляя и не подвергая сомнению их профессионализм, объективности ради следует отметить, что зачастую сведения, поступавшие из штаба армии для реализации в ходе операций, были или устаревшими, или недостоверными. Результаты проводимых на основе этих данных операций были ничтожны, огромные материальные ресурсы тратились впустую, люди выматывались и, естественно, злились на бестолковость армейских начальников, которые даже информации толковой не могли добыть.

Осенью 1981 года вопросы организации разведки обсуждались на совещании в штабе 40-й армии. Проводил совещание маршал Соколов.

Выступали многие командиры и начальники. Как всегда, в зависимости от личности выступавшего, одни говорили о наболевшем, другие — только о хорошем. От десантников выступал я. Навел немного критики на коллег из разведотдела армии. Просто надоело впустую тратить время на доразведку объекта, перегружать личный состав разведрот, впустую жечь топливо и получать в результате нулевой эффект от проведенной операции лишь потому, что информация недостоверна. Соколов внимательно выслушивал всех выступавших и делал какие-то пометки. В конце совещания он кратко подвел итоги. Досталось всем, в том числе и мне, но я считал, что дело сделано, по крайней мере удалось выплеснуть наболевшее. Начальник разведки 40-й армии генерал Дунец обиды на меня внешне не держал, но информация на реализацию разведывательных данных в дивизию теперь приходила реже, однако стала более достоверной.

Кропотливая работа по созданию агентурной сети шла медленно. Нужных людей находили среди афганцев, поддерживающих новую власть и заинтересованных в нормализации обстановки в стране. Не отказывались и от сотрудничества с теми, кто просто хотел заработать на информации. Некоторые хотели свести с кем-то счеты и клеветали на богатых соседей или хозяев. Это им удавалось, но редко, так как любая информация немедленно проверялась и перепроверялась.

Среди наших «помощников» были люди разного возраста, социального происхождения и образования. Коммунисты и беспартийные, руководители, простые рабочие и крестьяне, начальник уездной милиции, чиновники кабульского аэропорта, старейшины кишлаков, пастухи и кочевники. Например, самая

ценная и точная информация поступала от руководителей районного уровня. Особенно доверительные отношения сложились с секретарем Дехсабского района, товарищем Залмаем, сыном богатого землевладельца, получившим высшее образование в Пакистане. По его словам, он с отцом разошелся во взглядах на Апрельскую революцию, в ходе которой был свергнут король, а к власти пришел Тараки, впоследствии убитый Амином. После революции его отец с младшим сыном уехал в Пакистан, и Залмай больше с ними не поддерживал родственных отношений, даже не встречался.

Райком размещался в здании школы кишлака Дехийхья в 3 километрах севернее Кабула. В школе круглосуточно дежурили 10—15 активистов, вооруженных стрелковым оружием, и несколько милиционеров для охраны здания. Один-два раза в неделю активисты направлялись в кишлаки своего района. Как они говорили: «Мы едем проводить политику партии среди народа». Хождение в народ часто сопровождалось стрельбой в воздух для солидности и проявления строгости в работе. Делалось это для личного самоутверждения и повышения авторитета среди крестьян. Однако активистам все же нужно отдать должное. Они искренне старались многое изменить к лучшему и рисковали жизнями кто из идейных соображений, а кто даже за мизерную зарплату и двухразовое бесплатное питание. К сожалению, такого стремления не наблюдалось у их высоких партийных боссов. Учитывая то, что повсюду царили бедность и безработица, многих активистов такая жизнь вполне устраивала. Некоторые из них надеялись сделать партийную карьеру и найти свое место в жизни. Кому-то действительно удавалось неплохо устроиться. В целом это были грамотные люди, по

крайней мере писать и читать умели все. Объединившись вокруг волевого и смелого руководителя, они могли контролировать некоторую территорию и влиять на жизнь и политику кишлаков в основном днем.

Активисты владели объективной информацией по всему району, знали, кто с ними, а кто против. Когда в зоне ответственности дивизии проводились операции по блокированию и уничтожению банд мятежников, по договоренности с секретарем райкома на боевые действия всегда привлекались активисты. Они выполняли задания значительно лучше, чем афганские солдаты, и, как правило, работали на результат. Во время проведения операции активисты часто возмущались недобросовестностью и мародерством афганских солдат.

С афганцами надо было уметь работать. Окрики и грубость отнюдь не делали их более активными, хотя некоторые командиры шурави, к сожалению, были склонны к такому командирскому стилю работы.

Нередко Залмай приезжал ко мне в штаб дивизии и делился информацией по району, часто просил поддержки при проведении активистами самостоятельных операций по ликвидации мелких групп мятежников в населенных пунктах подвластного ему района.

Информация, полученная из рук активистов, была намного достовернее, свежее информации, получаемой из штаба армии. Как я уже говорил, активисты работали только в светлое время суток, а с наступлением темноты закрывали ворота, двери и охраняли самих себя. Нередко в темноте к зданию школы подбирались душманы и начинали обстрел. В ответ тоже открывалась стрельба. К утру перестрелка заканчивалась, как правило, без потерь с обеих сторон.

Как-то я пригласил Залмая и его заместителя в баню к разведчикам. Была пятница, у мусульман выходной

день. Сначала наши гости чувствовали себя немного скованно, но после нескольких заходов в парилку, ознакомления с русским способом попариться с веничком, после приготовленного старшиной роты стола стали вести себя свободно. А после положенных пары рюмок — даже весело. Подобное мероприятие впоследствии наши гости старались не пропускать.

Практически мы с Залмаем подружились. Но дома у него я никогда не был. Впервые увидел, как он живет, только накануне отъезда на Родину, после окончания срока пребывания в Афганистане. Произошло это так. За несколько дней до отъезда я сказал об этом Залмаю. Услышав эту весть, он как-то погрустнел и, немного подумав, пригласил меня к себе в гости в кабульский дом. Дом прекрасный, двухэтажный коттедж в европейском квартале Кабула. А поскольку он был холостяк, то организацию приема дорогого гостя взял на себя. Приготовил традиционный вкуснейший плов. На столе — впервые увиденная мной большая красивая бутылка бренди. Посидели, поговорили. Последний раз увиделись в день моего отлета на аэродроме. Обменялись подарками. Я ему подарил свои «Командирские» часы, а он мне — небольшой коврик ручной работы. Коврика этого, к сожалению, нет. Оказавшись как-то в стесненных обстоятельствах, не зная истинной стоимости этого коврика, продал его кому-то за гроши.

Уже в Москве, находясь на службе в управлении командующего ВДВ, я узнал от офицеров, которые прибывали из Кабула, что осенью 1982 года Залмай попал в засаду недалеко от своей штаб-квартиры на окраине населенного пункта Тарахейль и погиб.

Неплохие отношения сложились у меня и с начальником милиции Мирбачакотского уезда, капитаном Хушалком. Офицер мужественный и преданный делу революции. Он нередко жаловался мне на свое

руководство, мешавшее работать в оперативно-разыскных мероприятиях. Старшие начальники, по его словам, тормозили проведение расследований, не давали доводить уголовные дела до суда. Поэтому он избрал свою собственную тактику борьбы с бандитами. Выслеживал бандита, ночью сам производил его задержание в его доме, допрашивал и уничтожал. О проделанной работе руководству не докладывал, а убийство списывал на местные разборки.

В конце 1980 года его, как перспективного офицера, не без нашего вмешательства, по рекомендации советников перевели в службу безопасности и направили на учебу в Ташкент. После учебы вернулся в Кабул на должность начальника следственного отдела одного из управлений ХАДа. Разведчики часто пользовались его услугами при подготовке и проведении боевых действий. Он владел информацией по долгу службы, не только по Кабулу, но и по всему Афганистану. Своему руководству не доверял, в беседе открыто заявлял, что оно продажное, имеет связь с оппозицией в Пакистане. С нами был открыт, зная, что он нам нужен и мы его не продадим.

Однажды на одной из очередных встреч он пожаловался на действия своего непосредственного начальника, который намекнул ему на далеко зашедшие дружеские отношения с офицерами Советской армии. Поэтому в дальнейшем мне пришлось встречаться с ним на аэродроме и реже в кабульском аэропорту, где получал от Хушалька нужную информацию.

Вспоминается один из эпизодов его жизни. Проводилась крупная войсковая операция на севере Кабула, и по одному из районов понадобилась уточненная разведывательная информация. Рано утром я с разведгруппой подъехал к зданию милиции и через переводчика спросил у милиционеров, на месте ли их руководитель. Он был на месте. Поднялись на вто-

рой этаж, постучали в дверь кабинета, в котором он и жил. Через некоторое время хозяин открыл дверь. Был он заспан, несколько опухший. Увидев меня, страшно смутился и объяснил, что накануне отмечали рождение сына у одного из его подчиненных. В кабинете холостяцкий кавардак, в углу внушительная батарея пустых бутылок из-под спиртного и фанты. На дастархане остатки вчерашнего плова.

Радужный хозяин сообщил нам, что сейчас принесут чай. На самом деле вскоре на столе появился не только чай, но и бутылка русской водки. Рафик (товарищ), спросил у меня хозяин, не будешь возражать? А как хозяину возразишь? Пришлось согласиться на чаепитие. Вот так в Афганистане всегда. На людях все чиновники публично придерживались постулатов ислама, но когда уединялись в кабинетах, в узком кругу, укрывшись от посторонних глаз, вели себя вполне по-светски, даже салом закусывали. За чаем обсудили интересующий нас вопрос, и я увез от Хушалька необходимую информацию.

За годы службы в Афганистане было много и других доверительных знакомств. От этих людей всегда поступала интересующая разведчиков информация. К сожалению, не смогли они этой достоверной информацией и желанием помочь нам закрепить результаты Апрельской революции, а после вывода советских войск, по всей видимости, разделили участь не одной тысячи себе подобных. Они были уничтожены талибами лишь потому, что в нужный момент наше правительство отвернулось от них.

Обстановка в стране развивалась от плохого к худшему.

Как-то, будучи оперативным дежурным по дивизии, я принимал доклады от дежурных по частям, в которых были отражены все события, происшедшие за прошедшую ночь в дивизии, в том числе и в 345-м

опдп¹. Оперативный дежурный 345-го опдп доложил, что в районе авиабазы Баграм разведчики захватили в плен мятежника. Об этом доложили в штаб армии. Конечно, армейцы немедленно затребовали пленного к себе. Его доставку в штаб армии смогли организовать только во второй половине дня. Для транспортировки пленного, которого конвоировали без наручников, выделили медицинский автомобиль. Сопровождали его офицер и два десантника. В штаб армии прибыли в сумерках. Офицер ушел докладывать о прибытии, а конвоиры расслабились, чем и воспользовался пленный, который умудрился незаметно развязать руки. Одного из конвоиров он оттолкнул от двери, а у дремавшего на сиденье схватил с колен автомат и сиганул в темноту. Правда, один солдат мгновенно отреагировал и бросился вслед за беглецом. Тот же залег за камень и открыл стрельбу. Ночь, темнота, огонь беглец вел неприцельно, и, к счастью, на территории штаба армии никто не пострадал. Преследовавший беглеца десантник обошел его с тыла и длинной очередью застрелил пленного.

Разумеется, после этого ЧП пришлось комдиву выслушать массу упреков армейского руководства. К великому сожалению, приходилось учиться на собственных ошибках.

ЗАЙМИТЕСЬ ДЕЛОМ, КОМАНДИРЫ

Насколько я помню, есть у великого А.В.Суворова высказывание: «Если хочешь разложить действующую армию, разместить ее гарнизонами».

¹ Полк дислоцировался в Баграме и оперативно подчинялся по указанию командующего ВДВ командиру 103-й гв. ввд.

От монотонности и серости будней, однообразия проводимых мероприятий, охранных функций дисциплина в дивизии стала прихрамывать. Например, в 317-м гв. пдп солдаты распили на троих пахнувшую спиртом непонятную жидкость из ярко оформленного флакона с надписью по-английски и скончались. Оказалось, что «соображали» они ядовитой жидкостью для промывки стекол. Подвело их незнание английского, поскольку о назначении жидкости было написано на этикетке. Родителям, конечно, написали, что погибли их дети в бою.

Чтобы в большей степени занять личный состав полезными делами, командир дивизии приказал, как в Витебске, ежедневно проводить занятия по боевой подготовке, применительно к местным условиям. Должен отметить, что дивизионные разведчики, не дожидаясь подобных приказов, давно использовали любую свободную минуту для тренировки личного состава в горах. Нагрузка для солдат и офицеров в условиях высокогорья колоссальная, но молодые и физически закаленные ребята все стойко переносили. За основу подготовки была принята и утверждена программа ферганских разведчиков. Нет сомнений в том, что успех разведывательных подразделений 103-й гв. вдд при выполнении боевых задач в Афганистане в немалой степени зависел от преемственности накопленного опыта, форм и методов обучения личного состава офицерами бывшей 105-й гв. вдд. по ведению разведки в горно-пустынной местности.

Долгие годы в Ферганской дивизии разведкой руководил полковник Пантюшенко И.Г., участник Великой Отечественной войны, грамотный, требовательный начальник и замечательный военный педагог, умевший найти подход не только к командирам, но и к рядовым разведчикам. Благодаря его инициативе и настойчивости разведчики стали заниматься горной

подготовкой. Позднее ее ввели в «Программу обучения разведывательных подразделений» как обязательный предмет.

В Ферганской дивизии тактические и тактико-специальные учения парашютно-десантных и специальных подразделений планировались и проводились в горной местности. Разведывательные роты отрабатывали учебные задачи по ведению разведки в горах, захвату и удержанию горных перевалов и господствующих высот, разведке и перекрытию маршрутов движения вероятного противника. Для повышения эффективности учебного процесса в урочище Дугоба, рядом с альпинистским лагерем, начал создаваться горный учебный центр для подготовки разведчиков.

К проведению занятий с личным составом привлекались мастера спорта по альпинизму И. Сенчищев, В. Несповитый, А. Балинский, А. Кузнецов, В. Крылов и другие. Позднее в каждой разведывательной роте офицеры, прапорщики и наиболее подготовленные сержанты и солдаты становились нештатными инструкторами. Личный состав разведывательных рот был обеспечен альпинистским снаряжением. С подразделениями на местности проводились комплексные занятия с учетом тактической и огневой подготовки. Одновременно отрабатывались вопросы выживания в горах и подготовки баз ночевки и отдыха личного состава. Занятия по горной подготовке заканчивались одно-двухсуточным восхождением на одну из новых горных вершин.

В 1976 году в честь 46-й годовщины ВДВ разведчики осуществили восхождение на безымянную высоту с отметкой 4664 метра, и позднее ее официально назвали Пиком ВДВ. Разведчики с гордостью носили значки «Альпинист СССР».

Школу полковника Пантюшенко прошло немало офицеров-разведчиков. Многие из них выполняли интернациональный долг в Афганистане: В. Востротин, А. Качанов, В. Ливенский, В. Манюта, В. Никифоров, А. Попов, И. Попов, А. Шатский, Ш. Туктеев, В. Карпов, Л. Хабаров, В. Гуринов, В. Гушин, Г. Землянухин, С. Кухаренко и многие другие.

Лучшие традиции ферганцев использовали в своей подготовке витебские разведчики. В предгорье горы Ходжа-Раваш личный состав 80-й отдельной разведывательной роты первым в Афганистане оборудовал небольшой полигон для проведения занятий с одним разведвзводом. На полигоне разведчики учились специфике стрельбы в горах — снизу вверх и сверху вниз. Понукать разведчиков не приходилось, все понимали, что от уровня подготовки каждого в бою зависит собственная жизнь и жизнь товарищей.

Одновременно решались и вопросы горной подготовки. Место для полигона было выбрано удачно — недалеко от расположения разведчиков и на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Условия занятий для увеличения или снижения нагрузки менял по своему усмотрению командир роты старший лейтенант И. Комар. В последующем стали проводиться комплексные занятия, на которых одновременно отрабатывались вопросы разведывательной, огневой и горной подготовки. Механики-водители совершенствовали навыки вождения боевых машин на склонах предгорья.

Меры безопасности на занятиях обеспечивали наблюдательные посты разведчиков, которые одновременно выполняли задачи оцепления. Качество занятий заметно улучшалось с каждой неделей. Совместно с дивизионными разведчиками занятия проводила и разведрота 350-го гв. пдп. Командир полка подполковник Шпак Г.И. всегда ратовал за все новое в обу-

чении не только разведчиков, но и парашютно-десантных рот.

Однажды на комплексное занятие по тактической подготовке я пригласил командира дивизии. Предварительно на красочно оформленной схеме были отражены тема, цель занятий и отрабатываемые учебные вопросы. Теория генералу Рябченко понравилась, и он дал добро на практические действия. Для создания условий, близких к реально боевым, была подготовлена имитация для обозначения огня артиллерии и подрыва объекта. Магазины пулеметов и автоматов снаряжались с трассерами, чтобы лучше видеть результаты стрельбы. Действия разведчиков в горах были стремительными, умело использовались складки местности, метко поражались цели. Маршрут разведгруппы предусматривал движение во всех направлениях — снизу вверх, сверху вниз и по кособору. Во время движения поражались внезапно появляющиеся цели. На последнем этапе разведчики осуществили захват и подрыв объекта пока условного противника.

На отработку всех учебных вопросов разведчики затратили ровно пятьдесят минут. Занятие прошло поучительно и с большой физической нагрузкой. Командир дивизии был очень доволен увиденным и проникся еще большим уважением и доверием к разведчикам. Я же был доволен своими подчиненными не менее командира.

На прощание генерал-майор Рябченко выразил просьбу один раз в неделю выделять «полигон» для учебы подразделениям парашютно-десантных полков. Позднее для полков был оборудован свой полигон на соседней горе. К большому сожалению, из-за малой емкости полигона полковые подразделения не могли в полной мере использовать опыт подготовки

разведчиков и приобретали его в бою в горах при уничтожении бандформирований.

Серьезное внимание в разведротях уделялось подготовке сержантов. Выполняя боевые задачи, разведчики часто действовали на разобщенных направлениях небольшими группами. Поэтому подготовка сержантов должна была соответствовать уровню подготовки офицеров.

Накапливался боевой опыт, и более целенаправленно использовалась любая свободная минута для повышения уровня боевой подготовки частей и подразделений. Все понимали, что от этого зависит их жизнь и успех при выполнении любой задачи. С утра и до глубокой ночи в предгорье за аэродромом проходили комплексные занятия. Новаторами всегда были офицеры дивизионной разведроты, да и среди солдат и сержантов было немало рационализаторов.

Большое внимание уделялось стрельбе из стрелкового оружия. Разведчики поддерживали хорошие отношения с офицерами спецподразделений, потому что в полевых условиях смастерить что-либо для роты было большой проблемой. Как-то при заходе на посадку самолет «Ан-12» потерпел аварию. Выскочил за посадочную полосу, сломал шасси, крылья и загорелся, при этом подмял под себя пусковую установку артиллеристов, которая находилась на позиции, и серьезно ее подпортил. Самолет удалось потушить, однако восстановлению он не подлежал. Разведчики выпросили алюминиевую обшивку самолета, из этого материала сделали мишени уменьшенного размера. На свалке отыскивали трубы, в автопарке — списанные опорные катки боевых машин. Из всего этого материала сделали уменьшенные мишени — грудные, поясные и ростовые. Одним словом, вспомнили и восстановили дедовский метод обуче-

ния стрельбе — «показать», «убрать». Место для мини-стрельбища определили с восточной стороны горы Ходжа-Раваш.

Тренировки проводились из всех видов стрелкового оружия, включая стрельбу одиночными выстрелами из пулеметов боевой машины. Во время занятий особое внимание уделялось соблюдению мер безопасности и боевому охранению, которое одновременно, как уже отмечалось, в соответствии с курсом стрельб из стрелкового оружия выполняло роль оцепления.

Результат не заставил себя ждать, с каждым днем качество огневой подготовки стало заметно расти, а стрелки начали соревноваться, кто быстрее и с первого выстрела поразит цель. Однако командир роты ст. лейтенант Комар И.Г. понимал, что можно достичь большего результата, если улучшить методику проведения занятия, максимально приблизив его к условиям реального боя, и увеличить глубину и емкость мини-стрельбища, перемещая обучаемых из предгорья в скалистые участки горы.

Я поддержал инициативу командира роты. В результате начали проводиться многочасовые комплексные занятия с выходом на вершину. Многие командиры подразделений последовали этому примеру, а разведчики 350-го полка оборудовали аналогичный мини-полигон.

Со временем занятия усложнялись, на тактическом фоне в постоянном перемещении отрабатывались главные вопросы всестороннего обеспечения боя, а завершались они боевой стрельбой в составе взвода. Нагрузка на личный состав возрастала, но разведчики быстро втянулись и бегали по горам с полной выкладкой, как барсы. Люди старались, понимая, что сегодня они стреляют по фанерным мише-

ням, а завтра будут уверенно воевать в любой обстановке с реальным и тоже хорошо подготовленным противником.

Сложнее было организовать подобные тренировки с разведротами 317-го и 357-го полков, которые дислоцировались в Кабуле и охраняли особо важные государственные объекты. Тем не менее по договоренности с дивизионными разведчиками им периодически удавалось проводить такие занятия.

В 317-м пдп на занятиях по огневой подготовке произошел случай, ставший международным скандалом. Заместитель командира парашютно-десантной роты ст. лейтенант А.Юнатский во внутреннем дворе резиденции Бабрака проводил занятия с наводчиками-операторами по изучению комплекса управляемого вооружения боевой машины десанта. Один из обучаемых плохо выполнял норматив по приведению «ПТУРА» «Малютка» в боевое положение, и офицер решил личным примером показать ему, что и как делать. В боеукладке «БМД» находились боевые ракеты. Юнатский — мастер своего дела, его действия доведены до автоматизма. Вот и на этот раз он прекрасно справился с упражнением и по глубоко усвоенной привычке автоматически нажал на пуск. Боевая противотанковая ракета, управляемая по проводам, ушла в кабульское небо, куда — неизвестно. Вскоре выяснилось, что она угодила во двор корейского посольства. Взрывом выбило стекла здания, был испорчен газон. Испугом отделалась жена посла, сидевшая возле окна. По тянувшемуся за ракетой проводу быстро нашли стрелков. Нужно было улаживать конфликт. Корейский посол оказался выпускником ленинградского вуза и моментально все простил десантникам «по-землячески». Но его жена, коренная русская ленинградка, за нанесенный ей мо-

ральный ущерб содрала с нашего государства 20 тысяч инвалютных рублей. Никакие уговоры не помогли.

После этого инцидента «ПТУРы» во всей дивизии изъяли и сдали на склад, а Юнатского в наказание досрочно отправили на Родину продолжать обучение наводчиков в мирных условиях.

О КОЛЛЕГАХ ИЗ МВД

Одним из важных шагов, предпринятых правительством ДРА, было принятие решения о восстановлении и усилении правоохранительной системы Афганистана. Практическую помощь в решении этой проблемы оказал Советский Союз. С этой целью в начале 1980 года в Афганистан прибыла большая группа оперативных работников МВД СССР, чтобы содействовать становлению местной милиции, ее профессиональной подготовке в целом, организации функционирования всей системы МВД. На адаптацию и подготовку отводилось около трех месяцев. В основном это время они провели в Кабуле. Группа состояла из сотрудников уголовного розыска многих городов Советского Союза. Были в ее составе и ребята из Минска.

Расположились прибывшие на территории 350-го гв. пдп. Для них было выделено несколько спальных палаток, питались, как и все, в полковой столовой. Кроме решения профессиональных вопросов, офицеры МВД много внимания уделяли боевой подготовке. Для них часто организовывали боевые стрельбы, занятия проводили офицеры-разведчики. Между милиционерами минской группы и мной установились добрые отношения. При встречах мы вспоминали жизнь в Союзе, обменивались опытом, обсуждали сложившуюся обстановку. Порой мечтали и о далеком будущем.

Летом 1980 года офицеров МВД распределили по административным районам Кабула и городам Афганистана. Минская группа, не без участия десантников, осталась в Кабуле. Разместили их в добротном особняке, но без прислуги. Они сами готовили пищу и сами себя охраняли. Для обеспечения служебной деятельности группе выделили автомобили «Нива-ВАЗ-2121». Часто для проведения доразведки объектов мы брали у них эти машины напрокат. Хочу сразу отметить, автомобиль «Нива» для боевых действий абсолютно непригоден.

Впоследствии от этих автомобилей отказались все группы, которые участвовали в спецоперациях, ввиду того, что в экстремальной ситуации весьма затруднительно выскакивать из кабины через одну дверь. Однажды в районе Герата, недалеко от иранской границы, во время проведения ментами операции «Нива» загорелась, и ее экипаж еле успел выбраться из машины до того, как она взорвалась.

В свободное время опера, как их называли десантники, были желанными гостями разведчиков дивизионной разведроты. Гости привозили импортное пиво и хорошие сигареты. Старшина иногда под настроение устраивал им баню. Денежное довольствие им выплачивали афганцами — местной валютой. Иногда мы подкидывали им по их просьбе сигнальные и осветительные ракеты, которые они применяли при проведении операций. У афганцев с этим были проблемы.

С началом лета оперативников стали привлекать к совместным операциям с советскими войсками, но при этом они выполняли только свои профессиональные задачи, оказывая помощь и одновременно обучая местную милицию организации и проведению оперативно-розыскных мероприятий. Они оказали большую помощь в становлении и укреплении мест-

ной милиции, что несколько оживило работу местных органов власти и милиции в целом. Правда, нужно оговориться, оживление, как правило, отмечалось в тех районах, которые контролировались советскими войсками, а в глубине страны царило ничейное или душманское управление. По мере необходимости разведчики использовали информацию коллег из МВД.

При проведении одной из совместных операций случилась большая беда. В течение двух суток группой минских оперов была проделана большая работа, вычислено несколько преступников, скрывавшихся среди местных жителей. Операция подходила к концу и завершилась успешно. Войска стали выходить с рубежей блокирования из зеленки. За ними стали выходить и сотрудники минской группы. Но трое из них решили отметить успех, задержались, хотя и старались не терять из виду основную группу. Славянский обычай отмечать любую неудачу, а тем более успех, стоил им жизни. На них напали местные жители. В убийстве оперов принимали участие даже женщины. Когда подоспела помощь, ребята были мертвы. Я очень расстроился и долго переживал этот случай. Я тоже участвовал в этой операции, но только на другом направлении. По сути они, офицеры и земляки, уже стали моими друзьями и друзьями многих разведчиков.

Ребят отправили домой в «черном тюльпане». К сожалению, из-за давности времени фамилии погибших забылись. Мы же усвоили еще один урок.

ПЕРЕКРЫТЬ ПОГРАНИЧНЫЕ ЛАЗЕЙКИ

Несмотря на принимаемые меры, в начальный период ввода наших войск обстановка в стране не стабилизировалась, а, наоборот, все более и более

усугублялась, особенно в северных и восточных провинциях. В разведывательные сводки все чаще включались сведения о нападениях и обстрелах наших и правительственных войск, об увеличении числа дезертиров из правительственной армии, которые уходили с оружием и боеприпасами. Отмечались также случаи перехода на сторону оппозиции воинских подразделений в полном составе во главе с офицерами.

Ввод советских войск в Афганистан не только не положил конец, но даже не ослабил вооруженное сопротивление оппозиции, на что, как предполагаю, надеялось советское и афганское руководство. Оказывая военную помощь афганским демократическим силам, советское правительство, вопреки мнению военных экспертов, переоценило последствия самого факта присутствия Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВА). Не была принята в расчет укоренившаяся в ходе многовековой вооруженной борьбы в сознании афганцев уверенность, что любые иностранные войска, вошедшие в страну, даже, возможно, с хорошими намерениями, — это оккупанты, которых нужно уничтожать. Например, оккупация территории для пуштунов равносильна полному бесчестию. Именно поэтому ядром вооруженных формирований оппозиции в борьбе с регулярными афганскими и советскими войсками стали пуштунские племена. Сыграл определенную, если не решающую роль и традиционный ислам — с вводом советских войск (гяуров) главным объединяющим идеологическим и политическим лозунгом антиправительственных сил стал призыв к священной войне (джихаду) с неверными.

Призыв мулл встретил понимание подавляющего большинства афганцев, как правило, безграмотных и столетиями признававших только авторитет мулл.

А эти «авторитеты» в тот период вдалбливали своей пастве, что шурави отбирают имущество и землю мусульман, что у афганцев отберут в общее пользование женщин, отберут золото и земли и что ислам будет запрещен. Духовенство очень профессионально использовало в своей пропаганде все негативные случаи, которые (война есть война) случались в отношениях между местными жителями и военнослужащими Советской армии. Благодаря такой массированной «информации» даже маленькие дети были твердо убеждены: русские — это изверги, готовые уничтожить все и вся.

Среди противоборствующих группировок афганцев появились первые жертвы, что неизбежно по законам гор послужило поводом для осуществления актов кровной мести.

В январе 1980 года восстал 4-й артиллерийский полк армии ДРА, дислоцировавшийся на севере страны в Нахрине. Для наведения порядка и спасения, может быть, оставшихся в живых наших военных советников командованием Ограниченного контингента советских войск по просьбе афганского руководства была проведена первая после Кабула боевая операция по разоружению мятежного полка. Ее выполнял 186-й мотострелковый полк. Потери наших войск — убитыми 2 человека, в афганском артиллерийском полку — более 100. Увы, к началу штурма афганского военного городка все наши советники были расстреляны. Впоследствии их тела найдены закопанными в земле. К сожалению, это была не последняя боевая операция по усмирению мятежных афганских воинских частей.

В провинциях Баглан и Кундуз произошли боевые столкновения мотострелков с бандгруппами. По поступающим к разведчикам данным было установлено, что в западных районах Пакистана к тому време-

ни была создана и перепрофилирована ранее созданная сеть учебных центров по подготовке из числа афганцев боевиков, которые после прохождения курса обучения переходили границу и направлялись в различные провинции Афганистана.

До определенного момента наше военное командование всячески уклонялось от прямого участия советских подразделений в боевых действиях с афганскими вооруженными формированиями, однако после массовых антиправительственных выступлений и гибели в феврале в Кабуле десантников и сотрудников посольства Москва дала категорическое указание — начать активные боевые действия против отрядов вооруженной оппозиции, банд местных феодалов и торговцев наркотиками, а также активно препятствовать поступлению оружия вглубь страны. Предполагалось, что боевые операции будут проводиться совместно с афганскими военнослужащими.

Различные по своему составу банды, отряды, бандитские группы и формирования, вооруженные отряды оппозиции были вооружены не только легким стрелковым, но тяжелым вооружением в основном советского, египетского и китайского производства. В качестве трофеев мы брали американские винтовки «М16А1», автоматы западногерманского, английского, израильского, шведского, китайского и чехословацкого производства. Широко использовались 12,7-мм крупнокалиберные пулеметы «ДШК» китайского производства, ручные противотанковые гранатометы — наши «РПГ-2» и «РПГ-7», швейцарские «фальконеты», американские «М72А2», немецкие «Лянце-2», израильские «Пикеты», французские «сарпаки», 75- и 82-мм безоткатные орудия китайского, американского и пакистанского производства, 60- и 82-мм минометы производства практически всех стран. Для борьбы с авиацией душманы исполь-

зовали крупнокалиберные пулеметы, зенитные горные установки «ЗГУ», зенитные пушки малого калибра «Эрликон». Появились и переносные зенитные ракетные комплексы «ПЗРК» «Стрела-2» советского, китайского и египетского производства, а позднее и американские «стингеры». Имелись различные типы фугасов, противотанковых и противопехотных мин. Больше всего было итальянских мин «TS-2,5»; «TS-1,6»; «TS-50» и «SH-55»; реже встречались американские «М-19», «М-18А1», «РСМЕ-С» и «Клеймор»; шведские «М-102», английские «МК-7» и чехословацкие.

В широкомасштабной минной войне в массовом порядке применялись мины в основном итальянские, в пластмассовом корпусе, срабатывающие после многократного нажатия на крышку и обнаруживаемые только индукционными миноискателями, а также фугасы с дистанционным управлением и радиоуправляемые мины.

Применялись просто мешки-фугасы, взрывчатка которых была иногда изготовлена из сельскохозяйственных удобрений. Фугасы эти имели электрозамыкающий контактный взрыватель, порой простой, даже ржавый гвоздь или простую бумажку. Срабатывали они непредсказуемо. Своего рода русская рулетка — может быть, под третьей, а может быть, под двадцатой или какой другой машиной. Такие фугасы имели огромную разрушительную силу: при его подрыве под танком детонировали снаряды в боеукладке, и танковая башня вылетала вверх на несколько метров.

Управление бандами в бою осуществлялось с использованием наших коротковолновых и ультракоротковолновых радиостанций, но больше всего было японских, западногерманских и китайских. Такой аппаратуре мы могли только завидовать.

Как следовало из разведданных, в Саудовской Аравии были созданы несколько фондов для закупки в Израиле, Египте и Китае оружия и боеприпасов для оппозиции. Закупленное оружие накапливалось на перевалочных базах в Пакистане, реже в Иране, расположенных вдоль границы с Афганистаном. Затем оно доставлялось караванами в приграничную зону ДРА. Караваны по численности охраны, сопровождавшей их техники или вьючных животных формировались в зависимости от количества груза оружия. И чем его было больше, тем больше был караван и тем больше бандитов его охраняло.

В феврале 1980 года оперативной группой Министерства обороны СССР было принято решение по перекрытию каналов поступления оружия и боеприпасов из-за границы в приграничные провинции Афганистана. Для этой цели выделили группу офицеров-саперов от 103-й гв. ввд, которую возглавил начальник инженерно-саперной службы дивизии майор Имяреков А.И. Работа по минированию троп и дорог, ведущих в Афганистан, была под личным контролем маршала Ахромеева С.Ф. Через несколько месяцев пребывания в Афгане ему и Соколову были присвоены маршальские звания и звезды. О проделанных мероприятиях на границе Имяреков ежедневно докладывал Ахромееву и соответственно получал задание на следующий день. Несколько позднее нами стали применяться мощные фугасные бомбы, которые сбрасывались из вертолетов на горные тропы, проходящие по карнизам над пропастями. Взрыв фугаса скалывал карниз, по которому проходила тропа, в пропасть, и на некоторое время маршрут выходил из строя. Однако местные жители, для которых эти горы были родными, находили обходные тропы.

Затем тропы и дороги стали минировать неизвлекаемыми, самоликвидирующимися противопехотны-

ми минами, которые по своему внешнему виду были похожи на опавшие листья деревьев. Они разбрасывались из вертолетов на больших площадях. Их так и называли — лепестки. С февраля по май 1980 года группой наших офицеров-саперов было совершено более 200 боевых вылетов на вертолетах для минирования и подрыва троп и дорог, ведущих через границу в Афганистан. Для разминирования этих районов местные жители и кочевники применяли стада баранов, которые прогоняли по тропам и дорогам. Бараны подрывались, и маршруты снова становились пригодными для передвижения. Снова минирование, снова подрывы баранов, людей — так продолжалось длительное время.

Сегодня судить об эффективности перекрытия каналов поступления оружия и боеприпасов таким способом очень трудно. Тем не менее нет сомнения в том, что проделанная работа по минированию троп и дорог в какой-то мере способствовала ограничению проникновения и маневров банд душманов, осложняла доставку оружия и боеприпасов в восточные и центральные провинции страны. И в этом, по словам маршала Ахромеева, большая заслуга саперов-десантников.

В ГОРАХ ЗАПАХЛО ПОРОХОМ

К середине февраля 1980 года обстановка в северных и восточных провинциях Афганистана осложнилась настолько, что потребовала решительного военного вмешательства со стороны руководства 40-й армии.

Особенно тяжелое положение сложилось в провинции Кунар. Афганский Асмарский горно-пехотный полк практически вышел из повиновения. Во взбун-

товавшемся полку были убиты офицеры-коммунисты и их советские советники. Многие афганские офицеры, лояльно относящиеся к кабульскому режиму, были арестованы. Часть солдат разбежались по домам. Оставшиеся с техникой и вооружением в военном городке перешли на сторону мятежников. Полк дислоцировался на ключевом направлении, прикрывая путь на Кабул со стороны Пакистана через Джелалабад. Таким образом, дорога к столице Афганистана оказалась практически открытой. Нависла серьезная угроза для политического руководства Афганистана и соответственно его военного ведомства и нашего советнического аппарата. Необходимо было принимать срочные меры и восстанавливать положение.

Командование 40-й армии приняло решение силами мотострелковых и десантных подразделений совместно с регулярными афганскими частями окружить мятежный полк и разоружить его. Затем провести следствие афганскими компетентными органами по факту измены и убийства военнослужащих, виновных отдать под суд, остальных направить на доукомплектование других частей афганской армии. Для выполнения этой задачи привлекался наш мотострелковый батальон, усиленный танковой ротой из состава отдельной мотострелковой бригады, дислоцированной в Джелалабаде, недалеко от пакистанской границы, и 3-й парашютно-десантный батальон 317-го гв. пдп, саперная рота и разведывательный взвод разведроты этого полка. Командовал батальоном майор Кустрьо В.М. Старшим группировки был назначен начальник штаба 103-й гв. ввд полковник Петряков Н.В., в свое время командовавший дивизионной разведывательной ротой 105-й гв. ввд в Фергане. Поэтому он хорошо владел спецификой действий в горах, не раз совершал парашютные прыжки

на ограниченные горные площадки приземления. Заместителем по политчасти был подполковник Шеметило П.В., который тоже много лет прослужил в Фергане и Оше и для которого действия в горах были не в диковинку.

В соответствии с планом предусматривалось парашютно-десантный батальон и приданные подразделения десантировать посадочным способом вертолетами «МИ-8» на площадку вблизи горно-пехотного полка в предгорье, в дальнейшем блокировать полк и во взаимодействии с мотострелками вынудить мятежников сложить оружие. В случае оказания сопротивления будут применены на поражение все имеющиеся у наших войск огневые средства. Штаб афганского горно-пехотного полка находился в населенном пункте Шигал.

В тихих кабинетах бывшего дворца Амина, где располагался штаб армии, в палатках штаба дивизии наносимые на карты планы операций выглядели просто прекрасно. Все эти замечательные планы с удовольствием утверждались старшими начальниками. Однако в жизни все получилось далеко не так гладко. Витебская дивизия была неплохо подготовлена к боевым действиям на западном театре военных действий. И основная часть десантников впервые увидела горы только в Афганистане, они для них, естественно, были непонятны. А времени на подготовку к боевым действиям отводилось всего двое суток. За такой короткий срок практически невозможно хорошо подготовиться к действиям на незнакомой местности даже тем подразделениям, которые постоянно занимались учебой в горах. Батальон, выделенный для подавления мятежа, до получения задачи выполнял охранные функции в центре столицы. Тактической подготовкой в горах не занимался. И, как правильно говорится, на охоту идти — собак кормить,

буквально накануне десантирования батальон вывезли в район горы Ходжа-Бурга, севернее аэродрома, для проведения практических занятий на местности. Личный состав успел подняться днем в горы, обозначить боевые порядки, спуститься с гор, и наступили сумерки. На том тренировка закончилась.

На утро следующего дня, 29 февраля, была определена готовность батальона к десантированию и боевым действиям. С рассветом личный состав распределили по вертолетам и произвели загрузку. Вскоре они взяли курс на восток, в провинцию Кунар. Площадка приземления была окутана туманом. Высадка батальона прошла в спокойной обстановке, без стрельбы.

Подразделения десантников в боевых порядках стали стремительно спускаться в сторону населенного пункта Шигал. И именно здесь командирами была допущена ошибка при действиях в горах. В первую очередь необходимо было занять и удерживать высоты, господствующие над районом боевых действий, а подразделения батальона без тылового охранения продолжали спускаться по водоразделу вниз к подножию гор, оставляя высоты позади себя противнику. Полковнику Петрякову после приземления стало понятно, что десантники начинают выполнять боевую задачу тактически неправильно, и он дал команду разведвзводу батальона, которым командовал грамотный офицер, лейтенант Богатиков С.Н., немедленно занять господствующую высоту.

За несколько минут до десантирования армейская авиация нанесла по предполагаемым позициям мятежников, военному городку и штабу полка бомбоштурмовой удар более 50 вылетами вертолетов и самолетов. Опасаясь бомбежки, мятежники мелкими группами разбежались в разные стороны, но начали готовиться к бою. Сдаваться они не собирались. Не-

которые поднялись выше в горы, кое-кто ушел в Пакистан, а основная масса мятежников оказалась вблизи площадки приземления десантников. Отдельные группы оказались в промежутках боевых порядков десантников, а две небольшие группы — в тылу 9-й парашютно-десантной роты. Командир роты капитан Хапин В.Н., бывший командир 80-й отдельной разведывательной роты, своевременно обнаружил эти группы. Команда: «Противник с тыла», и десантники развернулись к бою.

После короткого боя группы были уничтожены, и десантники продолжили спускаться в долину для выполнения главной задачи. Через некоторое время, практически в двух километрах от площадки приземления, батальон встретил ожесточенное сопротивление превосходящего по силам противника. Тяжелый бой разгорелся в горах, а не в долине, как предусматривалось планом. В результате выйти к объектам захвата своевременно не удалось. Были моменты, когда огневой контакт с противником происходил на расстоянии броска гранаты. Бандиты с занимаемых высот в первую очередь пытались вывести из строя наших офицеров и связистов. Из-за этого временно была потеряна связь и нарушилось управление войсками. Мотострелкового батальона на БМП на рубеже поставленной ему задачи не оказалось. Асмарский полк не был блокирован. Десантники попали в огневое кольцо. С боем они медленно продвигались вниз, вынося с собой убитых и раненых.

Полковнику Петрякову с трудом удалось восстановить связь с подразделениями батальона. Бой стал вестись более организованно. За ошибки, допущенные штабом 40-й армии при планировании операции, за недооценку боевых возможностей противника и местности, повлиявших на ход боя, пришлось заплатить жизнями молодых парней.

Вскоре удалось наладить связь с мотострелковым батальоном, выдвижение которого к району боевых действий задерживалось. Напрасно десантники запрашивали по радио местонахождение мотострелков. «Нахожусь в таком-то районе, двигаюсь очень медленно, много завалов, на расчистку дороги уходит много времени, мы стараемся», — примерно таким был ответ.

Десантники по-прежнему оставались один на один с превосходящим их противником. Дрались в сложившейся обстановке отчаянно. Пройдет время, и они научатся воевать в горах, научатся определять возможные маршруты движения моджахедов и устраивать засады. Усвоят также закон боя в горах: кто занял господствующие высоты, тот контролирует ситуацию и в итоге побеждает. Но это будет потом, когда они станут диктовать свои условия душманам, а пока они впервые в горах выполняли боевую задачу первого дня боевых действий, платя за урок кровью.

Боеприпасы были на исходе. Часто возникали рукопашные схватки, которые заканчивались в пользу десантников. Окруженный бандитами разведчик старший сержант А. Мироненко подорвал себя и врагов гранатой, а сапер старший сержант Н. Чепик — миной.

Передовой отряд мотострелкового батальона прибыл в район боевых действий к исходу дня. Десантники к этому времени уже выполнили задачу и вышли в район сбора батальона.

На тот момент старший группировки должен был собрать подразделения, проверить личный состав, вынести раненых, погибших и отправить их вертолетами в Кабул; организовать охрану и оборону базового района группировки десантников и мотострелков; доложить в штаб дивизии о результатах первого дня боя. Трудно представить себя на месте полковника

Петрякова, искренне переживавшего за судьбу каждого десантника. Как докладывать о гибели людей? Хорошо, что его морально поддержал Шеметило. В конце концов, надо реально смотреть на то, что случилось, и взять себя в руки. Обдумать просчеты, произошедшие после десантирования и выполнения ближайшей задачи, детально спланировать второй день боевых действий, довести задачи до командиров подразделений и организовать взаимодействие. Как решили, так и сделали.

Ночь прошла спокойно.

Не отдыхал только начальник штаба дивизии. Одолевали мысли о прошедшем дне. На душе была какая-то тяжесть и неудовлетворенность собой. Он вышел из палатки командного пункта, наспех уставленной в сумерках. Брезжил рассвет, вершины гор уже просматривались на фоне неба, по горизонту еще было темно. Пошел по направлению к ближайшему боевому охранению. Десантники вели между собой разговор о вчерашнем бое, делились впечатлениями, как он проходил, как они старались оказать помощь и поддержку друг другу, о том, что без тренировки в горах очень тяжело даже ходить, а еще тяжелее вести боевые действия.

На других позициях говорили о том же. Не чувствовалось какой-либо угнетенной неуверенности и панических настроений. Пересыпаемые матерком разговоры практически ничем не отличались от тех, которые велись в курилках военных городков.

Стремительно наступал рассвет, и Петряков направился к командному пункту. Вдруг его внимание привлекла какая-то возня на одной из вершин. Присмотревшись, он увидел небольшую группку людей, возившихся с непонятным предметом. Мгновенно сориентировался, подбежал к ближайшему танку и указал наводчику цель. Солдат оказался понятливым

малым и большим мастером своего дела. В цель попал сразу же, с первого выстрела. Позднее мы выяснили, что эта самая группка, пять моджахедов, готовили к стрельбе зенитную горную установку «ЗГУ-23 мм». Так что предчувствие на войне не последнее дело: если бы не проверка боевого охранения, возможно, были бы у десантников «неприятности» и во второй день.

Выстрел танковой пушки привел в движение весь лагерь. Послышались команды, подразделения строились, доводились уточненные задачи на боевые действия наступившего дня. Через некоторое время начали подъем в горы. Каждая рота и взвод имели свои задачи: одни на блокирование и уничтожение мятежников на предполагаемых позициях, другие должны были с рассветом найти и вынести ненайденные тела товарищей. Боевые действия поддерживали вертолеты, которые к этому времени уже барражировали в горах и наносили огневые удары реактивными снарядами, вели огонь из пушек по вершинам гор.

Второй день боевых действий закончился без потерь. Десантники вынесли всех погибших товарищей, кроме бесследно пропавшего сержанта Табакова М.А., которого с боями искали в горах более недели. Поиск прекратили после получения сведений от агентурной разведки, что его, тяжело раненного, взяли в плен и в настоящее время он находится в одном из полевых душманских госпиталей на территории Пакистана. Дальнейшая судьба сержанта мне неизвестна.

Погибших и раненых отправили вертолетами в Кабул. Асмарский полк был разгромлен, но десантники за это заплатили высокую цену: убитыми — 33 человека, ранеными — более 40.

За действия в Кунарской операции ее участники были награждены правительственными наградами. Награждали всех — и живых, и мертвых. Двое за особо проявленный героизм и бесстрашие при выполнении боевой задачи были представлены к высшей награде Родины — им первым в Афганистане было присвоено звание Герой Советского Союза, посмертно. Это разведчик старший сержант А. Мироненко и сапер старший сержант Н. Чепик.

Об этой операции потом еще долго говорили и спорили на разных уровнях военного руководства, а у некоторых военачальников возникало желание поискать виновных стрелочников и среди десантников.

Разведчикам необходимо было извлечь урок из этой операции. Наибольший интерес заслуживали действия разведгруппы батальона лейтенанта Богатикова, который был одним из кандидатов на перевод в дивизионную разведывательную роту. И вскоре этот перевод состоялся. Богатиков был назначен командиром взвода дивизионной разведки, заступив на место ст. лейтенанта А. Чернеги, назначенного командиром 8-й парашютно-десантной роты 317-го гв. пдп.

Богатиков постарался воспроизвести в мельчайших деталях порядок действий разведчиков в районе боев после десантирования и в ходе выполнения задачи. С его слов там происходило следующее. Так называемый Первый Кунар начался для разведывательного взвода ранним утром, когда в район кишлака Шигал был высажен с вертолетов тактический десант в составе 3-го парашютно-десантного батальона 317-го гв. пдп со средствами усиления, всего 300 человек. Десантников так и называли — «Триста спартанцев». Разведвзвод был выделен в резерв командира батальона. Разведчики же рвались в бой и назначение

в резерв воспринимали как недоверие командования.

Но Богатикову запомнились слова командира батальона Кустрьо: «Боя на всех хватит, еще неизвестно, где тяжелее будет. Иди, лейтенант, готовь взвод». Комбат, как всегда, оказался прав. Войны под самую завязкухватило всем.

Высадка десанта проводилась рано утром. У Сергея впоследствии сложилось впечатление, что духи просто не ожидали от шурави такой наглости: провести десантирование у них под самым носом, практически в центре района расположения мятежного горно-пехотного Асмарского полка.

Десантирование прошло удачно. Хотя была опасность получения травм после того, как десантники покидали борт вертолета. В высокогорье «вертушки» сразу не могли сесть на ограниченную площадку, поэтому десантироваться приходилось с положения зависания вертолета и первые выпрыгивали с высоты примерно метра два — два с половиной. А земля далеко не английский газон.

Собрав взвод, Богатиков попросил комбата уточнить задачу. Постановка была предельно краткой: «Видишь горушку? Там будет командный пункт батальона. Выдвинься, займи ее и готовь оборону».

Богатиков, как и большинство солдат, в горах никогда не был. Тем более у него не было опыта ведения боевых действий в подобных условиях. Хватило ли ума или подсказала интуиция не повести группу напрямик через ущелье, а двигаться по хребту, через две вершины. Уже тогда Богатиков и его разведчики поняли: в горах побеждает тот, кто находится выше противника.

Слева Богатиков видел седьмую роту капитана В. Тарасевича, которая в колонну по одному спускалась вниз, а затем уходила влево, в сторону безы-

мянного кишлака, для того, чтобы перекрыть дорогу от Шигала на север к городу Асмар. Богатилов помахал рукой в знак приветствия своему другу Игорю Дивинскому, заместителю командира роты. Кто тогда мог знать, что через несколько часов Игорь, поднимая один из взводов роты в атаку, будет тяжело ранен через бронежилет в область сердца и его, теряющего сознание, закроет своим телом рядовой Кузьмин — один из бойцов роты. Он также видел, как спускается вместе со всеми А. Ехнич — лучший гранатометчик роты, который в тот момент, когда вся рота была прижата к земле огнем, как на полигоне, встал и выстрелом из гранатомета уничтожил пулеметное гнездо духов, второй гранатой — двух автоматчиков. В этом поединке победил десантник. Позднее рядовой Кузьмин, уничтожая группу мятежников, будет ранен, но останется жив и в День Победы получит орден Боевого Красного Знамени из рук маршала Соколова С.Л., а вот Ехнич, снова выручая своих товарищей, погибнет в неравном бою с мятежниками.

На вершину взвод поднялся вконец выдохшимся, было такое чувство, что сил на следующий шаг уже не будет. Разведчики заняли выгодную позицию, каждому был определен сектор наблюдения, бойцы одновременно пытались немного отдохнуть. Богатилов сориентировался. Группа оказалась на высоте, которая господствовала над тремя ущельями. Было видно, как по одному из них двигалась 9-я парашютно-десантная рота. Она должна была выйти к реке Кунар и атаковать противника вдоль нее в направлении кишлака Шигал, где, по данным разведки, размещался штаб мятежников.

По другому ущелью двигалась 8-я рота капитана В. Самохвалова. Управления батальона не было видно, и самое плохое, что может быть в бою, как, увы,

бывало нередко, пропала радиосвязь. Лейтенант пробовал связаться по всем известным ему радиоданным, в ответ — тишина. А духи уже карабкались на высоту, еще не подозревая, что она занята шурави. Разведчики встретили их огнем в упор, оставшиеся в живых духи, понеся большие потери, скатились вниз и больше не предпринимали попыток захватить эту высоту. Так впервые в Афганистане разведчиками поспешно, но эффективно была организована засада на маршруте выдвижения душманов.

9-я рота в это время вышла к реке Кунар и начала приближаться к кишлаку. У командиров взводов вместо топографических карт были упрощенные схемы местности. Богатилов решил продвигаться по горному хребту вдоль реки к Шигалу и, занимая поочередно господствующие высоты, прикрыть 9-ю роту сверху. Возникла проблема: как преодолеть отвесные скалистые горы. Горной экипировки нет, личный состав в обычных армейских сапогах и десантных комбинезонах. Рюкзаки до отказа набиты боеприпасами.

Чутье подсказало командиру, что не стоит рисковать людьми, скалы нужно обойти, прикрываясь небольшим гребнем. А есть ли там противник или нет — неизвестно. Оказалось, что есть. Душманы уже давно вели наблюдение за взводом Богатикова и попытались уничтожить его атакой сверху, используя численное превосходство и преимущество в высоте. Огонь был очень сильным, однако разведчики не были застигнуты врасплох и отразили атаку без потерь.

Повторный штурм снова не принес успеха бандитам. Но стало ясно, что они не пожалеют ни сил, ни людей, чтобы все-таки уничтожить засевший у них занозой взвод. Оставаться в этом месте стало для десантников смертельно опасно, тем более что необходимо было не воевать с этой группой духов, а вы-

полнять основную задачу. И взвод начал продвигаться дальше к Шигалу. В прикрытии остались командир взвода и двое разведчиков. Огонь велся непрерывно, и стволы автоматов раскалились до такой степени, что дымилось цевье.

В новый район взвод вышел без потерь и стал огнем прикрывать выход командира. Духи, поняв, что десантники ускользнули, предприняли отчаянную попытку достать их, но, оставив на местности около десятка трупов, перестали преследовать разведчиков. И все же без потерь не обошлось. Когда командир уже думал, ну все, пронесло, был ранен один из разведчиков группы прикрытия.

Двигаться с раненым стало гораздо труднее, а на помощь и поддержку рассчитывать не приходилось — девятая рота ушла далеко вперед вдоль реки и завязала бой за Шигал. Не доходя до него около километра, взвод начал спускаться к реке. В тылу девятой роты солдаты обнаружили пятерых душманов, обошли их и прижали к реке. Непонятно, на что они надеялись, когда попытались спрятаться в овраге, в выходившей к реке небольшой пещере. Разведчики забросали их гранатами, и уже в темноте вышли на командный пункт батальона.

Вот так для этих молодых, необстрелянных парней закончился первый день боевых действий. Незаметно для себя они стали намного взрослее и рассудительнее. Позднее ребята, вспоминая этот бой, говорили, что у них было такое впечатление, будто бы все духи только и были озабочены тем, чтобы уничтожить их взвод. Во взводе, к счастью, был только один раненый, чего нельзя сказать о других подразделениях батальона. Всего только десантники потеряли погибшими более трех десятков человек, один пропал без вести. Для всей дивизии это было трагедией. Переживали все, от солдата до генерала. Этой операцией

мы как бы дополнили уже открытый в январе боевой счет потерям.

Эти бои научили командиров многому. Кровь, пролитая в Кунаре, не пропала даром. В том первом бою лейтенант Богатилов понял главное: для командира важно не только выполнить задачу, но и сохранить людей.

Трагедию Кунарской операции несколько скрасил концерт Иосиф Кобзон, первый из всех советских артистов прилетевший на афганскую землю. Первое выступление на афганской земле он посвятил десантникам и провел его под открытым небом в расположении 350-го гв. пдп, куда собрали всех свободных от боевого дежурства военнослужащих частей, располагавшихся вокруг аэродрома. Сцена — грузовики с откинутыми бортами, зрители расположились прямо на земле. Солнышко припекало довольно чувствительно, и Кобзон сначала снял пиджак, затем галстук и закатал рукава рубашки. Исполнив обязательную 2-часовую программу, он начал концерт по заявкам и продолжал его без перерыва еще 2 часа, до тех пор пока не была выполнена последняя просьба. Все были в восторге от концерта и буквально поражены работоспособностью, терпением и искренним душевным отношением артиста к солдатам.

МЕЧТАТЕЛИ О ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

В начале мая 1980 года по просьбе правительства ДРА было спланировано проведение операции по восстановлению народной власти в уездном центре Бисхунд, в 90 км юго-западнее Кабула. Город Бисхунд находился на высокогорном плато и был разрушен афганской авиацией после Апрельской революции.

Группировка, привлекаемая для проведения операции, состояла из парашютно-десантного батальона 350-го гв. пдп, батареи 120-мм минометов, разведроты полка, артиллерийского дивизиона 122-мм гаубиц артиллерийского полка и разведывательной группы 80-й орр. Командир 350-го гв. пдп подполковник Шпак Г.И. был старшим полковой тактической группы, а руководил операцией командир дивизии генерал Рябченко. Подготовка к операции проводилась очень тщательно. Непрерывно велась воздушная разведка. Аэрофотоснимки позволили хорошо изучить местность, маршрут движения, мосты и места, где возможно было устройство засад душманов. Основная часть маршрута проходила по ущелью. После весенних паводков мосты были смыты селевыми потоками, государство их не восстанавливало, поскольку у него просто-напросто для этого не было денег. Автотранспорта у местных жителей почти не имелось, а грузовые ишаки запросто проходили везде.

Особое внимание обращалось на возможные места минирования. Душманы к этому времени развернули по всему Афганистану минно-диверсионную войну, обстреливали колонны и небольшие группы военнослужащих наших войск. Позднее мятежники стали применять радиоуправляемые фугасы, умело маскируя их в завалах на путях движения наших войск. Небольшие завалы саперы разбирали вручную, а крупные — с применением техники. И духи стали менять тактику: выжидали момент, когда у завала соберется как можно больше военнослужащих, и подрывали фугас. Чаще всего на этот прием попадались афганские подразделения. В их колоннах практически отсутствовала инженерная техника, и завалы расчищались вручную большим количеством солдат. Однако от подобных случаев не были застрахованы и наши солдаты.

Вот лишь один пример. На одной из боевых операций колонна десантников шла по узкой дороге горного ущелья. За поворотом и одним из выступов скалы путь преградил завал из огромных камней. В районе было выставлено боевое охранение, и саперы под руководством начальника инженерной службы полка майора Крячко со всеми мерами предосторожности приступили к инженерной разведке. Душманы поняли, что возле завала большой группы солдат не соберется, но вскоре подойдет техника и дорога с ее помощью будет расчищена. И приняли решение взорвать фугас прежде, чем его обнаружат. Раздался мощный взрыв. Погибли два сапера, трое были ранены, в том числе и майор Крячко. Двоих подрывников десанникам удалось отловить в горах и уничтожить. В последующем подобные завалы стремились расстреливать из танковых пушек, чтобы лишний раз не подвергаться опасности.

Группировка десантников начала марш рано утром и к обеду вышла к городу Котай-Ашру. Здесь она соединилась с афганским пехотным полком, имевшим задачу способствовать установлению народной власти и взять под охрану важные объекты города. Население встретило советских солдат недружелюбно. В разговоры местные жители старались не вступать. На вопросы отвечали без всякого желания и неконкретно. После небольшого привала и уточнения дальнейшей задачи колонна десантников повернула на запад, преодолела равнину и через некоторое время стала втягиваться в ущелье. Разведчики и саперы шли впереди, обеспечивая безопасное движение группировки.

Идти по ущелью было тяжело, дорога размыта и затоплена. В некоторых местах саперы наводили переправы. Очень большая физическая нагрузка легла на разведчиков, которые шли по горам, вели развед-

ку местности и были в готовности прикрыть действия саперов по разминированию и наведению переправ. Большая часть светлого времени ушла на преодоление этого трудного участка местности. Недалеко от горного перевала разведчики обнаружили в пещере склад продовольствия. Вначале хотели его уничтожить, но затем решили передать продукты местным жителям. Часть муки и зерна отдали афганским солдатам. Они были рады столь щедрому подарку, так как жили на очень скудном пайке.

На перевале колонна была остановлена для контрольного осмотра боевой техники. В это время дивизионные разведчики обнаружили, что параллельно, на расстоянии одного километра, по горам продвигаются пятеро вооруженных людей. Опускалась темень, поэтому задачу на их уничтожение поставили паре боевых вертолетов, сопровождавших колонну. Но навести их на цель оказалось делом довольно сложным. Пока уточнялись координаты цели для нанесения удара, группа духов вышла на снежное плато и стала хорошо видимой. И тогда по ним открыл огонь из орудия боевой машины сержант В. Куранов. Тогда вертолетчики заметили трассер от гранаты и нанесли удар реактивными неуправляемыми снарядами. Когда дым от разрывов рассеялся, душманов не было видно. Оставшиеся в живых попрятались среди камней и, наверное, стали дожидаться темноты, чтобы зализать раны. Светлого времени у нас в распоряжении практически не оставалось.

Перевал прошли в темноте без происшествий, и через некоторое время колонна остановилась на ночной привал в долине. Быстро наступившая в горах темнота не позволила разведчикам немедленно проверить результаты авиационного удара по духам. Утром две разведывательные группы обследовали снежное плато. Но, кроме пятен крови, ничего не об-

наружили. Можно только предположить, что все же на орехи духам досталось, но погибли они не все, раз смогли вытащить за ночь трупы или раненых.

Группировка продолжила движение и к обеду подошла к уездному центру Бисхуд. Организовали боевое охранение. На господствующей высоте развернули наблюдательный пост. Связисты развернули командный пункт. Командир дивизии доложил в штаб армии о том, что находится на месте и готов приступить к выполнению задачи.

На следующий день разведчики провели воздушную разведку большого района местности, прилегающей к Бисхуду. Сам город был в руинах, как на кадрах военной кинохроники времен Великой Отечественной. Неприятное, должен сказать, зрелище. Горожан почти не видно. В целом мрачно-зловещая картина предстала перед десантниками. Было начало мая, время усиленного таяния снегов в горах и схода селевых потоков, поэтому равнина к югу и западу от города была практически затоплена. Облеты района продолжались почти ежедневно. И много дней пейзаж оставался без изменения.

В ожидании прибытия группы представителей афганских властей десантники стали заниматься боевой подготовкой, проводили физические занятия, но без больших нагрузок, расположились мы на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. Без адаптации было трудно.

В период такого вынужденного безделья все немного расслабились. Накануне одного из воскресных дней нам сообщили из штаба дивизии: ждите утром гостей с дорогими подарками. И как бы невзначай шепнули — привезут награды. Мы взбодрились, особенно те, кто был представлен к награде. Среди них была и моя фамилия. Действительно, утром вертолетом привезли нам награды за былые бои. В том числе

и мне орден Красной Звезды. И вот в связи с этим награждением вспоминается такой забавный случай.

В колонне за командирской машиной шел небольшой рефрижератор, в котором находились всяческие, в том числе предназначенные для комдива, вкусности. Когда устанавливался палаточный городок, эта машина всегда находилась рядом с палаткой командира. И вот утром накануне награждения прохожу я мимо «апартаментов» комдива, и он мне на армейском языке предъявляет претензию, что мой подчиненный, стихийный переводчик Сафаров, упер у него на глазах бутылку водки из этой самой машины с вкусностями. Я, разумеется, возмущен, что быть такого не может, и всячески отстаивал свою правоту. На том и разошлись.

Когда состоялось вручение наград, мы вместе с дивизионным медиком, тоже получившим награду, решили это событие, как и положено, вспрыснуть, тем более что у медика во фляжке было немного спирта. Когда, открыв банку тушенки и разлив по порции спирта, приготовились обмывать награду, в палатку заглянул один из двоих постоянно сопровождавших меня сержантов Куранов, вторым всегда был Сафаров. Увидев скромно накрытую наградную поляну, он заявил, что орден обмывать спиртом несолидно. А вот водка в самый раз. На что я глубокомысленно ответил, что в принципе-то он прав, но где же ее здесь найдешь. И тогда он движением фокусника достает из-за пазухи бутылку «Столичной». Вот она где всплыла, комдивская заначка. Позже мои сержанты признались мне, что навещали командирский продсклад не в первый раз, и он никогда не замечал, и вот стоило им впервые спереть для любимого начальника водку, тут же и засветились.

Шли дни, недели, а афганские чиновники все не появлялись. Через три недели Рябченко решил о та-

кой незаинтересованности чиновников доложить в штаб армии и заодно напомнить, что у него в Кабуле есть дивизия. Ответ пришел незамедлительно: старшим группировки оставить командира полка Шпака Г.И., а Рябченко прибыть в Кабул через два дня. Было решено на следующий день провести воздушную разведку маршрута обратного движения. На разведку вылетели я и Шпак. Вертолеты по ущелью летели очень низко с нарушением всех инструкций по мерам безопасности полетов, на одном участке ущелья вертолет опустился так низко, что кабиной зацепил верхушку тополя. Машину резко бросило в сторону, но летчикам все же удалось удержать вертолет в полете и поднять его немного выше. Пришлось отказаться от полетов на такой предельно малой высоте.

После этого зацепа вертолеты с согласия десантников улетели в Кабул, где зарулили на самую дальнюю стоянку, и летчики стали удалять ветки из всевозможных подвесок, в том числе с блоков неуправляемых реактивных снарядов. Экипаж ведомого вертолета наблюдал этот полет, и командир сказал: «Я подумал, что вам будет хана». Вертолетчики, предварительно заручившись нашим обетом молчания о случившемся (ведь были все предпосылки к трагическому исходу полета), снова взяли курс на Бисхуд. Когда мы прибыли на место, командир дивизии долго возмущался столь продолжительным отсутствием вертолетов. Мы, как и договорились с летчиками, оправдывались тем, что пришлось слетать на заправку в Кабул.

Утром командир улетел в штаб дивизии, а группировка стала готовиться в обратную дорогу старым маршрутом, другого пути, как мы ни старались найти, не оказалось. Переправы, ранее наведенные саперами, оставались на прежних местах. Уровень воды не-

много спал, и след колонны, оставленный около месяца назад, хорошо просматривался с высоты.

Вернувшиеся из Кабула вертолеты привезли продукты, почту и лично для Шпака канистру хорошего молдавского вина. Кто-то из его сослуживцев проходил службу в Молдавии. Погода стояла чудесная. Место, где мы расположились, тоже своеобразная пастораль — поросший невысокой изумрудной травкой лужок, по которому протекал арык с холодной водой. Вокруг ярко освещенные солнцем горы... Благодарить. Отличному настроению способствовала канистра вина... на пятерых.

Но, как всегда, мало. Решили догнаться спиртом. И только пришла в голову эта блестящая идея, как на проходившей невдалеке дороге появилась пара волков, тянувших соху. Их погоняли двое афганцев. Щупленький взрослый и бача (мальчишка). Что на меня нашло, но со всей широты русской души я решил, что вот мы все воюем и воюем с афганцами, а выпить так ни разу и не пришлось. Озвучил эту замечательную идею, и она получила всеобщую поддержку. Тут же дали команду доставить погонщика к офицерскому «столу». Теперь-то я понимаю, как испугался тщедушный афганец, когда к нему, исполняя приказ, бросились два двухметровых сержанта.

Приволокли они бедолагу к нам, мягко, но очень решительно посадили и через переводчика объяснили, что мы — друзья и по русскому обычаю нужно за это выпить. Подготовили закуску из тушенки, объяснив, что это говядина, и налили стопку. Чистейшего спирта. Бедняга, наверное, никогда не пил вообще, а тут спирт, который умеет пить не каждый русский. Короче, хватанул он свою порцию и — задохнулся. Мы засуетились, дали ему водички, вроде отпустило. Поблагодарил он нас и с радостью распрощался с доброжелательной (кто его знает, как там будет

дальше) компанией. Ушел сам, но по синусоиде. Мы долго веселились по этому поводу и строили всяческие предположения, как он сейчас даст пробежать-ся всему своему кишлаку.

Рано утром командир полка собрал оперативную группу, вместе с которой мы отработали план возвращения группировки в пункт постоянной дислокации. Дивизионной разведке было необходимо занять высоты перед входом в ущелье, пропустить группировку, а затем вести разведку в арьергарде, чтобы не допустить внезапного нападения на колонну. Полковой разведке совместно с саперами была поставлена задача двигаться впереди колонны, обеспечивая безопасность движения по ущелью. Связь с разведкой была устойчивая. Часа через три, когда мы уже втянулись в ущелье, впереди вдруг началась стрельба. Колонна остановилась. Дорога была завалена огромной грудой камней. Начали работать саперы. Полковая разведка доложила, что идет бой с группой духов, засевших около домов на другом берегу речки.

Одновременно поступил доклад: дивизионная разведгруппа завязала бой со следившими за колонной шестерыми духами.

Все мы находились в благодушном настроении, «домой» идем все-таки, и поэтому звуки начавшегося боя вызвали некоторую растерянность. Но привычка взяла свое. Быстро определили, откуда велась стрельба, и начали работать боевые машины. Стрельба с гор прекратилась, загорелся один из домов. Старший группировки Г. Шпак по радиостанции запросил обстановку у командиров подразделений. Дивизионная разведка доложила, что двух из шестерых духов уничтожили, остальные скрылись в горах. Все командиры доложили, что у них все в порядке, за исключением артиллеристов, у которых погиб один человек. Произошло же это потому, что в первый период пре-

бывания в Афганистане артиллеристы менее защищены по сравнению с пехотой. Ездили они на «Уралах», кабины и кузова которых пули легко пробивали. Защищать кабины развешанными бронежилетами додумались позднее.

В дальнейшем все засадоопасные и подозрительные места по маршруту колонны подвергались сильному обстрелу из зенитных установок «ЗУ-23-мм» и орудий боевых машин. Уже в сумерках вышли из ущелья, облюбовали в долине небольшую равнинную площадку. На ее противоположной стороне виднелся кишлак. Оперативно организовали охрану и оборону стоянки. Появилась возможность дать людям отдохнуть. Ночь прошла на удивление спокойно.

На рассвете обсудили план дальнейших действий. Решили нанести огневой налет артиллерийским дивизионом и минометной батареей 120-мм минометов по тому кишлаку, из которого вчера велся огонь по колонне. После двадцатиминутной артподготовки по кишлаку нанесли удар и боевые вертолеты, прилетевшие утром. На проверку результатов огневого налета вылетели начальники разведки и артиллерии. Кишлак был в дыму и огне. Около домов суетливо бегали люди. Начальник артиллерии дал команду нанести еще один огневой удар по тем же целям.

Отработав, вертолеты приземлились, в один из них загрузили тело погибшего десантника, и машины взяли курс на Кабул. Как стало позже известно по агентурным данным, в результате огневого удара погибли девятнадцать душманов. Артналет и удар вертолетов застал их врасплох, они не успели убежать из домов, не исключено, досталось и жителям. Возможно, это была общая цифра потерь в кишлаке.

К обеду лагерь свернули и походной колонной пошли в Кабул. Днем обошлось без приключений. Но глубокой ночью в горах замигали вспышки выстре-

лов. По броне зазвенели пули. Санитарная машина, в которой, правда, был один водитель, стала похожей на дуршлаг, но, к счастью, бойца даже не зацепило. В ответ колонна открыла огонь по высотам из боевых машин и зенитных установок. Не только по тем, откуда уже велась стрельба, но и по тем, откуда она предполагалась.

На рассвете колонна остановилась на обочине грунтовой дороги для осмотра техники и дозаправки машин. Водитель командно-штабной машины «Сорока» начальника штаба 350-го гв. пдп майора Иванова М.В. остановил ее там, где обочина оказалась подмыта водой. Иванов выбрался из машины, сел на броню и начал заслушивать доклады командиров подразделений. И в это время земля под тяжестью бронемшины обваливается, «Сорока», сделав кульбит, завалилась вверх гусеницами. Инстинктивно ухватившийся за антенны Иванов оказался придавленным многотонным весом. И хотя машину поставили на гусеницы очень быстро, Иванов погиб мгновенно. Жаль, что столь нелепо и неожиданно умер. Был он всесторонне подготовленным офицером, человеком высокой порядочности и чести.

Прибывшие вертолеты увезли тело начальника штаба полка в Кабул. До «черного тюльпана» провожали его в последний путь всем полком. «Тюльпан» ежедневно совершал скорбный маршрут по Афганистану, а затем вез «200-х» на Родину, в Союз. На должность начальника штаба полка вскоре прибыл выпускник Академии им. М.В. Фрунзе капитан А.А. Чиндаров (закончил службу в ВДВ генерал-полковником, заместителем командующего ВДВ).

Вскоре группировка прибыла в пункт постоянной дислокации. В своих расположениях командиры проверили наличие оружия и личный состав. Разведывательная группа дивизии прибыла в палаточный

городок через месяц. Встречать ее вышла вся разведрота. Командир рассказал следующее. Как-то полковник Петряков проводил проверку в 317-м гв. пдп. Ему доложили, что в полку есть прослуживший год солдат, который постоянно уединяется, тяготится службой и все время пытается куда-нибудь убежать и спрятаться. Требуя за собой круглосуточного контроля. И начальник штаба дивизии принял решение передать этого солдата на воспитание в дивизионную разведроту, отличавшуюся высокой дисциплиной и порядком. Не могу не без гордости отметить, что к этому времени 80-я отдельная разведывательная рота стала лучшим подразделением в дивизии по всем показателям и была награждена почетной Ленинской грамотой как победитель социалистического соревнования в честь 110-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина. В роте сложился дружный и очень боеспособный коллектив, где даже незначительное нарушение воинской дисциплины считалось чрезвычайным происшествием. За год из роты мы вынуждены были отправить в Союз одиннадцать человек. Не беспокойтесь! Все они изъявили желание стать офицерами и написали рапорты о поступлении в военные училища. Из одной роты больше, чем из любого полка! Все стали офицерами. Ефрейтор Ю. Кибиткин стал зам. командира своей бывшей роты и ст. лейтенантом выводил ее в феврале 1989 года из Афганистана в Витебск, а А. Ивонин второй раз прибыл в Афган командиром разведвзвода 357-го гв. пдп, а в третий — уже будучи начальником штаба парашютно-десантного батальона.

Солдаты реагировали так: не Макаренки мы, а разведчики. И на кой нужен нам такой боец, когда и днем и ночью приходится рисковать жизнью, выполняя непростые боевые задачи. И только тот, на кого всегда можно положиться, должен быть рядом. Раз-

ведчиков подбирают совсем по другим принципам и совсем по другим качествам.

Увы, оправдались самые худшие ожидания. Воспитуемый рядовой Федотов уже через неделю ночью украл чеки «Внешпосылторга» (ими выплачивалось денежное довольствие) у нескольких увольняемых в запас солдат и сержантов, которые утром должны были улетать в Ташкент. Украл, смылся из роты и затаился в списанном и раздербаненном самолете «Ил-2» недалеко от городка разведчиков. Там он намеревался дожидаться взлета «Ил-76», на котором улетали в Союз увольняемые. То, что воспитуемый пропал, обнаружили сразу. Немедленно доложили в штаб дивизии. Организовали поиск, и через три часа он был обнаружен в своем схроне. Физического воздействия, издевательств и оскорблений не было — пачкаться о такое дерьмо не хотел никто. Но могло с ним случиться все что угодно, поскольку, честно говоря, даже у офицеров о-о-о-чень чесались руки... Ничего подобного в роте не было попросту потому, что быть не могло. Во избежание очередного побега или солдатского самосуда командир роты поселил вора в палатку к офицерам. Началось расследование. В результате полковник Петряков, разумеется, во всем обвинил разведчиков, которые, по его мнению, не научились работать с людьми.

Когда разведгруппа после возвращения с задачи привела себя в порядок, я пошел в штаб дивизии. Дорожку, ведущую к штабу, окаймляла зелень, все вокруг было в цвету, а ведь всего месяц назад все выглядело совсем по-другому. Начальник штаба дивизии Петряков, выслушав мой доклад, решил действовать по-командирски: все-то у разведчиков плохо, кругом бардак, и воевать они не умеют, и с людьми работать. Все сказанное относилось и ко мне.

На следующий день состоялось партийное собрание управления дивизии, где докладчиком выступал Петряков. Ну и досталось же коммунисту Скрынникову, то есть мне. Весь доклад был построен практически на моральном облике и работе начальника разведки. Однако после выступления коммунистов и моего докладчик, кажется, понял, что перегнул палку. И после окончания собрания распорядился вернуть своего «крестника» дослуживать в родной полк. Наверное, вспомнилась проверенная жизнью поговорка: «С таким в разведку я бы не пошел». В роте облегченно вздохнули и постепенно прискорбный случай начал забываться. Однако офицеры твердо решили: никогда, ни при каких условиях и ни при каком давлении сверху никого не брать на перевоспитание из полков.

Вот так и была поставлена точка в плановой операции по оказанию помощи в восстановлении народной власти в административном центре Бисхунд. Правда, мы так и не поняли, кому же это «восстановление» было нужно. Афганские представители так и не появились, а мы после месячного стояния потеряли молодого и перспективного начальника штаба полка и солдата-артиллериста, совсем мальчишку. Правда, и душманов уничтожили около двух десятков.

Спустя некоторое время в Кабульском гарнизоне произошло ЧП. Задолго до подъема разбудил меня посыльный по штабу и передал распоряжение командира дивизии, что тот ждет в своей рабочей палатке. Как всегда в такой ситуации, приходит в голову одна и та же нехорошая мысль: что-то случилось в подчиненных войсках. Тут же позвонил дежурному по разведроту дивизии. Уточнил обстановку в полковых разведротках и на наблюдательных постах в горах. Все спокойно.

Прибыл к командиру, тот поздоровался и с ходу сказал: «Давай быстрее в роту, возьми разведгруппу и выдвигайся на объект «Радио Кабула». Необходимо усилить его охрану и взять под жесткое наблюдение американское посольство. В группе иметь снайперскую винтовку».

Сегодня ночью, продолжал он, сержант-строитель из материально-технической бригады, переодевшись в форму лейтенанта, остановил такси около бригады и колесил на нем по городу, а затем подъехал к американскому посольству и зашел на его территорию. Сейчас сержант находится там. Скорее всего, американцы попытаются вывезти его в Пакистан. Сержант как военный специалист для американцев большой ценности не представляет, а вот в пропагандистских целях они его раскрутят на все сто. Поэтому с точки зрения политической это серьезное происшествие. Историю с перебежчиком расструбят на весь мир. Наша задача — организовать наблюдение за всей территорией посольства и при малейшей возможности сержанта внаглую выкрасть или уничтожить.

Утром около посольства было не протолкнуться — территория вокруг него буквально кишела сотрудниками наших и афганских спецслужб. Заменяли даже внешнюю охрану, которую до этого осуществляла афганская милиция. У беглеца шансов выйти незамеченным из посольства практически ноль. Американцы, как позже стало известно, предпринимали попытки вывезти его, однако, убедившись в безнадежности затеи, после двух суток плотной обработки передали его сотрудникам советского посольства.

Мотивы бегства сержанта стали ясны в ходе расследования. Он служил помощником начальника склада, воровал и продавал афганцам строительные материалы. Хищения обнаружились. Запахло уголов-

ным делом, и сержант не придумал лучшего выхода, чем украсть лейтенантскую форму и, переодевшись, бежать к американцам.

Во время ведения наблюдения за посольством вою, шедшего по дорожке посольства в сопровождении двух человек, видел наш разведчик-снайпер. Однако для выстрела ситуация была неблагоприятная, и он не решился нажать на спусковой крючок. И, как оказалось, поступил правильно. Порученной задачей разведчики очень гордились и потом с полной уверенностью утверждали, что со всем могли бы справиться самостоятельно. Такая уверенность — важный и необходимый фактор в жизни разведчиков, особенно на войне. Какой-то кураж иногда тоже может быть полезным. Поэтому офицеры, усмехаясь про себя, всегда поддерживали подобные настроения.

Конец мая омрачился трагическим известием: в тоннеле на перевале Саланг столкнулись две колонны советских войск. Одна — зенитно-ракетной бригады, шедшей из Кабула в Союз, другая — автомобильная, везшая груз из Союза в Кабул. Саланг — это система тоннелей на высоте 4100 м. Протяженность самого большого более 2 км. Постоянные сходы снежных мощнейших лавин. Через Саланг на Кабул шла так называемая «нитка жизни». В тоннеле образовалась пробка. На перевале страшно холодно. Поэтому двигатели не были заглушены. Вентиляция оказалась неисправной. А комендантская служба вовремя не сработала. В результате от выхлопных газов пострадало более 100 человек.

ПОДСТАВЬ ПЛЕЧО БРАТУ

Недалеко, всего-то километрах в 30 от Кабула, расположился городок 345-го отдельного парашютно-десантного полка, в котором служили ферган-

цы-разведчики из моей родной расформированной 105-й гв. вدد. К этому времени они командовали ротами, батальонами или занимали высокие штабные должности. Все имели достаточно богатый опыт действий в горно-пустынной местности, приобретенный за годы службы в 105-й гв. вدد. Хотелось бы назвать их фамилии: Л. Хабаров, В. Никифоров, А. Шатский, А. Попов, И. Попов, А. Алиев, В. Востротин, В. Манюта, Ю. Татур, Д. Антонюк, А. Хмель, С. Гуринов, С. Кухаренко, Ш. Туктеев, В. Ливенский и другие.

С каждым из этих офицеров всегда было о чем поговорить. У каждого своя история жизни. Все с удовольствием делились боевым опытом.

345-й полк располагался в центре Чарикарской долины у авиабазы Баграм. Всю низменную часть долины, до самого предгорья, покрывали сплошные зеленые заросли — сады и виноградники, дикие кустарники и деревья. Эта, как ее называли зеленка, а также кишлаки и ближайшие горы служили духам отличным укрытием, а для наших войск — зоной повышенной опасности. Вся долина была под контролем Ахмад Шах Масуда и арабских эмиссаров, которые у местного населения были непререкаемыми авторитетами. Попытки, причем неоднократные, афганского правительства установить в этом районе свою власть проваливались. К шурави же аборигены относились, мягко говоря, прохладно.

Поэтому стрельба вокруг расположения полка велась постоянно: и днем, и ночью. В долине орудовало множество банд, которые постепенно с помощью иностранных инструкторов и забугорных денег превращались в настоящие боевые единицы. Они укрупнялись и становились серьезными боевыми тактическими единицами, отличавшимися слаженностью, организованностью, дисциплиной, а главное, мотивацией. По своим боевым и моральным качествам,

по уровню подготовки эти, теперь уже можно смело говорить, партизанские отрядики значительно превосходили регулярные афганские части, а для наших войск представляли реальную угрозу.

Подразделения 345-го полка практически еженедельно участвовали в боевых действиях, как и подразделения 103-й гв. вдд, а дни затишья, если они и случались, то были настолько коротки, что пролетали, как мгновение. Очень часто в течение первых двух лет боевые операции планировались и проводились совместно с подразделениями 345-го опдп.

Хочу рассказать об одной из таких совместных операций в районе Ниджраба. В июне 1980 года десантникам была поставлена задача блокировать обширный район в 20 километрах северо-восточнее авиабазы Баграм с последующим проведением там совместно с афганскими войсками операции по уничтожению бандформирований. А на завершающем этапе операции продолжительностью 10 суток оказать содействие в установлении народной власти в большом кишлаке Ниджраб. Для проведения операции привлекался парашютно-десантный батальон, разведрота, саперный взвод 350-го гв. пдп, парашютно-десантный батальон, самоходно-артиллерийский дивизион и разведрота 345-го опдп, а также артиллерия и отдельная разведывательная рота 103-й дивизии. Старшим группировки был назначен командир 103-й гв. вдд генерал И.Ф. Рябченко.

Планировалось, что на первом этапе операции десантники должны блокировать кишлаки в районе севернее Мирбачакот, а афганские подразделения — провести зачистку местности.

По данным агентурной разведки, в каждом из кишлаков в этом районе постоянно живут от 10 до 12 вооруженных людей, всего — около 60. Иногда в рай-

оне этих кишлаков на дороге Кабул — Чарикар попадали в засады одиночные военные автомобили.

Накануне операции армейская авиация провела воздушную разведку и фотографирование предстоящего района боевых действий. Командиры подразделений скрупулезно изучили аэрофотоснимки и сверили их со своими топокартами.

После получения команды на проведение боевой операции колонна боевых машин и артиллерии с охранением рано утром начала движение по дороге Кабул — Баграм. Через несколько часов десантники с ходу блокировали кишлак, а афганское подразделение приступило к проверке якобы подозрительных домов и изъятию огнестрельного оружия. Афганские солдаты, по сути, только имитировали, что выполняют поставленную задачу. Вели светские беседы с местным населением, документы почти не проверяли, подозрительных не задерживали, не стеснясь, брали взятки, а чтобы все-таки показать, что усердно потрудились, в конце концов принесли аж пару реквизированных кремневых ружей. Не брезговали афганские защитники отечества, а вернее правительства, и откровенным грабежом, и торговлей награбленным в других кишлаках.

По этому поводу у меня есть неопровержимое и конкретное подтверждение. Одно время совместно с моими разведчиками взаимодействовал афганский взвод «Командос». Командовал этими солдатами капитан Омар. В Союзе окончил военное училище и еще не совсем забыл русский язык. Лично к нему как к офицеру до этого претензий не было. Так вот, во время проведения очередной операции разведрота и взвод «Командос» должны были провести проверку подозрительных людей, а наводка уже была, в одном из блокированных кишлаков. Перед тем как войти в кишлак, Омар задает мне вопрос: «Рафик Михаил

Королев П. В.

Командир дивизии
Рябченко И. Ф.

Слюсарь А. Е.

Шепетило П. В.

Скрынников М. Ф.

Председатель
научно-технического
комитета ВДВ
полковник
Комар И. Г.

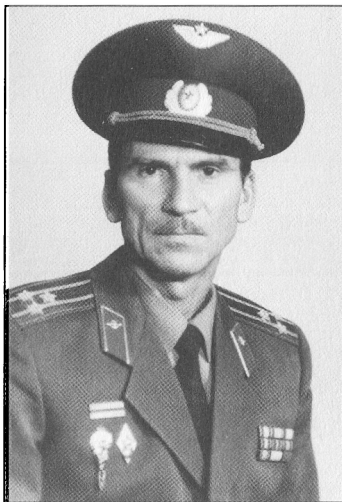
Тютвин Н. В.

Пантюшенко И. Г.

Вострогин В. А.

Хабаров Л. В.

Попов А. В.

Тюктеев Ш. К.

Андрейчук Н. В.

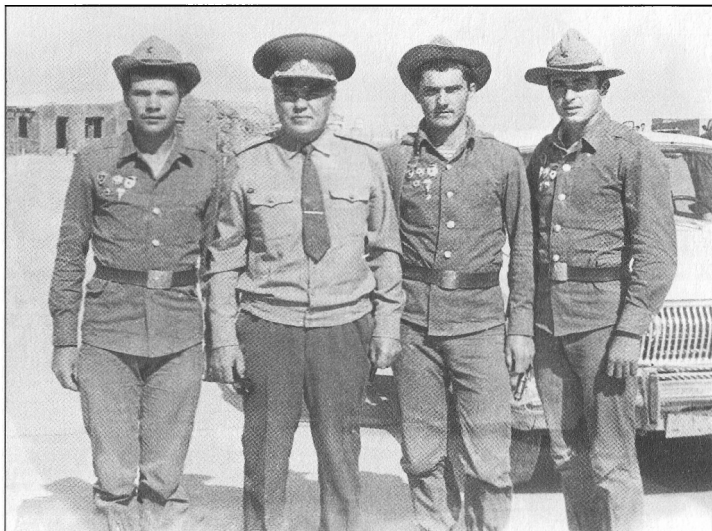
Кузнецов С. А.

Азарнов А. А. и Гусько И. П.

Нижегородов А. М. и Мухамедгарипов А. В.

**Командующий ВДВ генерал-полковник Сухоруков Д. С.
с разведчиками. Кабул, 1980 г.**

**Командующий ВДВ генерал-полковник Калинин Н. В.
беседует с десантниками в районе боевых действий.**

(значит товарищ), грабить можно?..» Я, конечно, искренне удивился услышанному и ответил категорическим «Нет». Он без всякой обиды сказал, что ему все понятно, и больше с подобными вопросами не обращался. Естественно, мы стали более пристально присматриваться к действиям афганских солдат и запрещали грабить местное население по крайней мере на наших глазах. И сразу вещевые мешки у солдат стали заметно более тощими.

В это же время от одного из местных сторонников правительства к нам поступила информация, что не-вдалеке, в горах, в одной из пещер, находится тайник с оружием. Разведчики провели поиск склада и нашли небольшую пещеру, но ни оружия, ни боеприпасов в ней не оказалось. Зато лежало около десятка мешков с мукой и зерном. Сообщили афганским братьям по оружию, те быстренько нашли применение нашей находке. Продовольствие для афганских солдат закупалось у местных жителей или на рынках за их счет, а тут благодаря шурави свалилось такое богатство. Бесплатно!!! Просто так отдавать муку и зерно было не впервой и не жалко, но не воспользоваться ситуацией мы не могли и поэтому строго предупредили командира афганцев, что если его подчиненные и дальше будут действовать в том же духе, то мы отберем у них эту манну небесную.

Во время этой операции дивизионная разведка выполняла отдельную задачу. Ночью одна рота должна была блокировать кишлак Зимма, находившийся примерно в десятке километров от Кабула, и обеспечить выполнение задачи взводу афганских командос. Командос должны были повязать членов исламского комитета и передать властям. После выполнения этой задачи разведчикам надо было прибыть на командный пункт группировки на западной окраине уездного центра Мирбачакот.

Двигаясь к месту проведения операции, колонна боевых машин разведчиков подошла к мосту через овраг около кишлака Паймунар. С вертолета и на аэрофотоснимках мост выглядел обычно. На самом деле это были перекинутые через овраг две бетонные балки. Сомнительно, выдержат ли они вес боевой машины? Глубина оврага около четырех метров, берега очень обрывистые. Но задачу нужно выполнять, другой дороги нет. Рискнули проверить грузоподъемность моста. Осторожно провели одну боевую машину. Мост выдержал. Но как быть с приданным роте для обезвреживания мин впереди колонны танком? Уж его-то балки точно не выдержат. Хочешь не хочешь, а пришлось вернуть переправившуюся боевую машину и начать поиск места, где можно было бы преодолеть это естественное противотанковое препятствие.

Уже потом, при свете дня, мы еще раз осмотрели мост. Лишь в темноте и сдуру можно было решиться на то, чтобы провести по нему боевые машины. Ширина — только для легковушки. От времени балки все в трещинах... Знал бы или видел бы я это, наверняка принял бы решение: да бог с ней, с этой задачей! Зато не угроблю ребят и технику.

Местность была, теперь просто подумать страшно, настолько пересеченной... Естественно, скорость движения — медленнее пешехода. Пока искали удобное для перехода бесконечного оврага место, стало светать. Наконец вышли к небольшой речушке-ручейку, и колонна двинулась по ее руслу. Через некоторое время, естественно с опозданием, подошли к объекту блокирования. Но как теперь подняться наверх с этого выручившего нас русла? Пришлось размолотить гусеницами огороды местных жителей, которые они устраивали на карнизах. Другого пути не было. Такое преодоление препятствий можно было

бы смело включить в план показательного занятия для военачальников.

На противоположном берегу речушки стали появляться люди, без оружия. Мы приготовились к худшему. Однако обошлось без стрельбы. Просто жители ближайшего кишлака наблюдали, как тяжелая техника поднимается наверх, уничтожая посевы. Что они думали и о чем говорили между собой, догадаться нетрудно.

С небольшим опозданием приступили к выполнению задачи. Местность перед кишлаком была открытая, что позволило быстро окружить его и взять под контроль все подозрительные места. Афганские солдаты на удивление быстро развернулись в цепь и бодро побежали к центру кишлака. Мы шутили: наверное, афганцы проголодались и спешат к завтраку. Они на самом деле жили впроголодь, вдоволь не было даже лепешек и чая. Десантники всегда делились с ними продовольственным пайком, поэтому афганские солдаты с удовольствием шли на совместные операции. Подкормиться, пограбить, поболтать...

Часа через три афганцы вернулись и принесли одно кремневое ружье. Их командир доложил, что подозрительных людей в кишлаке нет. Десантники, то есть мы, вернули их обратно в кишлак с наказом поработать получше, а то придется им в свою часть возвращаться пешком. Через некоторое время афганцы вернулись и принесли еще два старинных шомпольных ружья. По всей видимости, они поведали об угрозе десантников местным аксакалам и те решили выделить им откупные сувениры. О неутешительных результатах пришлось доложить командиру дивизии и получить разрешение на выдвижение в район сосредоточения нашей основной группировки.

Когда колонна вышла на шоссе Кабул — Чарикар, было уже темно, поэтому с трудом нашли нужный поворот в сторону расположения лагеря витебчан. Доложили командиру дивизии и уточнили задачи на следующий день. Я провел небольшое совещание с офицерами-разведчиками по результатам работы первого дня и организовал работу на утро. Ночь по-фронтovому прошла спокойно.

Последующие два дня проведения операции результатов не принесли. Данные агентурной разведки совершенно не соответствовали действительности. И, по всей вероятности, своевременно не были перепроверены. Возможно также, что основная часть мятежников не решилась вступить с войсками в бой и ушла в горы. А некоторые, припрятав оружие, превратились в мирных дехкан. Кого-то из них арестовывали, но за отсутствием прямых улик тут же отпускали.

С наступлением темноты разведчики провели рейд по окраинам предгорных кишлаков. На окраине кишлака Загаран организовали засаду. Появления мятежников ожидали со стороны гор, а они вышли из кишлака. Группа духов состояла из трех человек. И двигалась она в сторону гор. Возможно, у них имелась какая-то конкретная задача. Однако захватить их и допросить не позволял разделявший нас овраг. Снял их снайпер. Их оружие унесли разведчики, а трупы остались лежать там, где их настигла смерть. Утром их опознали и похоронили местные жители.

Отдохнуть разведчикам не пришлось. Только они вернулись в лагерь, он пришел в движение. И вскоре вся группировка начала выдвижение в новый район. Наступил рассвет. Перед самым выездом генерала Рябченко подъехал представитель администрации г. Мирбачакота и сообщил, что ночью в кишлак Кадула пришла банда мятежников. Бандиты заняли дом

старейшины, выгнав его с семьей на улицу. Грабят и избивают жителей. Сейчас бандиты отдыхают.

Возле командного пункта в боевой готовности находились два вертолета. Командир дивизии дал мне указание убить на вертолетах в указанный район с группой дивизионной разведроты и разгромить банду. Представитель администрации выступал в роли авианаводчика. Вертолеты ударили по саманному дому из НУРСов и пулеметов. Дом загорелся. По убегающим из дома разведчики стреляли из автоматов через двери и бойницы. Немногим из бандитов удалось перебежать голую как ладонь площадь и спрятаться в виноградниках.

Приехавший в наш штаб афганец сообщил комдиву: банда почти полностью уничтожена. Оставшиеся в живых обратно не вернулись, боясь мести жителей кишлака. Среди бандитов местных не оказалось. Единственно, о чем сожалел афганец, — сгорел дом уважаемого человека. Однако тут же заверил генерала, что старейшине будет оказана помощь и всем миром дом в ближайшее время будет восстановлен. После беседы с афганцем командный пункт переместился в сторону Баграма.

У начальника разведки 345-го полка капитана В.Никифорова в зоне ответственности полка была создана неплохая агентурная сеть. По крайней мере он был в курсе всех дел, происходящих в округе. На следующий день мы с офицерами-разведчиками, командирами батальонов и рот на двух вертолетах провели воздушную разведку местности и предполагаемого района боевых действий и маршрутов движения. Один участок дороги на перевале показался наиболее удобным для организации засады или минирования. Это было учтено при организации марша. К исходу дня командиры подразделений доложили

руководителю операции о готовности к боевым действиям.

Каждое подразделение имело конкретные задачи: вести разведку в полосе шириной около четырех километров. Полоса эта была определена по карте, но в реальности менялась из-за сильно пересеченного рельефа. Справа ее ограничивала речка с высокими обрывистыми берегами, крутизна которых в отдельных местах достигала восьми метров. Слева — предгорье, плавно переходящее в горы.

Дивизионная разведка должна была работать вдоль реки в готовности перехватывать людей, которые попытаются переправиться через нее в направлении предполагаемого района боевых действий, а с выходом к населенному пункту Ниджраб организовать наблюдение за юго-восточной окраиной кишлака.

Разведрота 345-го опдп с приданным отделением саперов должна была провести разведку горного перевала, обследовать дорогу, занять господствующую высоту и вести наблюдение за местностью и тропами, ведущими к перевалу. После прохождения всей колонны обеспечивать ее тыловое прикрытие.

Разведгруппа 350-го гв. пдп должна была выйти к району боевых действий, занять господствующую высоту и вести наблюдение за населенным пунктом, окрестностями и дорогами, ведущими к кишлаку.

Рано утром у разведчиков все было готово. Но получилась небольшая заминка. Буквально перед тем как прозвучала команда: «По машинам!», обнаружилась техническая неисправность в одной из «БМД» дивизионной разведгруппы ст. лейтенанта Богатикова, на устранение которой требовалось не менее часа. Я принял решение: разведгруппе остаться на базе, устранить неисправность и на следующий день вместе с тыловой колонной прибыть в район боевых

действий. Одновременно обеспечить прикрытие техники с запасами материальных средств и личного состава при выдвижении в район действий главных сил.

После этого разведка прошла зеленую зону, мост через реку, а затем каждое подразделение начало уходить на свой маршрут. Через определенное время по радиосвязи командиры разведчиков доложили обстановку в районах разведки.

Разведрота 345-го опдп обнаружила пятерых вооруженных людей, которые двигались к перевалу, находившемуся от разведчиков примерно в четырех километрах. Командир разведроты 345-го опдп направил одну группу в тыл духов, чтобы не дать им возможности уйти обратно в горы. Вышедшая благодаря полученной информации на маршрут моджахедов дивизионная разведка заняла выгодную позицию. Ничего не подозревающие духи продолжали свой путь к перевалу и нарвались на огонь разведчиков. Ответить они практически не успели. Над небольшой цепочкой духов разведчики увидели взметнувшийся огромный столб дыма, а через несколько секунд услышали грохот взрыва. При подведении итогов дня мы предположили, что пуля попала в противотанковую мину, которую нес кто-то из душманов, и она взорвалась. В живых остался только один, но нам он рассказать ничего не мог и, по-видимому, на всю оставшуюся жизнь лишился рассудка.

Разведрота 345-го опдп обеспечила проход колонны группировки наших войск и продолжала выполнять задачу по ее тыловому прикрытию. Дивизионная разведка после засады продолжила работу и через некоторое время задержала двух человек, шедших из Баграма в Ниджраб и пытавшихся переправиться на противоположный берег. Ближе к полудню разведгруппа 350-го полка доложила о выходе

на высоты в указанном ей районе и приступила к наблюдению за кишлаком и прилегающей к нему местностью.

После обеда в этот район вышла вся группировка на бронетехнике. Все подразделения расположились на указанных им местах, организовали боевое охранение и патрулирование. В центре был развернут командный пункт. Недалеко от него располагались огневые позиции артиллерии, готовой немедленно выполнить любую огневую задачу, в том числе световое обеспечение боевых действий ночью. К исходу дня подошли афганские подразделения. Все было готово к выполнению задачи следующего дня.

Сам населенный пункт находился в широкой, около пяти километров, зеленой долине, разделенной на две части небольшой рекой. В десяти километрах севернее можно было видеть небольшие кишлаки с садами и виноградниками. Далее начинались высокие скалистые горы, поросшие редким кустарником. На юге — полупесчаная равнина, изрезанная оврагами.

В кишлаке, в котором завтра предстояло проводить операцию, текла мирная жизнь, не было заметно никаких особых приготовлений. Кишлак не бомбили с воздуха и не обстреливали артиллерией. Работали дуканы, люди ходили в мечеть. Работала школа, что было удивительно, так как большинство школ в Афганистане было разрушено.

С наступлением темноты командир дивизии собрал офицеров и кратко уточнил порядок выполнения задачи. Стало ясно, что из местных жителей в органы власти никого не назначат, а привезут руководителей из другого района через два-три дня. Наша задача — с помощью афганских солдат оказать новому руководству содействие в развертывании работы и установлении народной власти. Вот так решались

многие политические и государственные вопросы на местах, да и в целом по всей стране. Правительство Афганистана, вероятно, знало, но не считало нужным реагировать на то, что местные жители чужаков не воспринимают, а реальная власть в кишлаках принадлежит старейшинам и владельцам земли, которые, как правило, стояли во главе оппозиции и командовали местными бандами. Установленная таким образом власть на местах держалась, пока поблизости находились советские войска.

Последующие события показали, что среди новопеченных руководителей и их помощников почти что не было настоящих патриотов. По крайней мере, после завершения этой операции по установлению народной власти все новые руководители Ниджраба бежали вслед за нашей колонной до самого Кабула или Баграма.

Я получил задачу проводить ночные действия разведывательных подразделений. В разведку выделялись две разведгруппы, по одной от каждой роты и по одной резервной группе для решения непредвиденных задач. Короткий инструктаж, проверка связи, и группы растворились в темноте. На западной и восточной окраинах Ниджраба были организованы засады. Тем не менее в районах разведки обстановка была спокойной. К рассвету обе группы вернулись на базу.

Ближе к обеду следующего дня командир дивизии поручил мне встретить четырех прилетающих вертолетом активистов, которые будут работать с нами ночью в качестве проводников. Они родом из этих мест, хорошо знают местность, дороги и расположение школы. Комдив приказал никому афганцев не показывать, разместить их в палатке. Один из активистов хорошо владеет русским, поэтому разговаривать в их присутствии надо осторожно. С ними будет офи-

цер разведотдела армии, который подробно проинформирует меня о замысле предстоящей работы.

Активистов разместили в отдельной палатке, напоили чаем. Разведывательная информация была следующего характера. Вечером в школе соберутся члены исламского комитета, около 15 человек. У многих из них имеется оружие. Для обеспечения безопасности членов комитета выделяется три-пять вооруженных охранников из местной самообороны. Таким образом, всего там будет находиться около 20 человек.

Для проведения операции было выделено две разведроты — дивизионная и разведгруппа 350-го гв. пдп. Командирам рот была поставлена боевая задача. На подготовку к ночным действиям ушел остаток светлого времени. За кишлаком и прилегающим к школе районом организовано наблюдение. С высоты местность хорошо просматривалась.

Определили маршрут движения по предгорью. В это время ко мне подошел командир взвода радиотехнической разведки ст. лейтенант С.Коробицын и доложил, что на частоте связи группы старшего лейтенанта Богатикова прослушал сообщение: на идущую в район группировки тыловую колонну совершенно нападение, и разведгруппа ведет бой с мятежниками. Я немедленно доложил командиру дивизии.

В район боя срочно на двух вертолетах вылетел резерв разведки, и уже через несколько минут по нападавшим был нанесен удар «нурсами». Разведчики через вертолетные блистеры вели огонь по пытавшимся укрыться в виноградниках душманам. По духам также вели огонь находившиеся в охранении колонны боевые машины разведгруппы. Вертолеты совершили несколько заходов на кишлак и зеленую зону. Мне с высоты было видно, что группа Богатикова вышла из зоны обстрела, построилась в колонну и

пошла за тыловой колонной. Над ней барражировали вертолеты до тех пор, пока она не вышла на открытую местность.

О результатах нанесения огневого удара я после приземления доложил генералу Рябченко. Командир дивизии поинтересовался, когда, по моим расчетам, тыловая колонна подойдет в район расположения группировки. Он также настоятельно порекомендовал соблюдать все меры безопасности во время ночных действий.

С наступлением темноты три группы разведчиков, соблюдая режим радиомолчания, начали выдвигаться в направлении школы. Одну из групп возглавил я. Проводники действительно хорошо знали местность и быстро вывели разведчиков в район засады. Мы заняли свои места и приготовились к проведению операции. Почти вся ночь прошла в томительном ожидании. К школе никто не подходил, и, как стало казаться разведчикам, засада будет безрезультатной. И вдруг в предутренней тишине отчетливо слышался шум приближающихся шагов. Судя по звукам, шли несколько человек. Трое с оружием вплотную подошли к месту засады. Но направлялись они не к школе, а в горы. Бывший с нами подполковник из разведотдела армии прошептал мне: «Давай шлепнем этих и будем уходить. Но одного надо взять живым. Кажется, что-то у исламистов не заладилось». Предложение мне понравилось, и мы быстренько все обстряпали. Полковые разведчики двумя выстрелами срезали двоих, а третьего, что и требовалось, повязали. К утру группы вместе с пленным вернулись в район расположения.

Короткий допрос пленного прояснил причину безрезультатного ночного ожидания разведчиков. Оказывается, члены исламского комитета провели-таки собрание, но в соседнем кишлаке. Очередной сбой в

информации о месте проведения встречи исламистов.

Прилетели вертолеты, и офицер-разведчик с активистами и пленным улетели в Кабул.

После разборки с пленным ст. лейтенант Богатиков доложил мне подробности вчерашнего боя своей группы, шедшей на трех боевых машинах за колонной тыловых подразделений, обеспечивая ее прикрытие. Колонна состояла в основном из автомашин, загруженных продовольствием и частично боеприпасами. Один из «КамАЗов» вез посылки, переданные из Ферганы для офицеров 345-го полка. Колонна спокойно прошла мост и начала втягиваться в один из кишлаков. Настораживало, что на центральной площади не было ни души, запропалились куда-то даже вездесущие собаки, обычно с громким лаем преследовавшие все машины.

Примета не подвела: на выезде из кишлака десантников ожидала духовская засада. Вторым выстрелом из гранатомета была разбита гусеничная лента боевой машины, шедшей впереди колонны. С расстояния в несколько десятков метров начался шквальный огонь по колесным машинам. Со стороны разрушенной школы по колонне вели огонь гранатометчики и группа их прикрытия. Водители колесных машин и разведчики приняли бой. Машины, оказавшиеся в голове и центре колонны, не могли маневрировать на узкой улице кишлака. Загорелся «КамАЗ» с посылками. Сопровождавшие колонну боевые машины тоже оказались беспомощными, зажатые в узкой улочке, как пробка в бутылке, они только и могли, что вести огонь с места. Командиры практически не имели возможности управлять огнем, указывать конкретные цели, так как ничего не видели. Над колонной нависла реальная угроза полного уничтожения.

Как всегда в таком бою, обстановка менялась мгновенно. Боевым машинам разведгруппы удалось прорваться на перекресток, откуда можно было вести огонь во всех направлениях. Что и стали делать три «БМД», стреляя уже по конкретным целям — заставшим в развалинах школы и в кустарнике душманам. Вскоре почти все огневые точки духов заткнулись. Только со стороны школы продолжался интенсивный огонь. Школу окружал хоть и побитый, но надежный бетонный забор полутораметровой высоты, за которым смогли укрыться люди и несколько машин. Из-за забора наши вели интенсивную стрельбу, отвлекая на себя внимание духов, что дало возможность одной из «БМД» подойти к школе с тыла и внезапно ударить по душманской засаде. Несколько духов были сразу же уничтожены, остальные, бросив оружие и погибших, как тараканы, разбежались по кишлаку.

Бой стих так же внезапно, как и начался. И тут в одной из боевых машин ее командир, оторвавшись от прицела, вдруг обнаружил рядом с собой на месте пулеметчика начальника автомобильной службы дивизии подполковника Шебеко Н.А. Ехал он на одном из «КамАЗов», и как он оказался в БМД, до сих пор остается загадкой. Он и сам этого объяснить не может. Скорее всего, в лихорадке боя заскочил в боевую машину через кормовой люк, каким-то образом протиснулся мимо конвейера с выстрелами на место пулеметчика к правому курсовому пулемету, а был он весьма плотного телосложения, и стал яростно строчить из него по ближайшим кустам. То есть такая машина пробралась там, где и худому-то не прорваться, — прямо в Книгу рекордов Гиннеса. После этих событий подполковник Шебеко стал лучшим другом второго разведывательного взвода и всегда оказы-

вал техническую помощь не только взводу, но и роте в целом.

Сгоревший «КамАЗ» взяли на буксир и под прикрытием эвакуировали обратно в Баграм, а на боевой машине заменили гусеничные траки и продолжили движение. Разведчики, выйдя из кишлака, пристроились в хвост колонны и стали на ходу огнем боевых машин обрабатывать виноградники. Именно в это время я и был над ними в вертолете. Так разведчики выручили наших тыловиков.

А ведь то, что мои разведчики оказались именно там и именно в это время, — дело случая. Когда группировка выходила в Ниджраб, как я уже рассказывал, у одной из «БМД» обнаружилась неисправность, и я отдал распоряжение остаться трем машинам в расположении, отремонтироваться и догонять нас вместе с тыловой колонной. И не будь этой поломки, не иди моя разведгруппа с колонной, вряд ли бы все так счастливо кончилось. И потери, слава богу, один сгоревший «КамАЗ». Увы, именно тот самый, с посылками. А так — ни убитых, ни серьезно раненных.

Разведчики еще долго обсуждали свои действия в кишлаке, спорили. Это их первый бой в населенном пункте, поэтому было о чем и поговорить, и поспорить. Каждый предлагал свои варианты действий и отстаивал свой маневр. Такое горячее обсуждение радовало меня. Каждому командиру нужны инициативные, самостоятельные и энергичные офицеры, а не тупо выполняющие приказы подчиненные.

Вечером командир дивизии провел совещание, на котором уточнил боевую задачу на следующий день: одним парашютно-десантным батальоном выше в горах блокировать небольшой кишлак — пять отдельно стоящих домов в 2 км от Ниджраба. В кишлаке предстояло провести проверку мужчин, подозрительных задерживать, при оказании сопротивления немед-

ленно применять оружие на поражение. Следовало также проверить дома на предмет наличия оружия и боеприпасов.

Разведподразделения должны были выйти в район выполнения боевой задачи до рассвета, занять господствующие над кишлаком высоты и вести наблюдение за тропами в сторону кишлака и от него, а также за кишлаком, где будут проводить проверку афганские солдаты. Дивизионной разведке была поставлена задача — организовать засаду на горной тропе в двух километрах от блокируемого кишлака. Из агентурных данных стало известно, что из кишлака, примерно в 10 км от Ниджраба в сторону долины выдвигаются группы духов, а вечером снова возвращаются в кишлак, точнее, в дома пастухов, которыми те пользуются, когда пасут свои отары на горных пастбищах. Такая миграция, собственно, была обычным явлением, особенно при проведении нами операций. Небольшие группы мужчин, вооруженные и безоружные, уходили в горы, чтобы отсидеться до лучших времен. В основном все они шли в сторону высокогорного кишлака пастухов. На топографических картах он был обозначен как загон для скота.

Задолго до рассвета, обходя кишлак, разведчики вышли в районы ведения разведки. На одной из высот разведчики 350-го гв. пдп обнаружили свежие, заранее подготовленные окопы и заняли их, немного дооборудовав. Дивизионная разведка вышла к тропе, выбрала выгодную позицию и организовала засаду. Кишлак просматривался как на ладони, но долина была еще затянута утренней дымкой. Через некоторое время к кишлаку подошла большая группа афганских солдат, а парашютно-десантный батальон 345-го опдп на широком фронте занял высоты.

Спустя какое-то время из кишлака послышались крики, народ вдруг засуетился... Позже выяснилось,

что афганские солдаты вместо того чтобы заняться тем, что предполагалось, начали требовать жратву, а наиболее предприимчивые, не дожидаясь, пока им накроют поляну, начали набивать сумки едой и тем, что попадалось под руку. Естественно, жители кишлака радоваться такому обхождению земляков не могли.

Ближе к полудню разведчики 350-го гв. пдп заметили небольшую группу вооруженных людей, которые двигались в сторону позиций дивизионной разведгруппы, но не по горной тропе, а несколько выше. Передали информацию дивизионной разведке, те быстро сменили позицию и стали ждать. Через какое-то время послышалась сильная, но кратковременная стрельба. Бой, если это можно назвать боем, длился всего пару минут. Духов подпустили метров на 30 и расстреляли. Пятерых положили на месте, а двоих взяли в плен. Пленные утверждали, что они из группы самообороны кишлака Ниджраб. Говорили, что хотели уйти в горы, так как испугались прибывших войск. Уходили не по собственному усмотрению, а по указанию председателя исламского комитета. Многие мужчины ушли в горы задолго до прихода войск. В Чарикарской зоне самые молодые из них занимались разбоем и грабежами на дорогах. Пленные также показали, что иностранных инструкторов в Ниджрабе еще нет. Их отправили по назначению — в разведотдел армии.

По соседству с десантниками в зеленой зоне проводили операцию мотострелки, поэтому появление групп духов можно было ожидать в любое время и с любого направления. Но остаток дня прошел спокойно. К вечеру афганских солдат вывели из кишлаков в долину. Десантники остались на своих позициях до утра.

Командир дивизии принял решение поздно вечером нанести по высокогорному пастушьему «кишлаку» удар реактивной артиллерией. Команда последовала глубокой ночью. Грохот, хлопки и характерный вой. Густая темень озарилась огненными шлейфами реактивных снарядов, устремившихся высоко в горы с огромной скоростью. Через несколько секунд на вершинах гор заплясал фейерверк разрывов. Впечатляющее зрелище. Не зря душманы очень боялись ударов наследниц легендарных «катюш». Результаты удара проверить не удалось — цель высоко в горах и рисковать людьми, направляя туда разведывательные группы только для того, чтобы лицезреть последствия удара, не имело абсолютно никакого смысла.

Ночью на позицию десантников в горах наткнулась шедшая из заблокированного кишлака вооруженная группа афганцев. Группу засекли вовремя. Завязалась то затихающая, то снова возобновляющаяся перестрелка. По радио на командный пункт доложили, что большая группа духов выходила в темноте из кишлака, в котором накануне работали афганцы и, как всегда, никого там не обнаружили. Возможно, даже чайку с ними попили.

Мне пришлось выехать на командный пункт командира батальона и на месте уточнить обстановку. В этом ночном бою был ранен наш сержант, командир отделения. Душманы потеряли семь человек убитыми. Я вывез раненого в лагерь, а рано утром его вертолетом отправили в медсанбат.

На рассвете афганских солдат снова заставили идти на проверку кишлака. Ближе к полудню в лагерь прибыла колонна из двух автобусов и трех грузовиков. На них приехали активисты, коммунисты, всего около 80 человек. С ними были и наши представители из аппарата политического советника. Они-то нам и объяснили, что проводят эксперимент по утвер-

ждению власти, которая будет представлять законное правительство. То есть привезли к нам очередную новую местную власть.

Политическим советником в начале восьмидесятых годов в провинции Парван (административный центр г. Чарикар) был Н.И. Кудрявцев. Он работал в тесном взаимодействии с командованием 345-го опдп и всегда свои действия старался увязать с планами десантников. Постоянно делился информацией об обстановке в провинции. Вот и на этот раз, пользуясь случаем, решил установить в Ниджрабе народную власть.

Среди прибывших будущих чиновников местных жителей почти не было. Само собой, такая власть не могла быть эффективной и долгой.

Разумеется, далеко не все зависело от советского политического советника. Просто ему подвернулся случай, который нужно было использовать. По крайней мере, попытка не пытка, а вдруг получится. Тем более что в районе операцию проводили не афганские войска, а десантники. Особенностью «внедренных» чиновников местного ранга было то, что особого желания пребывать вдали от центральной власти у них никогда не было, даже тогда, когда они усиленно вроде бы охранялись афганскими солдатами. Представители такой местной власти всегда, раньше или позже, находили уважительную причину для того, чтобы сбежать поближе к центру. Интересное явление — как только сбежал один, сразу же, словно по команде, срывались и все остальные. Только их и видели!

Поэтому, насколько могу судить, местному населению было по барабану, кто там представляет какую-то власть, есть она или нет. А поскольку настоящей, государственной, власти нет, то этот вакуум заполнялся, как правило, муллой или главарем какой-ни-

будь банды. Такая картина наблюдалась во всех провинциях на протяжении всего периода, по крайней мере, моего, пребывания в Афганистане.

Но это — общие наблюдения. Пока же старший сотрудник аппарата политического советника доложил генералу Рябченко о цели, с которой прибыло новое местное чиновничество. И сейчас они планировали провести в кишлаке митинг, чтобы рассказать местным жителям о цели своего визита в кишлак, делая упор на разъяснение политики правительства ДРА. Представитель политического советника попросил, дабы все знали о том, что будет митинг, чтобы афганские солдаты оповестили жителей кишлака, а место для проведения митинга — площадь перед мечетью. Также представитель попросил выделить в его распоряжение звуковещательную станцию из отдела спецпропаганды 40-й армии¹.

Через некоторое время звуковещательная станция стала призывать местных жителей прийти на митинг. Естественно, вещание велось на фарси. Призывы разносились по всей долине, а афганские солдаты пинками сгоняли жителей к мечети. Перед ней собралось около двухсот мужчин зрелого возраста, старики и, куда же без них, любопытные дети. Чуть позже подошли трое старейшин и мулла — люди преклонного возраста. На этом митинге каждый из вновь прибывших представлялся будущим своим подопечным. Каждый выходил перед народом и что-то кратко рассказывал о себе. Чиновники всю старались объяснить необходимость установления своей, народной, власти и ее значимость в жизни афганского народа.

¹ Спецпропаганда — ведение идеологической работы среди войск и населения противника в боевых условиях. Такое управление существовало в рамках Главного политического управления СА и ВМФ вплоть до 1992 г.

Это продолжалось около часа. В конце концов из толпы раздалось узбекское «хоп майли» («ну, ладно, все хорошо»), и жители стали расходиться. Но перед этим прозвучал еще один вопрос: «Раз власть наша, зачем здесь шурави?» И тут уж каждый начинал бормотать что-то, с его точки зрения, убедительное, но на самом деле несусветную чушь.

Приезжих чиновников разместили в школе и в пустовавшем доме. Для охраны и обеспечения безопасности выделили группу афганских солдат. Сотрудники из аппарата политического советника отдыхали на базе нашей группировки, а днем работали со своими подшефными.

Новая власть активно работала целых два дня. По информации командира афганского подразделения, на прием в новую администрацию даже пришло несколько человек, которые пытались решать свои житейские проблемы. Остальные присматривались к работе новой власти.

Обострения обстановки в эти дни не отмечалось. В будущем в том районе еще много раз будут проводиться операции по уничтожению местных и пришедших на отдых банд. Само собой, духи всячески противились установлению народной власти. Убивали активистов, запугивали местных жителей, жгли административные здания. В основном они предпочитали действовать в темное время, как и все, кто не дружен с законом и властью.

Как-то ночью банда обстреляла из гранатометов и стрелкового оружия административное здание одного из уездов. Дом весь был в дырах от гранатометных выстрелов. Выбиты рамы. Вмяты дверные проемы... Активисты нападение отбили, убив при этом одного из нападавших.

Утром приехавший на командный пункт группировки Кудрявцев рассказал, что произошло ночью и

как он планирует со своими партийцами разобраться с обидчиками. А в этом районе как раз проходила плановая боевая операция, руководителем которой был полковник, начальник штаба дивизии Петряков.

По мнению партийного советника, нападение — дело рук банды из соседнего кишлака, которая отрабатывает арабские деньги. Арабских наемников и их денег к началу восьмидесятых в Чарикарской долине было больше чем достаточно. Кудрявцев очень просил выделить ему одно подразделение десантников, которое огнем поддержит боевые действия активистов. На карте он показал кишлак, в котором после ночных действий банда располагалась на отдых. И подтвердил: разведданные точные.

От командного пункта до кишлака было около десяти километров. Для поддержки Кудрявцева выделили две разведгруппы дивизионной роты и взвод «САУ-85 мм». Начало действий спланировали после обеда. Назначили место встречи десантников и активистов. В указанное время колонна десантников подошла к условному месту. Активистов забрали на броню. Используя их как проводников, вышли в указанный район. Окружили дома, в которых, как предполагалось, находились духи, и активисты приступили к проверке этих домов.

Вдруг из одного дома застрочил автомат. Активисты попадали за укрытия. Самоходные орудия открыли по стреляющему дому огонь. После третьего выстрела он загорелся. Из него выскочили два человека и бросились в ближайшие кусты, где находилось отделение разведчиков с боевой машиной. Их скрутили и, как и положено, передали активистам. Те начали допрос с пристрастием. Для нас, славян, это даже не допрос, а коллекция пыток. Дикость! Как мне кажется, душманы рассказали даже больше, чем знали.

В другом доме задержали еще одного духа. От мучительных издевательств его спасли разведчики, отбив у забивавших его ногами и прикладами активистов.

Спустя какое-то время подъехал Кудрявцев. Активисты, толкая в спину донельзя избитых пленных, подвели их к своему шефу и стали рассказывать, как они захватили и обезоружили мятежников. Разведчики в их хвастливый доклад не вмешивались. Потом советник попросил десантников передать активистам захваченное у духов оружие под его расписку.

Вот так, совместными усилиями, мы и устанавливали народную власть на местах.

В районе Ниджраба в это время заканчивался девятый день операции. Парашютно-десантным батальонам передали распоряжение, чтобы к исходу дня они оставили свои позиции в горах и возвратились в район командного пункта группировки.

Вечером генерал Рябченко поставил задачу быть в готовности к движению на авиабазу в Баграм. Боевое обеспечение колонны возлагается на разведчиков, а проверка безопасности маршрута — на саперов. На ночь выставить боевое охранение и организовать патрулирование внутри лагеря. Свободные от боевого дежурства должны отдыхать, особенно механики-водители боевых машин и водители колесной техники.

После совещания командир дивизии пригласил к себе сотрудников аппарата политического советника и во время беседы задал им вопрос, как они организовали работу на месте и собираются ли и дальше работать в кишлаке. Чиновники аппарата советника тут же определились: они уйдут вместе с нами, а их подопечные пусть остаются и работают самостоятельно. Их должны охранять подразделения афганской армии.

Рано утром следующего дня десантники и часть афганских солдат с мерами охранения и разведки начали движение в направлении Баграма. На авиабазу прибыли без приключений, стали рассредоточиваться в районе аэродрома, выставлять охранение. Вдруг по лагерю пронеслась команда: «Охранению приготовиться к бою!» К боевому охранению двинулись разведгруппы. К городку пылили несколько машин.

Тревога и суэта оказались ложными. Просто оставленные в своих новых креслах представители новой власти, узнав, что шурави ушли, бросили все и помчались вслед за колонной. Вернуть их обратно не помогли ни уговоры, ни угрозы.

Когда я смотрел на этих поборников социалистических порядков в афганских кишлаках, часто вспоминались наши кинофильмы и прочитанные книги о революции. Из них я знал, что иногда даже один коммунист, может быть с несколькими активистами, дай бог, с одним наганом отстаивали в деревне власть Советов. Не щадили себя. Ценой жизни добивались исполнения законов и указов Советской власти. Их убивали, запугивали, но они не сдавались и — победили. А здесь сотня человек с автоматами просто ждут, что авторитет и власть им на блюдечке преподнесет кто-то, скорее всего шурави.

Вот так прибывшей в наш лагерь небольшой запыленной автоколонной представителей внедренной нами местной новой народной власти и закончилась очередная операция по утверждению этой самой власти на местах. Потом подобных операций будет еще много.

Итог — убито 23 духа, изъято большое количество оружия и боеприпасов, взято в плен 5 человек, реквизировано два душманских склада с продовольствием.

С нашей стороны — в ночном бою ранен один сержант.

ОХОТА ЗА КАРАВАНАМИ

Исходя из опыта зимней кампании по борьбе с малочисленными караванами, весной 1980 года было принято решение использовать не только небольшие мобильные группы на вертолетах, которые также решали задачи минирования с воздуха троп и ущелий для перехвата караванов, но и применять как самостоятельные тактические единицы парашютно-десантные, мотострелковые и спецназовские подразделения. Они были хорошо укомплектованы всем необходимым для ведения продолжительных боевых действий в отрыве от основных сил в условиях горно-пустынной местности.

Генеральным штабом было принято решение о дополнительной подготовке этих подразделений, которая предусматривала совершенствование тактики уничтожения небольших банд, хорошо охраняемых складов и баз, а также борьбы с караванами и диверсионными группами на иранской и пакистанской границах. Для выполнения таких задач в 103-й дивизии были назначены три батальона, по одному от каждого парашютно-десантного полка.

В конце августа в дивизию прибыла группа офицеров Главного разведывательного управления Генерального штаба. Целый месяц они проводили занятия с батальонами по программам подготовки подразделений специального назначения, по изучению и оценке местности, определению вероятных маршрутов движения караванов, выбору места для организации засад, действия по уничтожению бандгрупп и караванов. Много внимания уделялось минно-взрывному делу, тактико-специальной подготовке и способам выживания.

Как правило, оружие бандформированиям поступало через приграничные провинции с территории

Пакистана, Ирана и в меньшей мере из Китая. Значившиеся на карте более двух десятков афганских пограничных батальонов, которые, как предполагалось, держат границу, по сути оставались только тактическими знаками. Они не задержали ни одного вооруженного нарушителя, сидели за высокими заборами, охраняя самих себя, а позднее вообще исчезли.

Наши воинские части задач по закрытию афганской границы не имели, и в этом была, на мой взгляд, серьезная ошибка, которая была одной из причин затяжной войны. А для закрытия границы требовалось увеличить группировку советских войск. Мотоманевренные группы Пограничных войск КГБ СССР по прямому назначению не применяли, а использовали как обычные мотострелковые подразделения, и то только на севере Афганистана, куда доберется не каждый караван. Поэтому душманы давно определились с путями, маршрутами и способами относительно безопасной доставки всего необходимого для ведения боевых действий. Иногда оружие доставлялось в тюках с товарами народного потребления. Караваны обычно шли ночью — несколько джипов или выючных животных с вооруженным сопровождением. В светлое время эти небольшие караваны маскировались в зеленке, в заранее подготовленных местах или в населенных пунктах, контролируемых мятежниками.

На обширной территории страны за всеми передвижениями караванов проследить было трудно. Обычно за несколько дней до выхода каравана душманы под видом кочевников, беженцев или торговцев уточняли проходимость рек, ущелий и дорог, проверяли маршруты и наличие на них советских и афганских войск. Для определения мест возможных засад и установки минных полей привлекались местные жители, кото-

рые прогоняли по указанным местам скот. Разведкой маршрутов занимались также водители машин, мотоциклов и кочевники.

Чтобы перебрасывать оружие и боеприпасы, духи использовали более сотни маршрутов на различных направлениях, основными из которых были кунарское, газнийское, кандагарское, гильмендское, фархское и гератское. Командование 40-й армии понимало, что, не перекрыв их, нельзя будет закончить войну и наладить мирную жизнь. Однако эффективных и надежных мер почему-то никто не принимал.

В 1980—1981 гг. с караванами пытались бороться постоянно различными способами. Однако борьба была неэффективной из-за недостоверной агентурной информации, длительного согласования принимаемых шагов с различными инстанциями, из-за всевозможных докладов и утверждений решений, ожидания приказов и увлечения армейского руководства проведением крупномасштабных армейских операций с предварительной подготовкой огромного количества войск. То есть военачальники считали, что только в таких операциях можно было проявить свой полководческий талант и доложить об этом в Москву. Иначе чем можно было оправдать генеральские звезды? Как правило, результаты широкомасштабных операций не впечатляли ни количеством уничтоженных мятежников, ни числом трофейного оружия. А караваны между тем шли и шли. По идее преграждать им путь должен был командир роты или батальона, а здесь полководческой мудрости не проявишь.

Тем не менее опыт борьбы с караванами небольшими группами понемногу накапливался. Предполагаемый район проведения засад на возможном пути каравана составлял по фронту 5—10 километров. В этой полосе организовывались засады от трех до

пяти групп. Выделялась еще и резервная группа. Фланги позиций минировались на случай обнаружения места засады и пресечения попытки обойти ее.

Завершался курс обучения противокараванных подразделений практическим экзаменом. В состав приемной комиссии был включен и я как начальник разведки дивизии. Экзамен проводился в течение трех суток, днем и ночью. Комиссия сделала вывод, что подразделения обучены действиям в полевых условиях, а офицеры приобрели навыки в организации засад и управлении подразделениями при ведении боевых действий в отрыве от главных сил. Тем более что во время «экзамена» произошел реальный захват небольшого каравана с оружием и боеприпасами.

А произошло все следующим образом. Подходил к концу второй день инспектирования батальона. Офицеры из состава комиссии внимательно, а иногда и с пристрастием осматривали позиции отделений. Большое внимание уделялось маскировке, особенно на открытой местности, где практически никакой растительности. Естественно, на такой местности замаскироваться непросто. Особенно, когда речь о боевых машинах. Одновременно офицеры путем опроса солдат и сержантов проверяли их теоретическую подготовку. В основном солдаты четко представляли, что требуется от каждого из них при действиях в засаде.

Месяц усиленной подготовки днем и ночью пошел на пользу. Солдаты и офицеры многому научились. Командиры взводов докладывали организацию управления в бою, особенно организацию связи, порядок взаимодействия с соседними группами и внутри взвода, и то, как спланировано всестороннее обеспечение боя. По различным вводным действовали четко и уверенно. О таких в армейской среде говорили — будут из них толковые командиры.

До командиров взводов доводилась боевая задача и район организации засады. Порядок выдвижения, выбор места засады и вся остальная работа по подготовке к захвату каравана целиком была их творческой инициативой. Конечно, по ходу действий, если это было необходимо для пользы дела, старшими начальниками вносились кое-какие уточнения и изменения.

Все вопросы отрабатывались по-боевому, со штатными боеприпасами для всего оружия. Оно применялось на заключительном этапе при отработке вопросов по уничтожению охраны каравана. Для этого на местности создавалась приближенная к реальной обстановка с обозначенным противником, требующая от командира умения распределить цели, в том числе и боевым машинам, если они по этой учебно-боевой задаче привлекались к действиям в засаде.

В ходе проверки командир роты, занимавшийся подготовкой очередного взвода к ночным действиям, доложил, что на удалении примерно двух километров он наблюдает небольшой караван, идущий по сухому руслу ручья. В составе каравана девять навьюченных лошадей и семь мужчин. Оружие не просматривается. Решение созрело моментально: группой руководства с охраной на двух автомобилях немедленно перехватить караван. Вынудить его остановиться предупредительным огнем и сдаться. В случае сопротивления открыть огонь на поражение.

Уже через несколько минут машины пошли по склонам холмов в сторону каравана. Задачу командиру роты уточнили на ходу: продолжать вести наблюдение за караваном и быть в готовности одним отделением перекрыть вероятный маршрут его отхода. Отделение усилить расчетом «АГС-17». Выполнение поставленной задачи командиром роты ослож-

нялось тем, что у него не было боевых машин и для перекрытия пути отхода каравана отделение должно было выдвигаться в пешем порядке. Нельзя было терять ни минуты, так как караван мог легко затеряться в сопках, высота некоторых из них достигала 800 м над уровнем моря.

Караван начал менять направление движения, но из поля зрения не исчезал, и через несколько минут группа на автомобилях подъехала к месту засады и заняла выгодную позицию. Вскоре где-то на удалении 800 метров показался караван, который шел прямо на засаду десантников. Когда до него осталось метров сто, группа открыла предупредительный огонь. Караван остановился, и только один из караванщиков сорвал вьюк с лошади, вскочил на нее и поскакал прочь. Но перед ним взметнулись фонтанчики пулеметной очереди, выпущенной отделением, перекрывшим путь отхода. Испугавшаяся лошадь рванулась в сторону и сбросила всадника, но тот быстро вскочил на ноги и попытался все же убежать в сопки. Убедившись в тщетности попытки, выхватил нож и приготовился защищаться. Но не тут-то было. Караванщика схватили, слегка надавали под бока, чтобы не размахивал ножом перед носом десантников, и привели назад, к каравану. Рядом с навьюченными животными стояли бородатые мужики и исподлобья, враждебно посматривали на шурави.

Офицеры Главного разведывательного управления приступили к допросу задержанных, а десантники начали досмотр содержимого вьюков. К большой нашей радости, в них обнаружили 11 противотанковых мин советского производства и 7 автоматов «АК-47» с боеприпасами. Остальные мешки были нагружены чаем и ширпотребовской мелочовкой.

После серьезной психологической обработки пытавшийся сбежать душман начал давать показания.

Он оказался старшим каравана, остальные — наемные работники. Однако, судя по их поведению, этим людям нигде было ставить пробу, и они не впервой выполняли подобную работу. Конечно же, не бесплатно. Оружие душман вез по указанию хозяина в один из кишлаков на окраине Герата. Формировался караван на границе с Пакистаном в провинции Пактия. В пути уже почти неделю. Позднее он назвал еще двоих своих подельников из состава каравана. Задержанных душманов и трофеи доставили на военную базу в Шиндант. Позднее в названном кишлаке на окраине Герата была проведена результативная операция. Было захвачено большое количество оружия, боеприпасов и немало бандитских подельников.

Прошедшие спецподготовку три батальона были переодеты в форму мотострелков и переброшены самолетами в наиболее опасные бандитские районы Афганистана. Некоторое время эти тактические группы интенсивно работали по перехвату караванов. Они самостоятельно, пешком или на транспорте, ночью выходили в предполагаемый район движения каравана. Перекрывали вероятные пути, тропы и направления их движения. Организовывали засады и, пока не кончался запас воды, ожидали выхода на них бандитских групп.

Зачастую в засады попадались мирные караваны, перевозящие товары народного потребления, продукты питания, высококачественный чай и ширпотреб. Таких караванов было подавляющее большинство. После их досмотра мятежники долго не появлялись в этих районах, а переброска оружия и боеприпасов на какое-то время прекращалась. Именно на какое-то время. Стало совершенно ясно, что везде, в том числе и в мирных караванах, были духовские разведчики, моментально передававшие бандитам информацию о местонахождении советских подразделений.

Приходилось очень часто менять места засад, но особого эффекта эти действия не приносили. Государственная граница вокруг Афганистана была полностью открыта, и только ленивый не мог ее пересечь.

Для доставки тактических групп к местам засад стали широко применяться вертолеты, как правило, для быстрой реализации данных агентурной или воздушной разведки. В подобных случаях результаты были более высокими. Полностью срабатывал эффект внезапности.

Конечно, тактические группы не смогли в корне изменить ситуацию по перекрытию каналов поступления оружия в глубь страны. Огромную резкопересеченную территорию контролировать очень трудно, в принципе невозможно. Тем не менее действия таких групп срывали, или по крайней мере затрудняли, поставки оружия бандам, а иногда оружие вообще не доходило до адресата. В последующем для перехвата и проверки караванов тактические группы стали применяться все реже и реже, так как душманы перешли от массовых поставок оружия к переброске его мелкими партиями по различным направлениям и одиночными машинами. Постоянно меняли тактику действий, а наши штабисты мыслили глобально и по-прежнему планировали широкоохватные армейские операции.

Должен сказать: душманы всегда передавали достоверную информацию и делали это очень оперативно. Были у них надежные источники и в правительстве Афганистана, в Министерстве обороны, во всех воинских частях и в районах дислокации советских частей и подразделений. Судя по всему, эта хорошо развитая агентурная сеть была создана не без помощи иностранных спецслужб и находилась под их руководством и постоянным контролем. Командова-

нием Ограниченного контингента советских войск принимались меры по противодействию работе иностранных спецслужб. Были значительно расширены полномочия и штаты военной контрразведки. В каждом мотострелковом, танковом и парашютно-десантном батальоне работал представитель особого отдела. Расширялась и наша агентурная сеть. Во всех государственных структурах были наши люди, вербовались члены банд, местные жители и не знавшие границ кочевники, свободно передвигавшиеся по Пакистану и Ирану.

Проводились также многочисленные мероприятия по дезинформации противника и введению его в заблуждение. При планировании совместных с афганскими войсками операций их представители не посвящались в планы предстоящих боевых действий. Если же при постановке боевых задач все же присутствовали высокие афганские чины, то при них отработывались все вопросы в ложном районе, а после завершения совместной работы отдельно доводились реальные задачи до советских частей и подразделений.

Действительная боевая задача афганцам уточнялась только на местности, уже при подходе к району боевых действий. О планах действия наших противокараванных групп афганцы информации практически не имели.

Действия наших «караванщиков» были высокопрофессиональными. Операции проводились практически без потерь. И за это они должны быть благодарны офицерам Главного разведывательного управления, вложившим много труда в подготовку десантников. Офицеры из состава батальонных тактических групп были обучены организации засад в составе подразделения, могли при необходимости самостоятельно решать задачи по перехвату караванов в пустынях,

горах и зеленых зонах, вести боевые действия в любых условиях. Да и в дальнейшем приобретенный опыт помогал им грамотно организовывать боевые действия на любой местности днем и ночью. Постепенно эти батальоны стали использоваться командованием 40-й армии и пехотными командирами для проведения операций по блокированию и прочесыванию населенных пунктов, для сопровождения колонн, рейдовых действий и вообще стали как бы палочкой-выручалочкой в трудных ситуациях. И десантники, могу это отметить не без гордости за свои родные войска, никогда не подводили.

Жаль, что в нашей нынешней Российской армии нет таких организационно-штатных структур и таких хорошо, всесторонне подготовленных батальонов. После завершения афганской войны прошло более двадцати лет, и почему-то забыт приобретенный кровью наших солдат боевой опыт. В батальонах современной Российской армии, воюющей в Чечне, не было и нет до сих пор штатных подразделений всестороннего обеспечения боя. Батальоны не самостоятельны в своих действиях и привязаны к полковому тылу. В Чечне все еще воюют сводные, временно созданные и собранные с миру по нитке батальоны и полки. О каком боевом слаживании и всесторонней подготовке может идти речь? А ведь батальон в любом виде боя — основная тактическая единица, тот фундамент, на котором строится здание.

Правда, сейчас вроде бы идет речь о формировании на постоянной основе мотострелковой дивизии в Чечне, которая будет укомплектована только военнослужащими по контракту. Дай бог ей толковых и мудрых командиров, а также добросовестных солдат, которые смогут коренным образом изменить обстановку к лучшему.

Хотя, честно говоря, какой патриотизм и воинская доблесть может быть у контрактника, читай, наемника. Я вполне понимаю прежние лозунги: «За веру, царя и Отечество!», «За Родину, за Сталина!», понимаю даже, когда идут в бой во имя Аллаха... Но вот, убей меня бог, не пойму, как можно идти в бой с лозунгом «Ура! За деньги!».

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ ДУШМАНОВ

Анализируя характер боевых действий с моджахедами за весенне-летний период 1980 года, могу с уверенностью сказать, что душманы постоянно изучали наши войска, вскрывали слабые места в организации боевых действий и не без иностранной помощи быстро меняли тактику борьбы с нами — гяурами. Громоздкие формирования духов трансформировались в меньшие по количественному составу, но мобильные, постоянно меняющие местонахождение. Несмотря на такую организацию, они тем не менее оставались под единым централизованным руководством. У мелких групп повысилась живучесть. Им стало легче совершать маневр и уходить из-под наших ударов, в том числе в промежутки между подразделениями при блокировании. Стало легче выживать и в кишлаках, выдавая себя за местных жителей. Крупные бандитские группировки сохранились на северо-востоке у Ахмад Шах Масуда, Панджшерского льва, и в южных провинциях Афганистана. Ахмад Шах уверенно контролировал свою зону. Хотя главный город Панджшерского ущелья и долины Чарикар Ахмад Шахом не контролировался. Подчиненные ему банды были не раз биты частями 40-й армии и десанниками. Однако за 10 лет он ни разу не потерпел полного поражения ни от наших, ни от правительственных

войск ДРА. Отмечу также, что его отряды избегали появляться в зоне ответственности 345-го опдп, а если и появлялась необходимость, то надолго не задерживались.

Изменили духи и тактику минно-диверсионных действий на путях движения воинских колонн. Они довольно точно определяли предполагаемые районы их остановок и заранее минировали эти места. Мины ставились не только на дорогах и обочинах, но и недалеко от кюветов. Мины и фугасы также устанавливались в местах сужения дорог, на поворотах, спусках и подъемах, на серпантинах, на мостах, в тоннелях и на галереях. То есть там, где по той или иной причине колонна замедляла ход или вытягивалась в ниточку. Мины устанавливались по обе стороны дороги на случай маневра машин при обстреле или нападении из засады.

Способы и техника минирования были разнообразными. На дорогах с твердым покрытием мины устанавливались на съездах и обочинах, под асфальтом и бетоном, путем подкопа под них сбоку или на разрушенных участках шоссе. В качестве фугасов нередко использовались артиллерийские снаряды и авиабомбы. Фугасы направленного взрыва для поражения людей и уничтожения автотранспорта часто мастерились из снарядных гильз, которые кроме взрывчатки начинялись кусками металла, гвоздями, болтами и т.п. Применялись и небольшие фугасы, направленные бензином, соляркой или керосином. Их взрывная мощность повышалась от селитры, часто на основе сельхозудобрений. Такие фугасы должны были, по замыслу духов, причинять не столько физический, сколько моральный ущерб.

Лето 1980 года прошло относительно спокойно. Все мы продолжали внутри себя верить и надеяться, что нашу дивизию выведут в Витебск в связи с подго-

товкой к Олимпийским играм в Москве. Однако наши боссы решили по-своему. Нас не вывели, а в непонятной войне было объявлено перемирие. Наши и афганские войска прекратили активные действия. Не проводились и крупномасштабные боевые операции. Весь июль и август наши войска оставались в своих городках, изредка принимая участие в мелких стычках с духами. Однако разведчики продолжали активную работу, поскольку все прекрасно понимали, что затишье это временное. И вряд ли надолго.

Из поступавшей информации явствовало, что душманы за время подаренной им передышки отдохнули, без всяких помех пополнили запасы продуктов, оружия, боеприпасов и материальных средств. Короче, добротнo подготовились к грядущим боевым действиям.

Духи сделали правильные выводы из опыта ведения боевых действий в зимне-весенний период. Как я уже отмечал выше, для них стало совершенно ясно, что многочисленные банды или мятежные воинские части скованы в маневре, их быстро блокируют и уничтожают советские войска. На основе этих выводов моджахедаы коренным образом изменили тактику действий. Основой их противодействия шурави стали обстрелы военных городков и населенных пунктов, налеты на посты и мелкие гарнизоны, устройство засад, минирование, в том числе с широким использованием мин-ловушек и других хитрых приспособлений, проведение диверсий на народно-хозяйственных объектах, террористические акты против представителей местных органов власти, уничтожение колонн и срыв перевозок различных грузов на всех дорогах страны. Нападения и обстрелы на сторожевые посты и заставы имели своей целью не столько уничтожение наших солдат, сколько постоянное удержание наших войск в напряженном состоянии, лише-

ние их маневра. При этом противник максимально избегал своих потерь. Все это перечисленное для них было как бы руководством к действию, но в реальной жизни не всегда имело успех.

За постами, заставами, охранением, маршрутами движения советских и афганских войск велось круглосуточное наблюдение. Любой пацан, бача, или древний старец, торговец или попрошайка — любой мог быть, а зачастую и был, глазами и ушами духов. Изучали духи и наших командиров. Прекрасно знали их слабые места и пунктики, на которых зацикливаются некоторые начальники, вроде пресловутого швейковского генерала, у которого основным пунктиком был порядок в туалете. Перед налетом на советские подразделения или колонны духи все тщательно планировали, скрупулезно проводили разведку, обращая особое внимание на промахи и просчеты наших командиров. Полученная информация использовалась для нанесения максимальных потерь и безнаказанного отхода. Иногда наша колонна велась духами чуть ли не через весь Афганистан, и в момент проявления расхлябанности или ослабления бдительности колонна начинала гореть, внезапно обстрелянная из всех видов оружия и с неизвестного, по крайней мере в первые мгновения, направления.

Шаблона в действиях моджахедов не было. В разных районах Афганистана они действовали по-разному, то нападая на одиночные машины, а то захватывая целые районы в глубинке. Действовали по-партизански — в основном ночью или когда погода не позволяла применять авиацию.

Духи оперативно оповещались о любом передвижении наших войск, что позволяло при блокировании душманских баз и районов сосредоточения банд своевременно выводить свои главные силы из-под

ударов, прикрывая отход небольшими группами от-
лично подготовленных боевиков, имитировавших ак-
тивные боевые действия большой банды.

В случае если душманы попадали в окружение и
были блокированы и не уничтожены советскими вой-
сками, они под прикрытием небольших групп быстро
сосредотачивались в одном месте и оказывали ожес-
точенное сопротивление на узком участке или рубе-
же. Удерживали его до наступления темноты, выясня-
ли все слабые места у наших войск, затем, хорошо
зная местность, просачивались мелкими группами че-
рез фланги, промежутки и разрывы в боевых порядках
наших подразделений и уходили от возмездия безна-
казанно. Для этих целей широко использовались кя-
ризы, арыки, горные тропы и расщелины.

Нередко, получив информацию о возможном бло-
кировании района, духи даже не уходили из него, а
только прятали оружие, превращаясь в местных жи-
телей, и с интересом наблюдали, как складывается
обстановка, чтобы действовать в соответствии с ней.

За лето, то есть когда мы по воле начальников
«помирились», духи оборудовали в горах прекрасно
подготовленные в инженерном отношении, готовые
к упорной долгосрочной обороне базовые районы со
складами вооружения, боеприпасов, продовольст-
вия, питьевой воды и других материальных средств.
Районы были изрыты подземными ходами сообще-
ний, траншеями и окопами. Как правило, оборона
организовывалась в 2—3 яруса, с распределением
огневых средств по высотам. Тяжелое вооружение и
наиболее подготовленные боевики занимали 2-й и
3-й ярусы. Там же оборудовались и огневые позиции
снайперов. Самые неопытные бойцы, своего рода
готовое к переработке пушечное мясо, в случае на-
падения должны были, не жалея патронов, вести не-
прицельный, но массированный огонь с первого яру-

са. Вот по ним-то и должны были начинать работать все наши огневые средства. А в это время опытные боевики со 2-го и 3-го ярусов, находясь вне зоны обстрела, прицельно выбивали наших. Благодаря такому распределению ролей среди наших бойцов родился миф о неисчислимом количестве снайперов в бандах. Как только огонь нашей артиллерии, боевых машин и стрелкового оружия распределялся по ярусам и одновременно велся по высотам, снайпера сразу же исчезали, то есть противодействия они избегали.

При нападении на колонну духи сначала дробили ее на части, как правило, поджигая первую и последнюю машины или подрывая под ними управляемые фугасы, лишая колонну маневра, особенно в узких местах или на горной дороге, а затем планомерно уничтожали машину за машиной. «РПГ» работали по бронетехнике сопровождения. С особым удовольствием духи поджигали наливники, потому что когда горит цистерна с соляжкой — эффект зловещий и психологически весьма впечатляющий. К сожалению, иногда им это удавалось.

Хорошо натасканные иностранными инструкторами, в том числе в лагерях на территории Пакистана, диверсионные группы духов начали осуществлять террористические акты во всех административных центрах страны. Органы безопасности Афганистана тоже не сидели сложа руки, постоянно вели с ними борьбу и достигали, не без нашей помощи, определенных успехов. Так, например, в 1981 году в Кабуле было арестовано более 400 членов террористической организации «Центральная зона». В ней, как оказалось, состояло более 120 афганских военнослужащих — от рядовых до полковников, а также сотрудники службы безопасности, милиции, суда, прокуратуры, преподаватели и студенты...

Командование 40-й армии также постоянно стремилось адаптировать свои действия к меняющейся тактике душманов. Неоценимую помощь в этом оказывала оперативная разведывательная информация, которая своевременно доводилась до всех войск. С целью обучения новым методам ведения борьбы с духами до командиров своевременно доводилось изменение в тактике душманов, постоянно проводились различные сборы и показательные занятия. Командование и армейские разведорганы широко использовали меры введения противника в заблуждение. Осуществлялись ложные действия и проводились отвлекающие операции. Со всеми, офицерами и солдатами, велась постоянная работа, им буквально вдалбливали основной постулат любой войны — успешно воевать и выжить можно, только строго соблюдая дисциплину. Нет малозначимых, второстепенных операций, включая те, что проводятся в тылу своих войск. На войне принципы типа «авось пронесет», «если будет нападение, то не на нас, т.к. местность не позволяет сделать это внезапно» и т.д. равносильны приговору в лучшем случае самому себе. Как правило, никогда не проносило. Духи четко использовали любую нашу оплошность или разгильдяйство. Ведь, например, большинство наших оказавшихся в плену солдат были захвачены не в бою. Тот мотнулся в дукхан на одиночной машине, другой решил слетать за сигаретами или местной самогонкой, третий соблазнился посулами какого-то афганца продать ему за бесценок тряпку и т.д. В результате не возвращались они в свои подразделения. Многих находили мертвыми. Такие случаи были и у танкистов, и у связистов, и у десантников, и у всех прочих. Процент бестолковости советских солдат во всех родах и видах войск был одинаковый.

Уж чего-чего, а разгильдяйства духи не прощали. У неопытных или чрезмерно расслабившихся командиров нередко бывали ничем не оправданные жертвы, да и сами они становились легкой добычей снайперов. Бывало, уже после проведенной операции, во время отдыха подразделения попадали под обстрел или подвергались нападению.

Так, например, летом 1980 года разведывательный батальон мотострелковой дивизии 40-й армии на боевых машинах пехоты совершал марш из района боевых действий и остановился на привал в ущелье. Никаких внешних признаков нахождения в этом районе бандитских групп обнаружено не было. Вокруг тишь да гладь. Божья благодать! А раз так, то командир решил боевое охранение не выставлять, да и наблюдатели, решил, видимо, он, в такой благодати тоже вовсе ни к чему. Бойцы, обрадовавшись протекавшей рядышком небольшой речушке, начали в ней плескаться, кто-то ковырялся с машинами, кто-то куховарил... Духи, уже давно наблюдавшие за этой небольшой колонной, сначала порадовались такому беспечному отдыху шурави, а потом подумали: возможно, это один из элементов тактики. Еще какое-то время понаблюдали и беспрепятственно, незаметно окружили батальон и начали, как в тире, выбирать мишени... За несколько минут погибло около сорока человек, еще больше было ранено. Остались целыми и невредимыми те, кто оказался внутри боевых машин или недалеко от них и сумел забиться между гусениц БМП. Ответный огонь был открыт нескоро и потому оказался малоэффективен. Отстрелявшись, душманы спокойненько исчезли из района с минимальными потерями. Преследование командир организовать не смог. Впоследствии он был осужден военным трибуналом. Но погибших не вернуть...

СВОЕВРЕМЕННО НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

Сведения, полученные в последние летние дни от людей секретаря Дахисабзского райкома, подтвердили сообщение разведчиков о том, что в кишлаке Тарахейль, практически это окраина Кабула, в один из домов периодически приходят вооруженные люди. Они, как правило, после полудня осторожно пробиваются по оврагам к дому с зеленой калиткой. Выяснили, что в нем живет председатель исламского комитета другого кишлака, Катахейль — это где-то километрах в пятнадцати-двадцати от Кабула. Такая новость, честно сказать, меня огорчила по той простой причине, что офицеры разведки дивизии, которые должны были отслеживать обстановку по всей зоне ответственности соединения, проморгали появление банды прямо у себя под носом. Слава богу, не успела она еще проявить себя диверсиями и террористическими актами.

Надо было осиное гнездо разорить. Разведчики разработали план операции и доложили его руководству дивизии. План с небольшими доработками был одобрен, и начальник штаба полковник Петряков, как всегда, дал ценнейшее указание: чтобы без потерь с нашей стороны. Чем, разумеется, очень помог в подготовке операции. Ее решили проводить двумя разведротами — дивизионной и 350-го гв. пдп. Для решения каких-либо осложнений и внезапно возникающих задач выделялся парашютно-десантный батальон 350-го гв. пдп. Но главная задача разведчиков — уничтожение банды без лишнего шума. Все-таки пригород Кабула.

Перед началом операции провели воздушную разведку всего района предстоящих действий. Чтобы не привлекать особого внимания к полетам вертолетов, совершавших вылеты с разведывательными целями,

уходили они вроде бы по обычному маршруту Кабул — Баграм и обратно. Однако этот маршрут для них был чуть-чуть скорректирован в сторону интересовавшего нас Тарахейля. Более пристальное наблюдение велось за кишлаком и с близлежащей высоты, где располагались позиции боевого охранения десантников. У подножия этой высоты, на дороге был давно уже оборудованный стационарный пост царандоя. Афганцы вели проверку проходивших машин и их пассажиров. На этом же посту службу несли женщины царандоя. Они, как правило, проверяли афганских женщин, если те вызывали у них подозрение. Десантники при необходимости могли оказать посту огневую поддержку.

К проведению операции решили приобщить активистов, но в планы не посвящать, а поставить перед фактом, когда прибудем в нужное место. И пусть работают. С присущей им злостью.

Вечером уже в который раз уточнили задачи группам, маршруты, кому какие дома блокировать. В три часа ночи в условленное место прибыло около полусотни активистов. Переводчик распределил их в разведывательные группы. Кое-кто из наших афганских помощников мог объясняться на довольно сносном русском языке. Колонна боевых машин с десантом на броне на повышенной скорости вышла в район проведения операции. Не снижая скорости, каждая разведгруппа выходила к своим объектам. Намеченные дома были блокированы за считанные минуты. К дому, где жил руководитель исламского комитета, метров на сто подошла «САУ-85» (взвод самоходных орудий участвовал в операции) и прямой наводкой всадила снаряд в калитку в дувале. Снаряд разворотил не только калитку, но и ворота и часть дувала. Выстрел самоходки служил сигналом начала операции.

В образовавшийся в дувале проем ворвались активисты. Через десять минут послышалась стрельба, шум, крики на афганском языке, женский плач. Это активисты выводили из домов задержанных мужчин, а женщины, как могли, препятствовали этому. Командир разведывательной роты 350-го полка доложил по радио, что приступил к уничтожению группы вооруженных людей, убегających из кишлака по оврагу. Были слышны автоматные очереди и разрывы гранат. И вдруг все духи пропали... Как сквозь землю провалились. Оказалось, что почти так. Вскоре обнаружили то, о чем не было известно при планировании операции. Под кишлаком тек подземный ручей. Над ним были вырыты колодцы. А поскольку про колодцы никто не знал, то и мер по их блокированию не приняли. А душманы попытались уйти от десантников под землей. И, как оказалось, многим из них это удалось, несмотря на то, что мы забрасывали колодцы ручными гранатами.

Активные действия закончились часа через два, и по установленному сигналу активисты начали приводить на командный пункт пленных. За ними на приличном расстоянии шли женщины. Подвели итоги: у нас потерь нет, спасибо ценному указанию начштаба дивизии. Три духа убиты, одиннадцать задержаны. Среди задержанных выделялся державшийся спокойно и независимо пожилой мужчина. Выяснилось, что это и есть избранный жителями соседнего кишлака председатель исламского комитета. По образованию педагог, учитель местной школы и одновременно бандитский главарь. Как-то не удосужился поинтересоваться, а что для него на первом месте — учить детей или убивать?

Председателя забрали с собой активисты в комитет партии для проведения расследования. Остальных задержанных передали в ХАД (комитет безопас-

ности). Четыре трофейных автомата и три винтовки мы отдали активистам. Они на следующее утро проинформировали нас, что банда состояла из 27 человек, живших в этом и ближайших кишлаках. В одном из колодцев были найдены два раненых бандита. Утром того же дня при проведении повторного осмотра домов активистами был обнаружен душман, попытавшийся отстреливаться. В перестрелке его тяжело ранили, реквизировали отличный чехословацкий карабин, у которого на ремне была надпись «Смерть шурави!». Этот карабин активисты подарили мне, а я, в свою очередь, передал приехавшему в командировку московскому полковнику, еще раньше мы с ним служили в Фергане.

Операция многому научила нас, разведчиков. Весь процесс подготовки к ней, все положительное и все недочеты офицеры разбирали до самой мельчайшей детали. Особенно тщательно — прокол с колодцами. Сделав соответствующие выводы, подготовили рекомендации войскам, по каким признакам находить колодцы и подземные ходы, как их блокировать и как уничтожить противника. Впоследствии в ходе подготовки к операциям обязательно обращалось особое внимание на этот нюанс.

Небольшие перерывы между боевыми действиями использовались для отдыха личного состава и приведения вооружения и техники в порядок. Только у разведчиков такая роскошь появлялась нечасто. Как-то в ноябре 1980 года из штаба 40-й армии поступило распоряжение срочно реализовать разведданные, полученные от одного из местных жителей. Случай оказался довольно интересным. Один бандит был страшно обижен на своего главаря за то, что, как ему показалось, за самоотверженную службу заплатили очень мало, и решил отомстить. Чтобы покарать их за жадность, дух выдал место и время предстоя-

щего совещания бандитских вожakov. От нас недалеко, километрах в пятнадцати от Кабула. Проведение операции поручили разведчикам. Провели ритуальные воздушную и наземную разведку района предстоящих действий. Во время воздушной разведки на борту вертолета находился «товарищ», который показал дом, в котором намечалось провести сходку. Он стоял на окраине кишлака, на берегу пересохшей речушки. С воздуха разведчики определили подход к дому, который показался им довольно удобным...

Операцию решили начинать по темноте, в пять часов утра.

Дислокация по плану была такая: разведрота 350-го полка¹ выходит на окраину кишлака и перекрывает душманам отход в направлении виноградики. В случае попытки местной банды оказать помощь главарям уничтожить ее и по возможности захватить пленного.

Дивизионная разведрота² должна была не допустить ухода главарей в сторону оврага, а также корректировать огонь вертолетов. Авианаводчик находился при командире роты. По его заявке в шесть часов утра планировалось нанести удар парой боевых вертолетов «Ми-24» по дому, где находились главари местных банд.

Рано утром следующего дня колонна боевых машин вышла в район высадки разведчиков. Спешивание было проведено на ходу. Личный состав со всеми мерами предосторожности направился в сторону объекта захвата. Боевые машины продолжали движение дальше, вроде бы совсем не к тому кишлаку. Но где-то километра через два колонна разверну-

¹ Командир роты старший лейтенант Марченко В.Г.

² Командир роты старший лейтенант Ленцов А.И.

лась и на скорости пошла в обход кишлака. Проскочила зеленую зону и по грунтовой дороге двинулась к кишлаку. Вдруг саперам что-то почудилось. Остановили колонну. Проверили подозрительный участок дороги и нашли то, что искали, — противотанковую мину советского производства. Обезвредили ее. Дальнейшее движение колонны немного замедлилось, поскольку пришлось проверять все подозрительные участки. Однако мин больше не было. Примерно через час бронегруппа вышла на указанный рубеж. Подходило время вызова вертолетов.

Вдруг со стороны нужного кишлака послышалась интенсивная автоматная стрельба и разрывы гранат из подствольников. Я запросил обстановку. Оказалось, у главарей что-то там не заладилось и решили они с рассветом разойтись. Почему-то не стали дожидаться, когда по ним шарахнут вертолеты. Может быть, предчувствие, а может, информация... К моменту расползания хурала разведчики еще не успели выйти на свои позиции. И пришлось им сначала открыть стрельбу без подготовки и лишь затем вызвать боевые вертолеты. Через несколько минут «крокодилы» начали обрабатывать «нурсами» виноградник, в котором спрятались духи.

Бронегруппа на скорости прошла кишлак и вышла к сухому руслу реки. В нужном доме хозяйничали разведчики 350-го гв. пдп. Они задержали двух главарей, вооруженных пистолетами. Активисты, а они выполняли еще и роль проводников, стали допрашивать хозяина и двоих задержанных. Гестаповцы были восхищены тем, как они это делали... Пришлось вмешаться разведчикам, иначе задержанные могли превратиться в окровавленные отбивные. И вряд ли они могли бы сообщить хоть какую-то информацию для разведотдела армии. К слову будет сказано, мы часто выручали пленных духов от зверских издева-

тельств со стороны активистов, чтобы те были в состоянии давать необходимую информацию. После подобных пыток многие вообще не доживали до времени проведения допросов.

Через некоторое время к дому подошли разведчики дивизионной роты и принесли три трофейных автомата, взятые у убитых главарей. О результатах проведенной операции доложили в штаб дивизии, оттуда — в штаб армии. Там выразили свое недовольство малым количеством пленных и убитых. В прилетевшие вертолеты загрузили активистов и двух захваченных главарей местных банд. Разведчики, осуществив посадку на боевые машины, тронулись в путь к своему городку.

Операции по борьбе с душманскими бандами, проводимые нашими войсками, при верной информации, как правило, были результативны. Но духи — не тараканы и просто так уничтожать себя не позволяли. А значит, теряли мы наших людей. Поэтому командование 40-й армии принимало все меры, чтобы сберечь жизни наших военнослужащих, постоянно и настойчиво предлагая Министерству обороны ДРА организовывать самостоятельные боевые действия по очистке провинций от душманов. Порой такие операции проводились афганскими войсками без нашего участия. Руководство осуществлялось оперативной группой главного военного советника при министре обороны Афганистана. Однако афганские операции скорее напоминали учения. Реального результата не имели. Причины на поверхности: в первую очередь — явное нежелание солдат воевать со своими земляками, защищая непонятно какую и часто меняющуюся, но всегда состоящую из богачей власть. Отсюда и дезертирство, и низкий боевой потенциал войск. Массовое дезертирство и массовое же уклонение от насильственной мобилизации в пра-

вительственную армию было причиной страшного некомплекта в афганских строевых подразделениях — хорошо если в роте насчитывалось два-три десятка рядовых...

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАДАЧИ СОВМЕСТНО

В июле 1981 года по согласованию со штабом 40-й армии и.о. главного военного советника генерал-лейтенант Шкидченко П.И. пригласил группу офицеров-десантников, в которую входил я, зам. начальника оперативного отдела Соколов. Старшим был начальник штаба дивизии полковник Петряков. И.о. принял нас очень тепло. Сначала, как всегда, разговор за жизнь. Выяснилось, что офицерскую службу он начинал в десантных войсках и дослужился до командира батальона. Шкидченко кратко проинформировал о том, как складывается обстановка в зоне проведения предстоящей операции. В конце встречи и.о. передал начальнику штаба дивизии боевое распоряжение.

До меня, как начальника разведки, Шкидченко в подробностях довел последнюю разведсводку о наличии банд и характере их действий. Убедившись, что все правильно поняли замысел предстоящих действий, он на прощание добавил, мол, точную дату ее начала он согласует с командующим 40-й армией и сообщит нам лично, прибыв в штаб воздушно-десантной дивизии.

Для участия в совместной операции, той, о которой в свое время мы говорили со Шкидченко, от нашей дивизии были выделены: парашютно-десантный батальон 350-го парашютно-десантного полка, гаубичный дивизион артиллерийского полка, самоходная батарея «САУ-85», инженерно-саперный взвод и

по одной разведывательной группе от полковой и дивизионной разведывательных рот. Старшим оперативной группы от дивизии был назначен полковник Петряков. На подготовку к боевым действиям подразделениям отводилось двое суток.

К исходу вторых суток генерал-лейтенант Шкидченко прибыл в штаб дивизии и довел до офицеров уточненные данные по обстановке в районе боевых действий. С рассветом войска с мерами предосторожности и охранения начали выдвижение в указанный район. На дороге Кабул — Баграм к десантникам присоединилась колонна афганских подразделений на машинах. Наши впечатления: цыганский табор, но в военной форме. К обеду группировка прибыла к населенному пункту Мирбачакот. Артиллерия заняла огневые позиции, развернулись командные пункты, и офицеры приступили к уточнению боевых задач на местности. Я, как начальник разведки, со своими подчиненными ушел к начальнику милиции Мирбачакота для получения разведданных. Афганские подразделения под прикрытием десантников начали проверку ближайших кишлаков, в которых, как обычно, подозрительных не обнаружили. Вечером генерал-лейтенант подвел итоги первого дня работы. Немного пожурил афганских офицеров за нерасторопность. Резко критиковать их не стал, так как те, что было вполне вероятно, могли обидеться и вообще перестать выполнять поставленную задачу. Все получили уточненный план на завтра.

Ночь прошла спокойно, если не считать стрельбы в боевом охранении при задержании неизвестного, искавшего советских офицеров. Неизвестный оказался местным милиционером, тайком от своих сослуживцев пробиравшимся к нам. Он знал меня по Кабулу, работал в тесном контакте с Залмаем, руководителем райкома, и часто передавал интересную

информацию. Увидев меня, он по-настоящему обрадовался и с ходу выдал всю информацию по интересующей нас банде, чем очень помог в подготовке к завтрашней работе.

Сообщенные им сведениягодились нам и в последующих действиях. На основе полученной от милиционера информации мы внесли изменения в боевые задачи подразделений, которые на рассвете вышли в исходные районы для выполнения задачи второго дня. По имевшимся данным, основные позиции банды находились на одном из склонов господствующей в предгорье высоты. Координаты мы знали отлично.

Самому боеспособному, на наш взгляд, афганскому подразделению «командос» была поставлена задача — скрытно занять одну из высот, вести наблюдение за другими высотами, на которых, как мы предполагали, окопались духи. Остальные афганские подразделения должны были прочесать ущелье и проверить два дома, которые были там.

Командос не удалось незаметно подойти к определенной им высоте. Началась перестрелка. Командир роты командос погиб. Его подчиненные, оставшись без погонялы-командира, решили: да на хрена нам это все нужно, и быстренько скатились назад, в долину. Бегущих союзников видел командир нашей десантной роты и доложил об этом на командный пункт. Генерал Шкидченко вызвал афганского комбата и приказал ему личным примером остановить бегущую роту и исправить положение. В это время десантники завязали огневой бой с душманами. Однако при стрельбе в горах легкое стрелковое оружие на большие дальности малоэффективно, и большого урона им нанесено не было, а сблизаться с ними при наличии у нас артиллерии смысла не имело. По душманам, укрывшимся за камнями, ударил артиллерий-

ский дивизион. Затем начали работать по этому району боевые вертолеты. И снова удар нашей и подключившейся афганской артиллерии.

Афганские артиллеристы стреляли не то что плохо, а очень плохо: перелеты, недолеты и в цель попадали только очень редкие снаряды. Скорее всего афганцы просто не хотели стрелять метко. А позднее мы, не раз участвуя в совместных операциях, убедились: подготовка специалистов в афганской армии никудышная. Занятую духами высоту два часа обрабатывала артиллерия и вертолеты. После этой мощной артподготовки афганские командос под прикрытием десантников приступили к повторному штурму высоты. Заняли они ее без потерь. На месте нашли 78 трупов душманов. Собрали большое количество оружия и боеприпасов.

Это была самая эффективная и результативная операция за два года службы в Афганистане в качестве начальника разведки 103-й дивизии.

Банда, хозяйничавшая в уезде Мирбачакот и на дороге Кабул — Чарикар, понесла огромные потери, были убиты почти все ее главари, что подтвердилось агентурными данными.

Появилась информация, что часть бандитов, не успевших уйти в горы, прячется в кишлаке, надеясь ночью ускользнуть из окружения. Командованием нашей группы было принято решение провести демонстрационный выход наших войск из предгорья в долину якобы на ночной отдых. Одну парашютно-десантную роту было решено скрытно оставить в горах и с наступлением темноты выдвинуть на окраину кишлака, где организовать засаду, перекрыв выход в горное ущелье. За домами было установлено наблюдение с использованием приборов ночного видения. Ночью из одного дома вышла женщина, начала оглядываться, нет ли кого-нибудь на улице и на окраине

кишлака. Затем вернулась в дом, из которого тут же вышла большая группа вооруженных людей. Быстрым шагом, пригнувшись, они очень тихо направились в сторону ущелья, прямо на засаду. Огонь по ним был открыт метров с сорока. Девять духов убиты, но кое-кто успел скрыться в винограднике. У нас потерь не было.

Командир роты доложил по радио о результатах ночного боя. Я прибыл в район засады и лично убедился в ее результативности. Трофейное оружие загрузили в бронетранспортер, а трупы оставили на месте для захоронения местными жителями. Позднее в этот район подошли боевые машины роты, и десантники убыли на отдых, а я еще долго разбирал результаты боя с командиром роты.

Всю ночь артиллерия вела беспокоящий огонь одиночными выстрелами по высотам, где днем были замечены душманы.

С утра продолжилось выполнение задачи третьего дня операции. Оперативная группа переместилась на южную окраину г. Чарикар и развернула свой командный пункт около рабочего поселка Гульбахор. Рядом была трикотажная фабрика, построенная западными немцами и оборудованная по последнему слову техники. Все взрослое население поселка и ближайших кишлаков работало там. Несмотря на то что фабрикой официально руководил директор, реальным ее хозяином был секретарь парткома. Охранники всегда досматривали машину директора на выезде из фабрики, а секретарь был неприкасаем. Он в свое время закончил институт в Душанбе, сносно говорил по-русски, был не дурак выпить. Хорошо знал обстановку в этом районе, о чем информировал нас правдиво и своевременно. Чувствовалась его искренняя заинтересованность в наведении порядка во всех населенных пунктах, он был совсем не против

проведения зачисток, а тем более присутствия советских войск. Секретарь парткома охотно сотрудничал с военными и всячески пытался их руками расправиться со своими недругами, которых у него было предостаточно.

В одну из ночей на здание парткома было совершено нападение. Завязалась перестрелка, в небо взлетела зеленая ракета — сигнал, что активистам нужна помощь. Я с разведгруппой дивизионной роты на боевых машинах помчался к обстреливаемому зданию. Пришлось вступить в скоротечный бой. Разведчики 350-го полка поддерживали обороняющихся огнем из боевых машин по ближайшим садам. В ходе этого боя было убито трое духов, их автоматы активисты разобрали на запчасти и попрятали в карманы. Для чего так поступать с оружием, спросил я. Будем делать бизнес, ответили они. И еще надежнее стали прятать части от оружия.

На следующий день секретарь парткома в знак благодарности за оказанную помощь организовал группе офицеров экскурсию по фабрике и праздничный обед.

На последнем этапе операции был задействован парашютно-десантный батальон майора Алиева А.М. из 345-го отдельного парашютно-десантного полка, дислоцировавшегося в Баграме. Действиями двух батальонов десантников и афганскими подразделениями был блокирован большой участок зеленой зоны. По нему протекала небольшая, но бурная речушка с каменистыми берегами, сильно затруднявшая действия войск. Однако несмотря на сильно пересеченную местность удалось уничтожить пять боевиков. Двоих лично срезал из пулемета Алиев. На этом десятидневная операция закончилась. Закончилась успешно, без потерь у десантников. Больше трех месяцев в этом районе было тихо и спокойно.

Духам стало ясно, что наши войска научились воевать как в горах, так и в зеленой зоне.

Генерал Шкидченко поблагодарил десантников за умелые действия по уничтожению банд мятежников и пожелал счастливого пути на возвращение в свой базовый лагерь.

К сожалению, в конце 1981 года генерал Шкидченко погиб при исполнении служебных обязанностей в провинции Пактия на перевале Кокерак в 10 километрах севернее г. Хост. Об обстоятельствах гибели Шкидченко мне рассказал подполковник Денис П.В., военный советник по политической части при заместителе командира 666-го отдельного полка командос. Потом этот рассказ дополнялся многими людьми. Но суть была та же.

Полк и приданные ему подразделения дислоцировались на окраине города Хост — административного центра провинции Пактия. Генерал Шкидченко П.И. по плану главного военного советника осуществлял обычную инспекционную поездку по дивизиям и полкам афганской армии. По идее он должен был рутинно проверить укомплектованность личным составом, условия жизни и быта афганских военнослужащих, дать оценку боевой готовности частей, в общем, оценить их способность выполнять боевые задачи по борьбе с бандформированиями. Честно говоря, такие якобы инспекционные поездки были чистой воды формальностью. Нашим советникам было прекрасно известно, насколько низка боевая готовность и укомплектованность афганской армии. И если афганские подразделения все же принимали участие в операциях против духов, то это заслуга наших военных советников, которые настойчиво «предлагали» их командирам все-таки проявлять решительность в руководстве подчиненными, а также своевременно и точно выполнять поставленные боевые задачи. По-

стоянно находясь в аморфной, но взрывоопасной среде афганской армии, военные советники рисковали жизнью. И не только при проведении боевых операций, но и в повседневной, казалось бы, мирной жизни в «союзных» военных городках.

666-й полк и соответственно его военные советники часто участвовали в боях с бандами. Проводились полком и специальные крупномасштабные операции по блокированию больших районов и по вылавливанию мужчин, что называлось мобилизацией в правительственную армию. Просто так мобилизоваться никто не желал, и основная масса «призывников» предпочитала прятаться в горах. Их искали, нередко находили, сажали в грузовики и под охраной отправляли в какую-нибудь удаленную провинцию, где они и ставились под ружье.

В день гибели Шкидченко подполковник Денис как раз находился в полку, в его штабе. Ближе к полудню он услышал где-то вдалеке гул, похожий на взрыв фугаса. Однако никакого значения этому не придал. Мало ли что, в этом районе очень часто работала наша авиация, которая бомбила места предполагаемого расположения бандгрупп. Поэтому на подобные шумовые эффекты никто уже давно не обращал внимания.

Примерно в это же время в полк позвонил оперативный дежурный штаба главного военного советника. Он поинтересовался, прибыл ли в полк генерал Шкидченко. Естественно, ему ответили, что его в полку нет. На этом телефонный разговор и закончился.

И тогда у подполковника Дениса что-то сработало. Возможно, та же приобретенная опытом интуиция — не дай бог, произошла трагедия. Он тут же отдал командиру полка указание отправить усиленное подразделение к перевалу, откуда и слышался звук взрыва. Если в том районе был сбит вертолет с

генералом на борту, то необходимо быстро найти место падения, в любом случае опередить душманов, блокировать район падения, найти сбитую машину, оказать медицинскую помощь оставшимся в живых и эвакуировать пострадавших в расположение полка.

Отдав распоряжения, Денис вышел из штаба и тут же увидел, как из-за ближайшей горы поднимался столб дыма. В этом же районе барражировал вертолет, командир которого рапортовал на авиабазу Кабула о том, что его напарник сбит. Увы, худшие предположения Дениса подтвердились.

Через некоторое время в небе появилась группа вертолетов. Это к месту катастрофы перебросили парашютно-десантную роту. Десантники десантировались из зависших вертолетов и заняли господствующие над перевалом высоты. Некоторые высоты заняли подразделения полка «командос».

Поиском сбитого вертолета занимались не только мы и наши союзники. Очень заинтересованы в том, чтобы забрать документы и обшарить карманы летевших в вертолете, были и духи. Они тоже устремились к месту падения сбитой машины. Завязался бой.

Денис, используя афганских связистов, по радиостанции быстро организовал взаимодействие между десантниками и союзными афганцами и в продолжение всего боя контролировал обеспечение устойчивой связи между ними. Вскрытые огневые точки духов подавлялись ударами вертолетов и огнем десантников, полка афганских «командос» и танковыми пушками роты этого полка. Подойти к вертолету душманы не смогли. В ходе скоротечного боя был уничтожен расчет крупнокалиберного пулемета, из которого душманы сбили вертолет.

Спустя некоторое время десантники и афганские «командос» совместными усилиями разгромили остатки банды и вышли к сбитому вертолету. Оказывать помощь было некому, погибли все члены экипажа, советские и афганские офицеры, находившиеся в этом роковом вертолете. Нашли обгоревшее оружие, в том числе и пистолет генерала. Останки погибших вертолетами были доставлены в Кабул, а обломки вертолета собраны в одно место, придавлены танком и присыпаны землей. Афганские подразделения вернулись в расположение полка, и подполковник Денис по закрытой связи подробно доложил на командный пункт главного военного советника о результатах проведенной операции. На этом была поставлена точка в судьбе участника Великой Отечественной войны генерала Шкидченко П.И.

4 июля 2000 года Указом Президента Российской Федерации он был удостоен звания Героя Российской Федерации посмертно.

ВДАЛИ ОТ СВОИХ

Подразделения, находящиеся далеко от своих основных баз, всегда вызывали тревогу и беспокойство у командиров, и, чтобы не возникали проблемы, их периодически держали под контролем. Особенно далеко от своих находился третий батальон 317-го гв. пдп. Нет, не думайте плохо, там было все в порядке. Просто он находился у черта на куличках. Вот поэтому в конце июня 1981 года штабом дивизии было принято решение о проверке батальона, который длительное время дислоцировался и выполнял боевые задачи в отрыве от полка в провинциях Кандагар, Гильменд и Заболъ на юго-востоке Афганистана. Это была мощная самостоятельная боевая группировка.

Батальону были приданы и находились в прямом подчинении командира батальона: реактивная батарея «Град», батарея 82-мм минометов, танковая рота, батарея «АГС-17», инженерно-саперная рота полка, по взводу от роты связи и роты материально-технического обеспечения. В постоянной готовности к вылету находились два вертолета «Ми-8». Батальон в этот период выполнял боевые задачи в районе города Лашкаргах.

Для этой проверки была подобрана оперативная группа. Я был назначен старшим группы. Необходимо было проверить вопросы боевой готовности батальона, быт личного состава, организацию взаимодействия с местным руководством и вождями кочевников.

Оперативная обстановка в зоне ответственности батальона считалась относительно спокойной, за исключением юга провинции. Стабилизирующую основу среди местного населения в провинции составляли вожди кочевников-белуджей.

Командир батальона подполковник Маслов А.В. нашел индивидуальный подход к каждому из вождей. Часто с ними встречался, вел переговоры и в то же время умело навязывал каждому из них свою политику. Разведка батальона имела неплохую агентурную сеть. Два вертолета использовались для обеспечения жизнедеятельности батальона, ведения воздушной разведки и при необходимости для нанесения воздушных ударов по выявленным бандам и корректирования огня артиллерии.

Когда в близлежащих стойбищах кочевников планировались свадьбы, вожди об этом заранее ставили в известность десантников. Потому что, как правило, свадьбы кочевников сопровождались стрельбой, а это могло привести к ненужным последствиям, и место, где будет открыта стрельба, может быть накрыто

огнем артиллерии или ударом с воздуха. Однажды чудом удалось во время свадьбы избежать человеческих жертв, поэтому вожди с пониманием относились к требованиям десантников.

Маслов рассказал мне интересный случай, связанный с очередным посещением одного из племен. Поговорили о жизни, и незаметно, само собой, речь зашла о военных вопросах, а здесь еще, как назло, к вождю подошел его сын с буровской винтовкой и предложил пострелять. Вот это да, подумал я, но отказаться было нельзя. Этот пацан спит с этой винтовкой и стреляет, как ковбой в фильмах. Поставили пластиковую бутылку метров на сто, сын дает мне винтовку, как бы оказывая этим уважение ко мне. Естественно, первый выстрел мой. Ну и мандраж начался у меня. Еле справился с собой. Винтовка неплохая, но у нее диоптрический прицел, а у нашего оружия открытый. К этому надо приспособиться. Старался казаться спокойным, дослал патрон в патронник, пошутил, чтобы протянуть время, пока переводчик переводил присутствующим. Прицелился и, что интересно, попал в бутылку. В толпе восторг. Я, выказывая полнейшее равнодушие, протянул винтовку хозяину и как ни в чем не бывало продолжил разговор с вождем. Вот так случайно я утвердился среди вождей и не уронил в глазах простых кочевников честь десантника.

До города Кандагар оперативная группа долетела попутным рейсом на вертолете «Ми-6». В грузовой кабине находилось много военных афганцев, членов их семей и гражданских лиц из Кандагара. В тот период практиковались перевозки попутными рейсами самолетами военно-транспортной авиации Советской армии семей афганских военнослужащих и гражданских лиц. Все из-за плохого транспортного сообщения между провинциями Афганистана. Порой

семьи военнослужащих неделями жили на аэродромах, дожидаясь попутного рейса в нужном направлении.

В Кандагаре оперативную группу встречало командование отдельного десантно-штурмового батальона 56-й вдшбр. Батальон был придан мотострелковой бригаде. Обязанности командира батальона исполнял начальник штаба капитан Бондарев Г.М.¹. О прилете оперативной группы он был заранее предупрежден по каналам закрытой связи.

Встреча была очень теплой и гостеприимной. После ознакомления с военным городком командир батальона обратился с просьбой оказать ему помощь в проверке его подразделений в соответствии с планом, утвержденным командиром 103-й гв ввд. Тем более что вылет вертолета в Лашкаргах запланирован на утро следующего дня. Действительно, результаты проверки оказались полезными. Ну, а вечером в знак благодарности оперативной группе была организована баня, что меня не удивило. К этому времени практически все подразделения, которые уважали себя, имели хорошие бани. Удивило другое, как за тысячи километров от Ферганы, здесь, в бане, в сорокаградусную жару у комбата оказалось прохладное ферганское пиво. Это для меня осталось тайной. Позднее Бондарев рассказал о службе в Кандагаре и о том, как они в этом районе выполняют боевые задачи. Не забыл сказать, как бывший разведчик, о тактике действий душманов и о действиях третьего парашютно-десантного батальона. Батальон Маслова оперативно подчинялся комбригу и некоторое время дислоцировался здесь же, недалеко от аэродрома.

¹ В семидесятых годах занимал должность командира разведвзвода в разведроты 351-го гв. пдп 105-й гв. ввд.

Кандагар превратился в своеобразный «афганский Сталинград». Через город с севера Афганистана проходила единственная дорога к расположению советского гарнизона и к авиабазе. Можно было только удивляться мудрости советских строителей времен правления Н.С. Хрущева, покрывших дорожное полотно бетонными плитами. Устанавливать мины и фугасы на таком шоссе было невозможно. Трудно себе представить, сколько жизней наших ребят, автомобильной и боевой техники сохранилось благодаря удачному проекту наших специалистов. Поэтому душманы очень редко проводили на этой трассе минно-взрывные действия, зато на проселочных дорогах и на местности вокруг расположения наших войск можно было ожидать все что угодно. Вся территория, прилегающая к авиабазе, была напигована нашими и душманскими минами. Тактикой действий бандформирований были избраны обстрелы наших гарнизонов и нападения на небольшие подразделения, потерявшие бдительность в ходе рейдовых действий и при расположении на месте во время привала или в ходе боевых действий.

Все колонны, проходившие по бетонной дороге через зеленую зону реки Аргандаб, густо поросшую виноградниками и различными деревьями, постоянно подвергались нападениям диверсионных групп и банд различной численности. На одиночных машинах без серьезного прикрытия никто не передвигался даже вблизи от военного городка. Такой риск был равнозначен игре в русскую рулетку. Бои очень часто шли в пригороде и прямо на улицах города.

Все постройки вдоль маршрута движения в руинах. В кюветах шоссе валялись корпуса сгоревшей техники. Пригородная часть Кандагара с фруктовыми садами и огородами представляла собой труднодоступную местность для наших войск. В любую минуту

арыки и каналы перекрывались местными жителями, и местность, на которой находились наши войска, моментально затапливалась и превращалась в сплошной заболоченный участок. Не успел вовремя покинуть этот район — считай, потерял инициативу, маневр, время, и операцию можно свертывать. А все усилия направить на эвакуацию техники и личного состава. На заболоченном грунте даже с помощью полиспастов почти невозможно вытащить танки и боевые машины. В этот момент наши войска были очень уязвимы для огневого поражения со стороны противника.

Командиры десантных подразделений в первую очередь захватывали дамбы, мосты, плотины и только после этого продвигались в глубь территории, которая стала идеальным местом для устройства засад против советских войск. Афганские подразделения и отряды самообороны без поддержки и прикрытия с нашей стороны самостоятельно не проводили здесь ни одной операции.

Провинции Кандагар и Гильменд давно превратились в перевалочную базу по доставке оружия, боеприпасов и наркотиков в различные провинции Афганистана из Пакистана и Ирана. Здесь проходили практический курс ведения боевых действий и боевое крещение банды, подготовленные иностранными инструкторами в Пакистане и Иране. Передвигаясь на север страны, они не щадили никого, кто посмел выказать малейшее неповиновение. Одинаково от них страдали все: мирные жители, защищая свою собственность и отказываясь стать в ряды моджахедов; афганские военнослужащие и их родственники за то, что служат в рядах армии ДРА; наши солдаты вообще были вне закона как неверные.

В этой зоне воевали хорошо подготовленные банды душманов, которые пытались навязывать свою

инициативу нашим войскам и насаждали свои порядки на контролируемой ими территории. Это был серьезный и достойный противник. Сражались бандиты хорошо. Были отлично организованы, незаметно передвигались на любой местности и умело маскировались на ней. Прекрасно знали песчаную пустыню Регистан и каменистую пустыню Дашти-Марго, передвигались по ним, как наши войска на полигоне. Их действия всегда были дерзкими и непредсказуемыми. Они не боялись вступать в бой с советскими войсками. Хорошо знали уровень боевой подготовки всех советских подразделений, дислоцирующихся в этом регионе. Наши десантники их не боялись, но всегда ожидали какой-либо подлости с их стороны, относились к ним с некоторым уважением за их своеобразный профессионализм и были уверены, что эти хитрые, коварные, прекрасно экипированные и вооруженные до зубов бандиты так же относятся к ним. Они старались нападать на десантников для повышения своего авторитета и показа своего превосходства перед бандами, укомплектованными местными жителями. Эта информация неоднократно подтверждалась показаниями пленных душманов. А вот однажды при проведении крупной операции в районе пустыни Регистан десантники разгромили крупную банду и пленили главаря. На допросе он рассказал интересную новость. В его банде был человек, который умел интересно рассказывать всевозможные небылицы. На местных базарах он рассказывал продавцам и покупателям о том, что десантников не стоит бояться, они слабые воины. Проводил своеобразную спецпропаганду. Ввиду практически полного отсутствия радио и телевидения базар для местных был своеобразным информационным центром. Новости передавались из уст в уста, доходили до кишлаков и до местных главарей. А мы что, хуже других банд.

Командование ВДВ с ветеранами-афганцами.

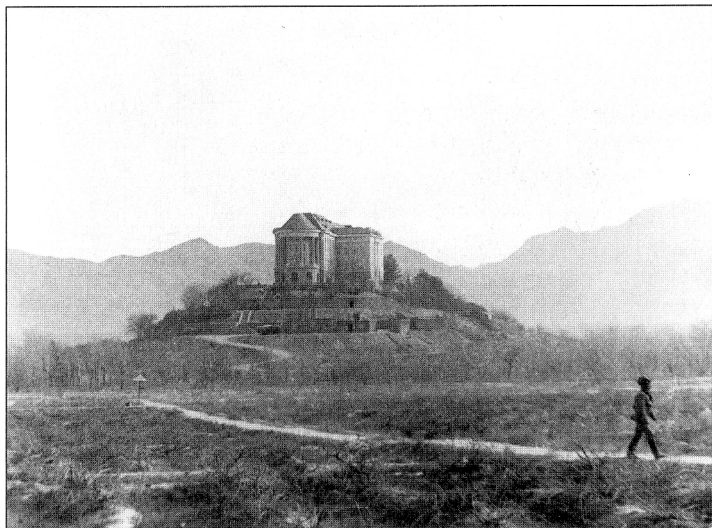
Бывшие воины-афганцы: командующий ВДВ Шпак Г. И.,
полковник запаса Скрынников М. Ф., полковник
Гостев Н. Н.

Маршал Соколов вручает лейтенанту Богатинову орден
Красной Звезды.

22 года спустя. Богатиков С.Н. и Соколов С.Л.
в Кремлевском дворце съездов, 2002 г.

Резиденция Амина. Позднее штаб 40-й армии.

Генерал Рябченко в расположении дивизионных разведчиков. Кабул, 1980 г.

Первые награжденные. Кабул. Май, 1980 г.

После награждения. Кабул, 1980 г.

Разведчики перед выходом на боевое задание.

Торжественный марш. Во главе строя командир роты
ст. лейтенант Ленцов А.И. Кабул, 1980 г.

Личный состав 1-го разведвзвода. Кабул.

Сержант Азарнов А. проводит с разведчиками занятие по строевой подготовке. Кабул, 1980 г.

**Мяшечко А. П., Скрынников М. Ф. и Нижегородов А. М.
в районе боевых действий. Осень, 1980 г.**

Разведчики после выполнения боевой задачи.

Разведчики лейтенанта Богатикова после разгрома засады душманов в кишлаке. Декабрь, 1980 г.

Разведчики перед возвращением на родину.
Кабул. Осень, 1981 г.

Разведчики на фоне аэродрома. Слева направо: В. Власов, А. Лесневский, С. Панкратов. Кабул, 1980 г.

Боевая задача выполнена. В центре — И. Комар. Лашкаргах, 1981 г.

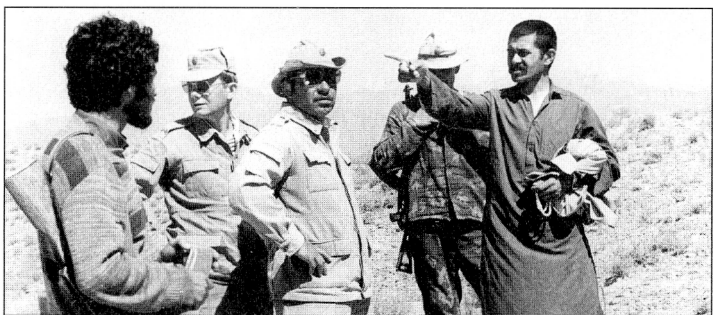
Эвакуация раненых разведчиков из района боевых действий. Июнь, 1982 г.

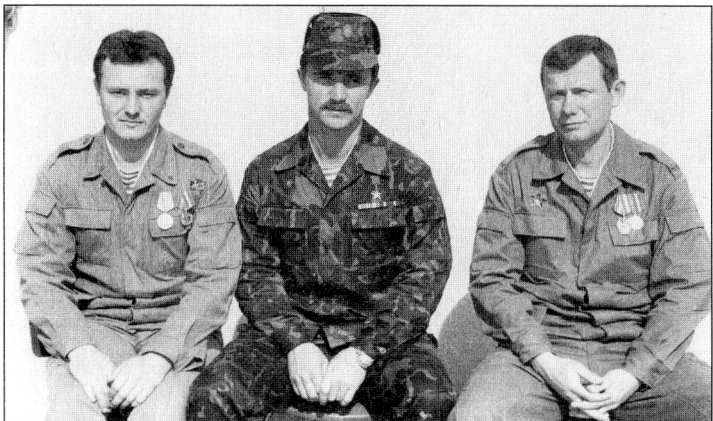
Пленные душманы в районе Баграм. Осень, 1980 г.

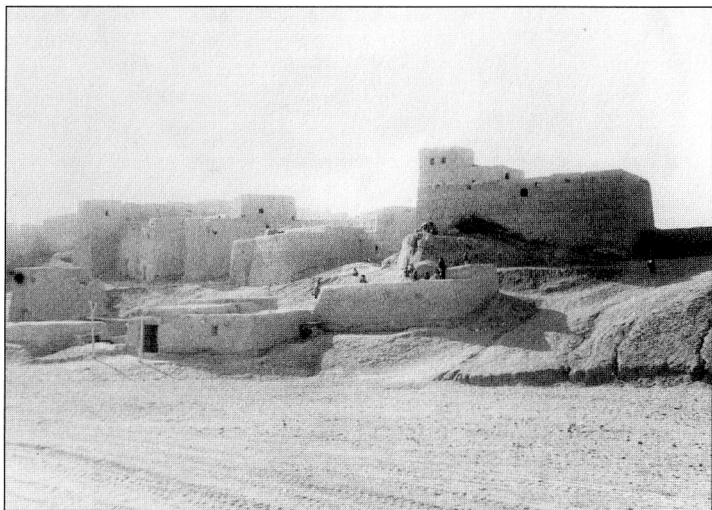
На марше по горным дорогам Афгана.

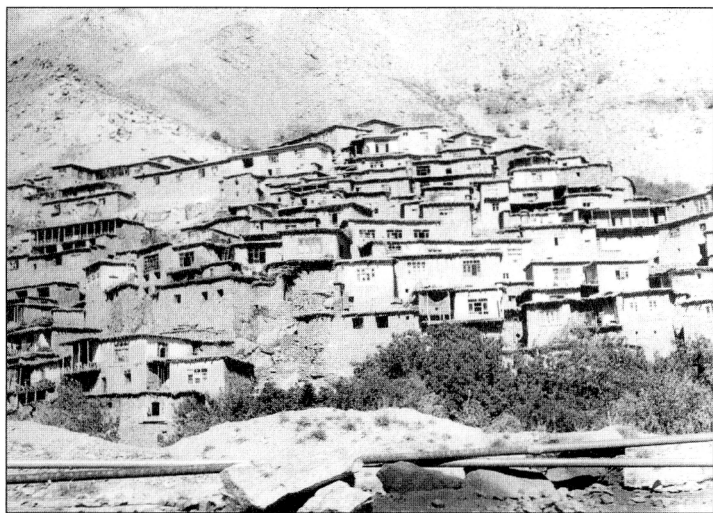
Встреча с племенным ополчением. Кандагар.

Вострогин В.А. (в центре) со своими заместителями.

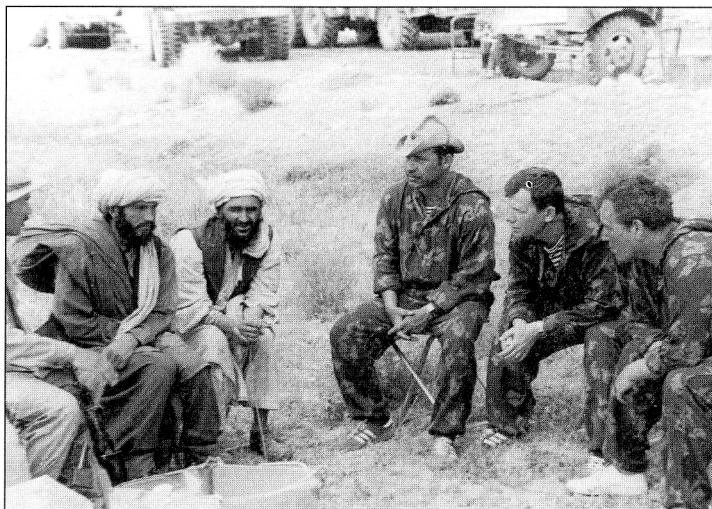
Придорожный кишлак Калат (подобие крепости).

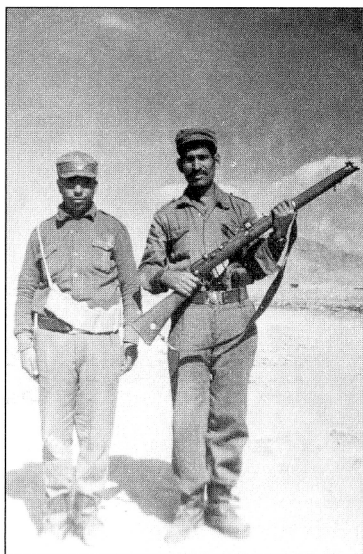
Афганский кишлак недалеко от перевала Саланг.

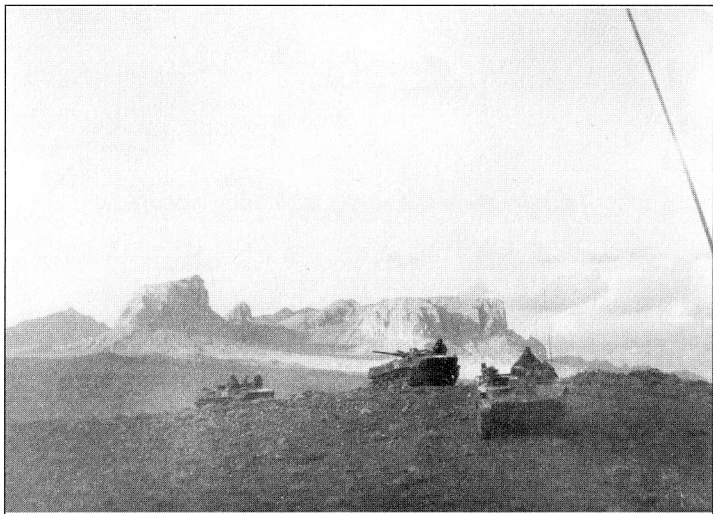
Аргументы минной войны

Встреча десантников со старейшинами пуштунских племен, г. Кандагар.

Защитники революции с одной винтовкой на двоих.

Разведгруппа в районе боевых действий.

Афганский автомобиль «Бурбахайка». Кабул, 1981 г.

Встреча разведчиков. Февраль, 2002 г.

Полковник Скрынников М. Ф. среди разведчиков
полка спецназа ВДВ.

И, естественно, крепко получали по зубам за недооценку противника. Вот здесь пропаганда и вступала в противоречие с практическими действиями, подтвержденными многочисленными жертвами со стороны нападающих. Гораздо чаще духи нападали на мотострелковые, танковые и автомобильные колонны с различными грузами, если подметят в их боевых порядках элемент разгильдяйства. Танков некоторые из них не боялись. Неоднократно возникали ситуации, когда душманы-смертники выскакивали на дорогу перед движущимися танками и расстреливали их в упор из гранатометов, но и из духов редко кто оставался в живых после такого подвига.

Третий парашютно-десантный батальон 317-го гв. пдп несколько раз подвергался нападению с их стороны в ходе рейдов, но каждый раз душманы несли потери, безнаказанно уходить от возмездия не удавалось. Противник после нескольких стычек понял, что с десанниками встречаться лучше не надо, воевать с ними сложно и смертельно опасно. Ну а если руки зачесались, к боевым действиям необходимо готовиться настоящим образом, а не спустя рукава. К сожалению, эти малограмотные вояки нашу поговорку не знали. У бандитов появился страх и уважение к солдатам в голубых тельняшках. Попытки вступить в открытый бой прекратились, однако продолжались обстрелы издалека, не приносявшие особого ущерба для техники и личного состава. При каждом обстреле десантники быстро окружали этот район, спешивались из боевых машин и, как правило, уничтожали бандитов, не успевших далеко удрать. Проходимости и маневренности наших машин духи завидовали. Афганцы быстро прозвали боевые машины десанта «шайтан арба», а наши гвардейцы «БМД» расшифровывали как «братская могила десантника». Уже тогда в отделениях были созданы боевые трой-

ки, о которых вспомнили в первую чеченскую кампанию только после потерь среди личного состава и боевой техники.

Командование 70-й мотострелковой бригады быстро смекнуло, что к чему, и по приказу комбрига полковника Шатина и командующего 40-й армией 3-й парашютно-десантный батальон начал выполнять самые опасные задачи, где заранее было известно, что из боя многие вернутся ранеными, искалеченными, а некоторых увезет на Родину «черный тюльпан».

Об одной из таких тяжелых операций мне лично рассказал комбат А. Маслов. В декабре 1980 года батальон усиливал мотострелковую бригаду и участвовал в общевойсковой операции по разгрому крупной банды душманов, контролировавшей обширную зеленую зону западнее г. Кандагар. К исходу четвертого дня сплошного прочесывания местности мотострелковые подразделения и десантники зажали бандитов в кольцо.

Тем не менее командир мотострелковой бригады, руководитель операции, не имея достоверных сведений, в каком из небольших кишлаков находятся бандиты, принял решение остановить войска на ночь на достигнутых рубежах, а с рассветом следующего дня продолжить прочесывание местности и к вечеру завершить разгром бандитских формирований. Для предотвращения объединения разрозненных банд в одну группировку командир бригады по радио приказал командиру батальона подполковнику А. Маслову в сумерки на боевых машинах занять рубеж по центральной улице населенного пункта Сутиан, в котором противника, как нам тогда показалось, еще нет, и рассечь кольцо окружения на две части. С рассветом, удерживая занятый рубеж, оказать содействие мотострелковым подразделениям в разгроме душманов.

Батальон, спешив личный состав, с боевым разведывательным дозором впереди, колоннами парашютно-десантных рот одна за другой, начал втягиваться на главную улицу кишлака. Боевые машины медленно двигались по узкой улице, а справа и слева от них в пешем порядке выдвигался личный состав. С двух сторон улицы простирались непроходимые для танков и боевых машин виноградники, состоящие из сплошных рядов двухметровых траншей, по стенам которых росла виноградная лоза. Виноградные поля пересекались каналами, арыками и глиняными заборами — получилась сплошная противотанковая зона.

Никто из руководящего состава мотострелковой бригады и парашютно-десантного батальона даже не подозревал, что все окруженные в этом районе бандитские группы упредили наши войска и недавно заняли Сутиан, но в спешке также допустили непростительную с их стороны ошибку — не организовали его оборону и не выставили боевое охранение. Армейская разведка упустила этот момент. Душманы, в свою очередь, тоже не предполагали, что советские войска ночью предпримут активные действия. Сотни бандитов сосредоточились на центральной площади кишлака, курили анашу, принимали другие наркотики, с шумом и криком обсуждали сложившуюся ситуацию и вырабатывали решение, как спастись от неминуемой гибели. Личный состав боевого разведдозора, забравшись на крышу виноградной сушилки, наблюдал эту балаганную картину.

Командир дозора доложил обо всем командиру батальона. Надвигалась темнота. Маслов понял, что бой неизбежен, через несколько минут душманы успокоятся и обнаружат батальон, тогда исчезнет фактор внезапности, а времени на организацию ночного боя в полном объеме не было. Он немедленно прика-

зал командиру боевого разведдозора открыть огонь из всех видов оружия по бандитам. Одновременно командир минометной батареи открыл сосредоточенный огонь по площади. Батальон вступил в ночной бой с противником, почти равным по численности. Душманы от неожиданности оцепенели и здесь же под огнем валялись как снопы, а немного придя в себя, начали разбегаться по виноградникам и оттуда вести ответный огонь. Личный состав батальона занял оборону на достигнутом рубеже.

Со всех сторон велась интенсивная стрельба. Местные жители перекрыли арыки, и вода начала затопливать местность, делая ее непроходимой для боевой техники. Боевые машины из-за воды и виноградников не могли маневрировать и поддерживать огнем пехоту. Обкуренные бандиты неоднократно переходили в атаку, пытаясь прорваться через боевые порядки батальона. Поле боя превратилось в несколько десятков очагов сопротивления, изолированных виноградниками, заборами и арыками. Периодически возникали рукопашные схватки, вот здесь и сгодились нашим парням ножи и саперные лопаты.

Боеприпасы быстро заканчивались и с большим трудом в этой обстановке восполнялись. Поддержать десантников огнем танков и артиллерии было невозможно из-за отсутствия безопасного удаления от разрыва своих снарядов. Всю ночь в винограднике шел ожесточенный бой. Ряды душманов стали заметно таять, таяло и сопротивление. С рассветом остатки бандитов разбежались по затопленным виноградным полям. Батальон уничтожил 162 бандитов, но и потерял при этом 8 человек убитыми и 14 человек ранеными. Героически погибли сержанты Калинин Г.Н., Кузнецов И.А., Михалев В.Г., Маркелов В.Г., ефрейторы Князькин Н.И. и Логинов В.А., рядовые Латы-

пов О.З. и Якин О.Г. У сержанта Михалева закончились боеприпасы, но он продолжал драться и армейским штык-ножом уничтожил 9 бандитов, затем был расстрелян в упор. Все герои посмертно награждены высокими правительственными наградами.

После этого боя батальон был выведен на отдых, но командование мотострелковой бригады не успокоилось и продолжало планировать очередные «подвиги», до тех пор пока десантники не убыли к новому месту дислокации в Лашкаргах.

В Лашкаргахе батальон действовал самостоятельно. Тем не менее боевые задачи десанникам и здесь определяли, командир бригады, командир 103-й ввд и командующий армией. Командиров было хоть отбавляй, только успевай крутиться. И крутились. Кроме этого букета начальников командование батальона имело полномочия на реализацию собственных разведывательных данных. Зона боевых действий батальона расширилась, включая пустыню Регистан и горные массивы. В дальнейшем зона расширилась на восток на полупустыню вдоль пакистанской границы, на запад на зеленую зону вдоль рек Аргандаб и Гильменд до населенного пункта Диларам, на юго-запад на г. Лашкаргах и пустыню Дашти-Марго до иранской границы.

Со слов Маслова, эти места были труднодоступны для наших войск и со временем превратились в перевалочные базы душманов по пути из Пакистана и Ирана в Кабул и северную часть Афганистана. Здесь начинались караванные пути по доставке оружия, боеприпасов, наркотиков и всего необходимого для войны. Батальон был заранее подготовлен к действиям в этой местности как на боевых машинах, так и в пешем порядке, в полном составе, и повзводно в засадах по тактике действий групп специального назначения. Однако практического опыта боевых дей-

ствий в этом регионе не было, приходилось учиться на ходу, иногда на собственных ошибках.

Использование батальона командованием бригады по проведению засадных действий в пустыне особого эффекта не принесло. Информация, поступающая от командования бригады и штаба Армии о нахождении бандитских групп и путях движения караванов, была запоздалой, устаревшей, иногда недостоверной. Открытая местность демаскировала передвижение больших групп личного состава и боевой техники. Непроходимые для нашей техники барханы сковывали маневр и уменьшали радиус действия разведывательно-поисковых групп. В то время мятежники на японских джипах «Тойота» и «Симург» легко уходили от десантников. Жара более 60 градусов и недостаток воды ограничивали время выполнения задач в песках. Из-за высокой температуры вертолеты днем не летали. Информация о появлении советских подразделений в любом районе в короткие сроки достигала баз бандитских формирований на территории Пакистана и Ирана. Она передавалась по радио, с помощью отраженных от зеркал солнечных лучей, сигнальных костров, фонариков и дыма. То есть все средства связи были хороши. После полученной информации банды старались обойти этот район или дожидались окончания операции. Одним словом, духи тоже проводили разведку. Иногда им удавалось переиграть нас. Мы без толку колесили по району, сидели в засадах, а они затаивались. Мне только оставалось согласиться с тем, что я услышал, и добавить: информацию, которую я получил при нахождении в гостях у бывших сослуживцев, считаю для себя, как для начальника разведки, полезной. Штабу батальона мы также сослужили определенную службу. Помогли привести в порядок штабную документацию. На этой ноте беседа Г. Бондарева со своим

бывшим начальником закончилась, и мы разошлись на отдых. Завтра новый день, и у нас у каждого появятся новые заботы.

Рано утром за нами прибыл вертолет. На аэродроме я распрощался с командованием батальона. Вылетали летом всегда рано, пока воздух еще не прогрелся. Полет занимал около двух часов. Летели на большой высоте, чтобы быть недосягаемыми при обстреле из переносных зенитных ракетных комплексов, которые к этому времени были на вооружении у мятежников. В Лашкаргахе вертолеты приземлились рядом с лагерем десантников. Нас встретил подполковник Маслов со своими заместителями, и, как принято у военных, кратко доложил обстановку в зоне ответственности батальона. Позднее ознакомил с расположением, системой охраны и обороны и задачами, которые выполняет батальон.

После обеда в лагерь десантников прибыли офицеры Главного разведывательного управления и офицеры-советники КГБ, МВД, которые постоянно жили и совместно выполняли задачи в Лашкаргахе. Их работой руководил главный партийный советник при губернаторе провинции, второй секретарь Петрозаводского обкома партии, а вот фамилия «товарища» выпала из памяти. После знакомства они рассказали о задачах и трудностях при работе со своими подсоветными афганцами. Офицеры-разведчики ознакомили группу с оперативной обстановкой в провинции и своими планами на ближайшее будущее.

Весь остаток дня оперативная группа работала в подразделениях и с документами в штабе батальона. Кое-что подправили, подсказали, а кое-что привезли из штаба дивизии. В целом в батальоне и приданных ему подразделениях был порядок. Командир батальона до назначения на должность был офицером оперативного отдела дивизии, и ему, как никому друго-

му, были известны требования командования дивизии. Заместители у него были надежные, бывшие командиры разведывательных рот — капитан Мосиброцкий А.Л. и ст. лейтенант Комар И.Г.

Вечером состоялась встреча с губернатором провинции и мэром Лашкаргаха. Они познакомили со своими заместителями. Хорошо отзывались о десантниках и о роли, которую те выполняют для стабилизации обстановки в провинции. Далее губернатор сказал, что беспокойная обстановка продолжает сохраняться на юге провинции в уезде Анава. Бандиты не оставляют попыток взять под контроль административный центр уезда и вынудить военных убраться. Ужин прошел в деловой и информационной обстановке. При расставании пожелали друг другу благополучия. Следующий день также начался с рутинной штабной работы и бесед с личным составом. Ближе к обеду Маслов предложил мне слетать на охоту на кабанов, которых было полно в камышах ближайшей реки. Завели один из вертолетов и полетели. Река была в трех километрах от лагеря. Вдруг вертолет завис над камышами. Техник вертолета показывает мне что-то внизу. Я ничего не вижу, кроме камышей, которые пригибались струей воздуха к воде от работающего винта вертолета. Потом, присмотревшись, увидел большое стадо кабанов, животные разбежались в разные стороны по камышам. Техник выпустил короткую очередь из автомата. «Вертушка» опустилась практически на воду и зависла. Речка в это время была неглубокой. На борт подняли тушу килограмм на сто, а возможно, и больше. Вертолет поднялся метров на тридцать и взял курс на лагерь. Только пролетели реку, видим, что из камышей выскочил маленький кабанчик и со страху побежал в степь. Техник сразу за курсовой пулемет и давай лупить по бегущему кабанчику. Фонтанчики от пуль

поднимались вокруг него, но ни одна не попала в цель. Вертолет делает новый разворот, чтобы продолжить охоту. Чувствую, пилоты входят в азарт. Стоп, говорю, пусть живет. С первого раза не попали, больше стрелять не нужно. И я сразу вспомнил личное качество экипажа в районе Бисхуда, когда мы с Г. Шпаком проводили воздушную разведку маршрута и чудом избежали катастрофы. В лагере повара поджарили мясо, но оно было жесткое и невкусное. Правда, повар-солдат в силу своей невысокой квалификации лучше приготовить и не мог. Его в учебке учили готовить щи да кашу. Так что зря летали на охоту и лишили жизни кабана. Но кабанов там, как говорили солдаты, немерено. Местные их не едят, по крайней мере, так они говорили. Лично меня трудно в этом убедить, просто я знаю примеры, когда афганцы вместе со мной ели сало. Но тем не менее кабанов здесь действительно развелось огромное количество, а десантникам в силу известных обстоятельств не до охоты.

На следующий день я улетел в Анаву, остальные офицеры оперативной группы продолжали работать в штабе батальона и в подразделениях. В гарнизоне Анава старшим от батальона был ст. лейтенант И. Комар, заместитель командира батальона, а в недалеком прошлом мой подчиненный. Основу гарнизона составляла усиленная парашютно-десантная рота, и был здесь настоящий военный порядок. Каждый офицер, сержант и солдат знали свою задачу и свой маневр в целом. Позиции прекрасно оборудованы в инженерном отношении. Наблюдательные посты обеспечены средствами наблюдения и связи, организована круглосуточная работа. Проверая позиции, беседуя с десантниками, на душе становилось спокойнее.

Рота была усилена взводами 82-мм минометов и «АГС-17». Расчеты минометов и «АГС-17» были настоящими профессионалами своего дела. В этом я убедился, когда проводил проверку огневой подготовки. Взаимозаменяемость среди личного состава расчетов отличная. Не заглядывая в записные книжки, наизусть зная расстояние и направление, любой десантник-минометчик стрелял точно в цель. Какие бы цели для поражения я ни указывал на местности, через несколько секунд выпущенная из миномета мина поражала цель. Не отставали в своем мастерстве и расчеты «АГС-17». И я подумал, что эти парни выполняют любую задачу и не будут застигнуты врасплох.

В первую же ночь моего пребывания в гарнизоне с противоположного берега реки начался обстрел из стрелкового оружия позиций десантников. Я, было, сдуру подумал, что командир нарочно решил мои нервы пощекотать, потом сплюнул через левое плечо и отогнал эту дурацкую мысль. С командно-наблюдательного пункта насчитали более десяти вспышек, и через несколько секунд в их районе стали рваться мины, выпущенные из минометов, и гранаты «АГС-17». Все сразу стихло, и так до следующей ночи. И. Комар сказал: «Такая обстановка с наступлением темноты стала для десантников уже привычной, наблюдается почти каждый вечер. Одним словом, духи держат в напряжении, но мы каждую ночь по два-три человека отправляем в гости к их аллаху». Утром проверили результат, точно — два трупа и две винтовки.

После нескольких дней работы в лагере десантников я, как бы не оставляя без внимания афганское подразделение, ради приличия заглянул к ним и также проверил их расположение и позиции. Командир афганского батальона специального назначения знал

о приезде инспектора к десантникам и чувствовал, что к нему на позиции я обязательно зайду. Прямо скажем, разница между нашим и афганским подразделениями огромная. Сравнивать их между собой невозможно. Везде хаос, беспорядок, позиции обозначены лишь присутствием на них солдат. Во время вечерних обстрелов стреляют просто так. Пришлось немножко и довольно вежливо кое-что подсказать афганскому командиру, чтобы не обиделся. Афганец оказался нормальным офицером, да еще окончил наше военное училище, хорошо разговаривал по-русски. Он заверил, что сделает все как у советских десантников.

Ближе к вечеру И. Комар, как-то стесняясь, передал мне приглашение афганского командира поужинать у него дома. Лично я ничего противозаконного в этом не усматривал, и приглашение было принято. Комар предупредил, что афганец самолично делает водку из винограда и она вполне пригодна к употреблению, только здорово пахнет сивухой. Ужин проходил в советско-афганских традициях. Попробовали домашнюю афганскую водку и прекрасный плов. Это угощение напомнило мне службу в Фергане. Внезапно начался обстрел, и, конечно же, ужин был испорчен. Наспех поблагодарили командира за гостеприимство и быстро ушли к своим войскам. Афганские солдаты тоже засуетились на своих позициях и стали обстреливать противоположный берег. Минометчики и расчеты «АГС-17» уже вовсю обрабатывали берег, откуда душманы вели обстрел наших позиций. Пока добежали до командно-наблюдательного пункта, противник на том берегу был подавлен, и стрельба прекратилась.

С рассветом взвод десантников переправился на другой берег и прочесал участок, откуда мятежники вели обстрел наших позиций. В камышах обнаружили

два трупa, английскую винтовку и автомат. Камыши очень высокие и густые, поэтому моджахеды в спешке не смогли в темноте найти погибших поделщиков, да к тому они еще были немного притоплены. Уходя с противоположного берега, десантники в камышах оставили несколько растяжек с ручными гранатами. Вечером во время очередного обстрела одна из них сработала. Эти вечерние обстрелы для десантников стали обычным делом. И если бы в один из вечеров не было обстрела, мне кажется, нарушился бы привычный ритм в маленьком гарнизоне. Поздно вечером я с Масловым переговорил по закрытой связи и попросил его прислать за мной «вертушку». Рано утром меня разбудил Комар и доложил, что на растяжке подорвался дух, а еще двоих уничтожили минометчики и агээсники. После завтрака я подвел с офицерами-десантниками итоги нашей совместной с ними работы, поговорили на обыденные темы, но как итог я попросил их беречь себя, своих солдат и сержантов. Не забыл поговорить и с афганским командиром. Пожелал удачи ему и благополучия его солдатам, а также пожелал, чтобы они побыстрее навели порядок в своей стране. Как мне казалось, я свой план работы в Анаве выполнил полностью.

На следующий день за мной прибыл вертолет, и на этом недельная командировка в самый дальний гарнизон десантников закончилась. В Лашкаргахе провели разбор проверки и оказания помощи командованию батальона, пожелали успеха в боевых действиях. На разборе присутствовали также офицеры КГБ и ГРУ. Утром улетели в Кандагар, а оттуда попутным рейсом на аэродром в Кабул. К исходу дня мы прибыли в столицу, а там до штаба дивизии рукой подать. По пути я зашел к разведчикам, передал им привет от бывшего командира роты, поговорил с офицерами о службе, быте, о том, что нового про-

изошло в зоне ответственности за мое отсутствие, и только вечером ушел к себе в казарму на отдых. Петряков в это время был занят делами, и я не стал его утомлять своим докладом. Эта ночь на удивление была спокойной, а самое главное без привычной стрельбы.

После завтрака мной был представлен обстоятельный доклад начальнику штаба дивизии о проделанной работе в батальоне. Петряков поинтересовался командованием батальона и конкретно первым заместителем И. Комаром. Кстати, забегая несколько вперед, после убийства подполковника Маслова в академию командиром батальона был назначен И. Комар. Равных ему по командирским качествам и опыту боевых действий в 317-м гв. пдп, да и в дивизии, не было. Под его руководством батальон провел ряд успешных боевых операций с минимальными потерями личного состава и техники. Боевым действиям всегда предшествовала тщательная и всесторонняя подготовка личного состава и вооружения. Особое внимание уделялось проведению разведки. Все агентурные данные неоднократно перепроверялись различными не зависимыми друг от друга источниками, и только после этого принималось решение на действия по реализации разведывательных данных. Принимались все меры маскировки, скрытности и обмана противника. Через различные каналы в бандитские формирования запускалась дезинформация о планах батальона на ближайшую перспективу. Постоянно проводились ложные, отвлекающие действия парашютно-десантных подразделений. На базе до всего личного состава и военных советников боевая задача не доводилась. О ней знали только командир батальона и начальник штаба. Конкретная постановка боевых задач всем исполнителям происходила только после выхода батальона в пустыню, далеко от

района предстоящих боевых действий. Душманы никогда заранее не знали, куда, с какой задачей уходит в пустыню батальон и где он появится спустя несколько часов. Личный состав подразделений был настолько натренирован, что все военнослужащие понимали друг друга с полуслова. Детальная организация всестороннего обеспечения, управления и взаимодействия не требовалась. Каждый знал свой маневр в бою, знал, что необходимо брать с собой для победы над противником. Стиль и метод работы, приобретенные в разведроте, сослужили ему службу и в батальоне, только здесь были ширь и масштабность несколько другие. Ему, единственному из всех комбатов 40-й армии, было оказано доверие выступить на партийно-хозяйственном активе армии, который проводил маршал Соколов, и поделиться опытом ведения боевых действий по уничтожению мятежников.

ОТЪЕЗД ГЕНЕРАЛА РЯБЧЕНКО

Я отсутствовал в штабе дивизии около двух недель. За это время произошли незначительные изменения в оперативной обстановке, и начальник штаба ввел меня в курс предстоящих дел с участием разведывательных подразделений дивизии. Затем постепенно разговор перешел на личную тему. Поделились впечатлениями о службе, поговорили о семьях. Наши родные оставались в Фергане. У нас были хорошие взаимоотношения. Когда я молодым лейтенантом попал служить в отдельную разведроту дивизии, Петряков был ее командиром. И с тех пор в дивизии мы служили вместе. Выходя от начальника штаба, я встретился с генералом Рябченко. Поздоровались, поговорили о сложившейся обстановке в

зоне ответственности дивизии и в Кабуле, а также о том, как обстоят дела в батальоне Маслова. Пришлось свой доклад начинать сначала. В конце беседы он поинтересовался, чем я занят вечером, и пригласил на званый ужин по случаю окончания своего пребывания в должности командира дивизии, а также в связи с зачислением слушателем в академию Генерального штаба ВС СССР и убытием в Советский Союз. О его убытии на учебу в Академию Генерального штаба мы, офицеры управления, знали заранее, но виду не показывали. Потом он мне как будто бы случайно задал вопрос: «Скажи, только честно, тогда, на первой нашей операции в районе Бисхуда, твои разведчики пошерстили мои продовольственные запасы?» К тому времени вечером я уже точно знал, что это была проделка моих парней. Той бутылкой водки мы обмыли свои боевые награды с начмедом дивизии. Пришлось командиру все рассказать, чтобы его больше сомнения не мучили и он мог спокойно уехать учиться в академию. «А ты мне говорил, что не твои. Я был уверен, что это дело рук твоих разведчиков». Этим он как бы подвел итог нашего разговора. И мне так показалось, что он остался доволен правотой своей давнишней версии.

На званом ужине мы с начальником связи дивизии Е. Горовым подметили, что не все офицеры штаба дивизии, начальники служб и командиры частей были приглашены генералом на это мероприятие. Но я был доволен, что оказался в числе приглашенных. И сам себе сказал, раз меня командир пригласил, значит, я служил Родине верно. Генерал Рябченко И.Ф. поблагодарил всех присутствующих за совместную службу и пожелал всем скорого возвращения в Союз. Далее он сказал, что обязанности командира дивизии будет исполнять полковник Петряков — начальник штаба дивизии. Я первый раз был в компа-

нии командира. Он оказался весьма веселым, компанейским человеком, который умел интересно рассказывать всевозможные истории.

Рано утром следующего дня командир дивизии улетел в Витебск. После окончания академии он продолжил службу в штабе Ленинградского военного округа в должности заместителя начальника штаба. В период проведения тактических учений с десантированием и боевой стрельбой в 76-й гв. ввд Рябченко всегда был представителем от округа. Вот здесь и появлялась возможность пообщаться со своим боевым командиром и вспомнить службу в Афганистане. За свою ратную службу он был награжден многими орденами и медалями, в том числе и орденом Ленина за декабрьские события 1979 года. В сентябре 96-го года прошел слух о том, что генерал-майор Рябченко И.Ф. скоропостижно скончался и похоронен на кладбище в Санкт-Петербурге. Это был очень авторитетный человек и генерал. В дивизии при назначении на вышестоящую должность каждому офицеру он лично ставил конкретные задачи и указывал его служебную перспективу. Хамство и грубость в обращении с людьми пресекал на корню, не любил наущничество и сплетни. С подчиненными всегда разговаривал вежливо и тактично. Обращался к ним по имени и отчеству, а если говорил: «Товарищ майор!», значит, жди очень серьезного разговора. Всегда и во всем разбирался и не торопился накладывать взыскания. Пользовался огромным авторитетом среди подчиненных и начальников. Офицеры дали ему благородную и красивую кличку Князь.

После убития командира дивизии боевой накал и ритм в частях и подразделениях не нарушился. Армией планировались и проводились операции разного масштаба и разной продолжительности. В каждой

из операций постоянно участвовали десантники 103-й воздушно-десантной дивизии.

Просматривая разведывательные сводки из штаба армии, накопившиеся за две недели моего отсутствия, но уже обработанные офицерами-разведчиками, становилось понятно, что для подразделений дивизии предстоит много трудных дней и бессонных ночей.

В сводках указывалось о появлении новых банд, пусть и небольших по численности, но все же их число постоянно увеличивалось, а не уменьшалось. Если раньше банды совершали нападения на колонны, как правило, приходя из провинций, которые не контролировались правительственными и советскими войсками, то сейчас их появление стали отмечать и в контролируемых войсками районах. Это прямо указывало на масштаб увеличения сопротивления законному правительству Афганистана.

ИНСПЕКЦИЯ У РАЗВЕДЧИКОВ

Весь летний период нахождения десантников в Афганистане в 1981 году обязанности командира дивизии продолжал исполнять полковник Петряков. Все были уверены, что его и утвердят в должности командира соединения, как бы сохраняя преемственность, традиции. Однако в середине сентября в штабе дивизии появилась информация, что в ближайшее время прибывает новый командир. Обсуждалось несколько фамилий кандидатов. Вначале, как принято, их обсуждали в кабинетах штаба ВДВ, а затем офицеры разных отделов и служб передавали эту информацию своим сослуживцам и друзьям в Кабул, те, в свою очередь, делились с офицерами дивизии только что полученной информацией. Поэтому

некоторое время фамилии потенциальных комдивов на бытовом уровне обсуждались в кабинетах и курилках дивизии. И каждый хотел видеть знакомого ему командира, а то и товарища по учебе или службе.

Накануне прибытия нового командира дивизии, в один из сентябрьских дней 1981 года, меня пригласил к телефону начальник разведки 40-й армии генерал-майор Дунец В.Н. Я был проинформирован о том, что в ближайшие дни ожидается прибытие начальника разведки Сухопутных войск ВС СССР генерал-лейтенанта Гридасова Ф.И. с группой офицеров. Цель приезда — проверить, как организована и проводится разведка в войсках, особенно в подразделениях, выполняющих боевые задачи самостоятельно, в отрыве от главных сил. Какова ее роль при подготовке к операциям и в ходе ведения боевых действий, как налаживается сеть осведомителей среди местного населения. Генерал Дунец попросил подготовить все руководящие и отчетные документы по организации и ведению разведки, а утерянные восстановить. Прощаясь, я заверил генерала, что десантники будут самым серьезным образом готовиться к встрече высокого руководства.

Новость о прибытии серьезной комиссии в дивизии восприняли как должное. Командование дивизии и полков вспомнило о наличии в их подчинении разведывательных подразделений, которые в ближайшее время будут подвергнуты принципиальной проверке с докладом ее результатов главному Сухопутных войск и министру обороны. По результатам работы комиссии будут судить о положении дел в дивизии и в ВДВ в целом. В соответствии с планом работы проверялись роль командования дивизии и полков в подборе и укомплектовании разведывательных подразделений личным составом и техникой, внут-

ренный порядок в подразделениях, условия жизни и быта разведчиков.

Более двадцати лет прослужил полковник Петряков в десантных войсках, но и он не смог припомнить, чтобы комиссия такого высокого уровня инспектировала разведчиков. На совещании он сказал мне: «Прибывает твой начальник, вот давай серьезно готовься к проверке». За подписью начальника штаба дивизии по каналам закрытой связи были переданы указания и рекомендации командирам батальонов, находившимся в отрыве от главных сил дивизии в Лашкаргахе, Шинданте и Митерламе. В гарнизонах Лашкаргах и Шиндант недавно работали оперативные группы штаба дивизии, а в Лашкаргахе оперативную группу возглавлял я. С документацией в штабах этих батальонов был полный порядок. Начальники разведки батальонов хорошо владели оперативной обстановкой, своевременно и качественно проводили работу среди местного населения. В планах боевых действий и отчетных документах всегда отражались мероприятия, проводимые разведывательными органами, и результаты их действий. Поэтому готовность этих батальонов к инспектированию у меня, как начальника разведки дивизии, сомнений не вызвала.

В отличие от названных гарнизонов Митерламский гарнизон из штаба дивизии давно никто не посещал. Хотя он и находился в сорока минутах лета, около пакистанской границы. Пришлось срочно вылететь попутным вертолетом «Ми-6», доставлявшим в этот район различные грузы, людей и почту. Начальник разведки батальона был назначен недавно, но с документацией у него был порядок. Предыдущий начальник оставил ему хорошее наследство и надежную сеть осведомителей. Однако ему необходимо было оказать практическую помощь по скорей-

шему освоению должности в полном объеме. В течение двух суток с ним и его разведчиками были проведены занятия, тренировки и инструктажи. На наш взгляд, и этот батальон к проверке был готов. Для информации к концу 1982 года в батальонах была введена штатная капитанская должность начальника разведки, до этого начальником разведки мог быть любой более или менее шустрый офицер.

В штабе дивизии для перестраховки лишний раз проверили все документы. Аналогичные мероприятия провели у себя начальники разведки полков. А по истечении контрольных сроков доложили в дивизию о готовности полковых разведывательных подразделений к проверке. Для большей убедительности я направил своих помощников в полки. Каждый офицер был спокоен за порядок на вверенном ему участке работы. Я доложил об этом полковнику Петрякову и генералу Дунцу. словно сговорившись, они меня как бы между прочим предупредили, чтобы я с себя ответственности не снимал. Между прочим, ко мне ни один офицер из разведотдела армии с контролем в эти дни не приезжал. Насчет других дивизий не знаю.

Тем не менее всеобщего аврала и суеты не наблюдалось. Да мы и не старались нагнетать обстановку и создавать видимость работы. Разведчики продолжали выполнять поставленные задачи в соответствии с планами командира дивизии и командующего армией: одни участвовали в боевых операциях, другие проводили в горах плановые занятия по боевой подготовке, третьи несли боевую службу на наблюдательных постах. Однако как ни говори, а психологически разведчики настраивали себя на инспекцию. В том числе и я.

Наконец наступил долгожданный день прилета начальника разведки Сухопутных войск. Утром на аэро-

дроме его встречало армейское руководство. Литерная стоянка для самолетов такого класса находилась рядом с расположением отдельной разведывательной роты дивизии. Потому десантники не исключали, что инспекция может начаться со 103-й ввд. На всякий случай мы находились на территории роты в полной готовности. Однако после небольшой беседы возле самолета с армейскими представителями генерал Гридасов Ф.И. с группой офицеров убыл в штаб армии. Мы, естественно, с облегчением вздохнули, но не расслабились.

Прошло несколько дней работы комиссии в моторелковых дивизиях и отдельных частях армейского подчинения, генерал Дунец пригласил меня к телефону. Расстроенным голосом и, если можно сказать, даже с некоторым раздражением сообщил, что офицеры комиссии в проверенных дивизиях обнаружили очень много недостатков, в том числе в оформлении рабочих документов. О быте разведчиков вообще разговаривать не хочется. «Завтра Гридасов работает у тебя, не подведи меня. Пусть завершающий день проверки будет хорошим. Я на вас, десантников, надеюсь», — напутствовал он. Он меня почему-то называл своим земляком, хотя родом был из Черниговской области.

О состоявшемся разговоре и начале проверки было немедленно доложено начальнику штаба дивизии. Петряков распорядился, чтобы оповестили всех командиров полков о начале проверки разведподразделений дивизии, а командование дивизии постоянно информировать, где и по каким вопросам работают члены комиссии. Утро следующего дня было посвящено наведению внутреннего порядка в подразделениях и на территории. Так уж было заведено перед приездом высокого начальства, как шутили ветераны — не умом так, внешним видом.

В девять часов утра на литерную стоянку подъехало несколько автомобилей. Из первой машины вышли генералы Гридасов и Дунец. Я представился им. Генералы поздоровались, а Дунец В.Н. выбрал момент и шепотом спросил: «Не подведешь?» Гридасов задал разведчикам несколько вопросов, посмотрел на часы и сказал: «Вылетаем в Джелалабад в бригаду к мотострелкам, затем к десантникам в Митерлам, а после обеда работаем непосредственно у вас в дивизии».

После этого группа вылетела на вертолете в указанные места. По закрытой связи разведчики передали командиру батальона в Митерлам о вылете к ним комиссии и попросили о результатах работы и времени вылета в Кабул немедленно доложить в штаб дивизии. До обеда оставалось время еще раз проверить все документы и исправить мелкие огрехи.

Я лично с большим волнением ждал звонка от комбата. После обеда командир батальона доложил об окончании работы комиссии и добавил, что генерал Гридасов остался доволен работой начальника разведки батальона по созданию агентурной сети среди местных жителей, похвалил за доскональное знание обстановки в зоне ответственности батальона и за грамотный доклад по существующей ситуации. Для начала хороший задел, подумал я про себя и поспешил поделиться новостью с Петряковым. Настроение стало лучше, захотелось чего-то большего. Через некоторое время вертолет с так «желанным» для меня генералом приземлился и зарулил на стоянку. Генералов и членов комиссии на аэродроме встречали я и начальники разведки всех полков с командирами разведподразделений. Гридасов с каждым офицером поздоровался за руку, задавал вопросы и внимательно, не перебивая, выслушал их

доклады. Потом обратился к ст. лейтенанту Ленцову, командиру дивизионной разведроты. «Командир, веди и показывай, как живут твои разведчики». Вся группа офицеров зашла в парк боевых машин. Техник роты представился, четко и кратко доложил о состоянии боевой техники. Здесь проверяющий увидел то, что хотел увидеть в полевых условиях, и остался доволен. На жилой территории проверил внутренний порядок в палатках, зашел в столовую, посмотрел, чем и в каких условиях питаются разведчики. В это время на передней линии проходил инструктаж двух разведывательных групп перед выходом на задание в горы. Он подошел к ним, поздоровался и удивился, что все разведчики рослые, крепкие, ладные, в чистой одежде и однообразно экипированы. Задержался возле них надолго, беседовал, задавал различные вопросы и приводил примеры выполнения боевых задач разведчиками во время Великой Отечественной войны. Чувствовалось, что у генерала поднялось настроение, наблюдая выправку этих мужественных парней, их хорошие профессиональные знания, самостоятельность суждений, чистоту и порядок во всем. Напоследок пожелал разведчикам удачи и сказал, что такого порядка при нахождении разведподразделений в полевых условиях он не видел за все послевоенное время.

После проверки городка дивизионной разведроты группа генералов и полковников переместилась в штаб дивизии и приступила к проверке документации разведывательного отделения и работы командования дивизии по вопросам руководства разведкой. Исполняющий обязанности командира дивизии полковник Петряков грамотно и со знанием дела доложил обстановку и ответил на все вопросы генерала Гридасова. После этого началась работа в моем кабинете.

Предварительно на стенах кабинета были развешаны карты с оперативной обстановкой и планами разведки 103-й ввд, на которых были отображены боевые действия разведывательных подразделений не только в зоне ответственности дивизии, но и в других районах Афганистана. Отдельно размещались планы реализации разведывательной информации, полученной из штаба 40-й армии, и результаты проведенных операций. На столе ровными стопками лежали другие документы, отработанные офицерами-разведчиками начиная с января 1980 года. Гридасов с большим интересом изучал журналы ведения разведки и боевых действий, затем заслушал меня. Вопросов было задано очень много, но на них были даны исчерпывающие ответы.

На мой взгляд, особенно старательно трудились полковники из состава комиссии, несколько раз перепроверили всю документацию, сверяли со своими записями, ну уж очень им хотелось как можно больше накопать недостатков, но в итоге бедолагам пришлось доложить генералу, что в десантной дивизии все в порядке.

Начальник разведки Сухопутных войск остался доволен посещением дивизии. Из-за ограниченного времени состояние разведки в парашютно-десантных полках не проверялось. Он поверил мне на слово, что там тоже все в порядке. На самом деле так оно и было. Пока генералы заслушивали меня, старшина дивизионной роты ст. прапорщик Н. Андрейчук на всякий случай подготовил баню, и я пригласил высоких гостей. Они были приятно удивлены, что в роте есть своя баня, и не отказались от посещения. Тем более весь день находились в перелетах. Старшина роты постарался и добыл где-то у своих прапоров березовый веник, каждому проверяющему подарил по десантной тельняшке, в том числе и «вредным»

полковникам. Старшина сказал, пусть знают нашу доброту. Были предложены и фронтовые сто граммов. Генералы уважили меня и не отказались.

После проведенных мероприятий уже у трапа вертолета Гридасов спросил меня, какие есть вопросы или просьбы. Я ответил, что в декабре заканчивается срок пребывания в Афганистане и хотел бы продолжить службу на Родине, в разведывательном управлении Белорусского военного округа. Генерал подумал и сказал: «Хорошо. Жди звонка». Группа улетела в штаб армии. В дивизии все были довольны успешной сдачей разведподразделениями проверки такого уровня. Петряков запретил разведчикам праздновать успешную сдачу проверки, но меня вечером пригласил к себе в гости.

Генерал Гридасов по итогам работы комиссии провел подведение итогов в штабе армии. В докладе особо отметил хорошую подготовку и выучку десантников в целом, и в частности разведывательных подразделений 103-й гв. влд. Выразил свою благодарность всем присутствующим за результативные действия во время проведения операций по уничтожению банд мятежников. Был доволен результатами десантников и начальник разведки 40-й армии. Позднее он мне скажет, что десантники своими высокими результатами перекрыли недостатки мотострелков и в целом в 40-й армии получилась неплохая оценка за инспекцию. Нет сомнения в том, что после сказанных слов генерала Гридасова роль и авторитет десантной дивизии в 40-й армии возросли еще выше.

Хочу от себя добавить о его порядочности и офицерском слове, данном мне. Примерно через месяц мне в Кабул лично позвонил начальник разведуправления Белорусского военного округа генерал Иванов и предложил на выбор несколько должностей. Все предложенные должности были в г. Гродно, но я на-

стаивал на должности в разведуправлении. Немного подумав, Иванов сказал — жди, время еще есть. В конце января 1982 года действительно пришел запрос из ГРУ в штаб ВДВ о переводе меня в г. Минск. И тогда командующий ВДВ генерал-полковник Д.С. Сухоруков предложил кадровой службе найти мне должность непосредственно в штабе ВДВ. В первых числах февраля 1982 года у нас в Кабуле работала группа офицеров ВДВ, и полковник П.Г. Жигульский, мой будущий начальник, как бы намекнул о переводе меня в Москву в боевую подготовку. Позднее мне все подробно рассказал А.В. Кукушкин, начальник разведки войск, и добавил: своими кадрами десантники не разбрасываются. Вот так я оказался в управлении боевой подготовки Воздушно-десантных войск. Прямо скажу, я дальнейшей своей службой был всегда доволен. Доволен и тем, что я тоже вложил частицу своего труда в развитие боеготовности любимых Воздушно-десантных войск.

НОВЫЙ КОМАНДИР ДИВИЗИИ

Настало время, когда действительно в дивизию прибыл новый командир. Им оказался полковник Слюсарь А.Е., заместитель командира 76-й гв. ввд. Вскоре он стал генералом. Петряков, которому не высветилась генеральская должность, вскорости убыл военкомом в одну из захолустных областей Киргизии, после некоторого возмущения его перевели в Ленинабадскую область. Место для службы по офицерским меркам вполне нормальное.

С первого дня, как и положено в военной среде, было представление нового командира и знакомство с подчиненными. Хотя основательное знакомство с каждым начальником службы и командирами частей

проходило несколько позднее. С одним в процессе выполнения боевой задачи, с другими — во время посещения частей. Схожесть взглядов на вопросы организации разведки в дивизии была воспринята офицерами разведки как положительное начало совместной боевой работы. С того времени особенно мне часто приходилось общаться с командиром как в повседневной жизни, так и в районах боевых действий. Новый командир не считал зазорным и поднялся на гору Ходжа-Раваш, где был оборудован наблюдательный пункт дивизионной разведки, сделал ряд критических замечаний по вопросу инженерного оборудования укрытий для личного состава.

Я видел его, немногословного в решениях, строгого в оценках, в роли руководителя операции по ликвидации бандформирований в районе боевых действий. Часто после раннего подъема он обходил объекты новостроек, особенно часто бывал на территории 350-го гв. пдп и артиллерийского полка. Хотелось бы отметить, что к каждому начальнику службы и командиру части у него был свой особенный подход. Шаблонов в его работе не было. К офицерам, которые постоянно принимали участие в боевых действиях, он проявлял какую-то командирскую лояльность, но был строгим в отношении нерадивых офицеров. Прослужил я с новым командиром дивизии около года. Вместе с ним часто выполняли боевые задачи во многих провинциях Афганистана. После замены и убытия из Афганистана я, как бывший начальник разведки, вспоминаю своего командира теплыми, добрыми словами. Да и потом, намного позже, проходя службу в управлении командующего ВДВ, часто встречался с ним, теперь уже Героем Советского Союза и начальником нашего десантного училища, и всегда у нас было о чем поговорить, что вспомнить. Какую я заработал у него оценку за со-

вместную службу, не знаю, но был один случай. Как-то мы, начальники служб, вернувшись из очередной «войны», искупались в бане и немного загуляли. Утром он нас всех собрал и каждому высказал свое мнение с соответствующей формулировкой, мне сказал: «Михаил, а тебе формулировку придумаю», — но так до конца совместной службы и не придумал.

Прибытие полковника Слюсаря в Кабул совпало с обострением военно-политической обстановки в Афганистане. Стали чаще планироваться боевые операции по плану 40-й армии и по линии главного военного советника. Увеличилось количество операций по реализации разведданных штаба 40-й армии в зоне ответственности дивизии. Много проводилось боевых мероприятий разведподразделениями дивизии по реализации собственных разведывательных данных севернее аэродрома «Кабул». Так что А.Е. Слюсарю досталось.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ БОЕМ

Прошло более полугода с тех пор, как разведчики решительными действиями вынудили состоящую в основном из местных жителей банду в кишлаке Тарахейль надолго отказаться от действий в районе проживания и отдыха после проведения вылазок. Бандит хуже волка, волк, где живет, там баранов не жрет, бандиту все равно. Кодекс чести отсутствует напроць. Ну так вот, осенью 1981 года активисты руководителя партийного комитета Залмая выследили одного моджахеда, который утром уходил из одного дома на северной окраине кишлака. При задержании бандит оказал вооруженное сопротивление и был ранен, на допросе дал показания, что отдельные молодые жители кишлака, состоящие в банде, регулярно

в темное время приходят в дома своих родителей, чтобы отдохнуть и запастись продуктами питания. Залмай поделился со мной информацией, полученной при допросе задержанного, и некоторыми своими предположениями в отношении местных жителей. Банда в основном занимается разбоем и нападает на большегрузные автомобили местных фирм, которые перевозят товары народного потребления. Иногда организовывает засады на одиночные машины Советской армии, как бы показывая свою работу, чтобы в дальнейшем не подвергать себя разборкам со стороны более влиятельных полевых командиров. Эту информацию я довел до начальника оперативного отдела дивизии полковника Яренко, который исполнял обязанности начальника штаба дивизии. В свое время мы учились в Рязанском десантном училище и одновременно его окончили, но в разное время прибыли в Афганистан. У нас были хорошие служебные и товарищеские отношения, которые сохранились еще со времен совместной учебы.

Обсудив сложившуюся обстановку, решили использовать трофейный автобус «Икарус», который находился на территории ремонтного батальона, и под видом маршрутного автобуса провести визуальную разведку северного района кишлака Тарахейль. Далее проверить маршруты и небольшие населенные пункты северо-восточнее Кабула и путем наблюдения оценить на местности ситуацию, а при необходимости уничтожать вооруженных людей, которые будут встречаться на маршруте ведения разведки. Не откладывая задуманное в долгий ящик, незамедлительно приступили к подготовке автобуса. Вырезали бойницы, вдоль бортов закрепили мешки с песком. В целом на подготовку ушло не менее недели. Одновременно готовилась разведывательная группа дивизионной разведки.

В это же время в дивизию прибыла группа офицеров управления командующего ВДВ. В их составе был начальник разведки войск полковник Кукушкин А.В. У него имелся богатый опыт боевых действий, приобретенный в годы Великой Отечественной войны. Следует подчеркнуть, это его очередная командировка в Афганистан. Он был внимателен к нуждам подчиненных. Всегда привозил необходимые канцелярские товары, какие-нибудь новинки по разведке, литературу, пособия и наставления, а начальнику разведки от себя лично всегда вручал фронтовой сувенир. Я в долгу за его внимательность и заботу никогда не оставался.

Приезд группы совпал с подготовкой одного из батальонов 350-го полка и артиллерии к проведению боевых действий западнее Кабула в районе населенного пункта Пагман. Естественно, я работал по плану начальника разведки ВДВ, а подготовкой и проведением операции по разведке севернее кишлака Тарахейль занимался Яренко и Ленцов, командир дивизионной разведроты. Так вот, проведя инструктаж подразделений к предстоящим боевым действиям, проверив экипировку разведроты 350-го гв. пдп, а также зная ими своих задач и пожелав им удачи, Кукушкин и я прибыли в штаб дивизии.

Оперативный дежурный направил меня к командиру дивизии, генералу Слюсарю А.Е. Внешне было заметно, что командир готов выпустить пар, надо отдать ему должное, это он сделал добросовестно. «Где Яренко с разведгруппой? Куда они убыли на ночь глядя? Почему с ними нет радиосвязи?» и так далее. Вопросы столь неожиданны, что только развести руками и попытаться выяснить ситуацию.

В это время события развивались следующим образом. После обеда полковник Яренко, пока мы с начальником готовили группировку к боевым дейст-

виям, не поставив меня в известность, выехал с разведгруппой на автобусе из военного городка и направился в предгорье. За аэродромом со стороны неприятеля велось постоянное наблюдение. Одиночный автобус, следующий со стороны города в бандитский район и так не похожий на обычную «бурбашайку», вызвал у наблюдателей особый интерес. На крышах домов кишлака Тарахейль появились любопытные местные жители. Тем не менее автобус благополучно проследовал через центральную площадь и направился дальше на север, колеся по кишлакам и проселочным дорогам. Местное население с любопытством наблюдало за его маневрами. По всей видимости, разведчики переборщили со своими выкрутасами на местности, и это вызвало не только любопытство, но и некоторое подозрение. Стало темнеть, пора возвращаться на базу. Когда уже подъезжали к ближайшим домам кишлака, в направлении автобуса было произведено несколько выстрелов из гранатомета. Гранаты не попали в цель. По законам, существующим в бандах, плохие стрелки наказываются в основном лишением денег.

Разведчики поняли: через кишлак на автобусе не проехать, и вернулись обратно в поле, предварительно вызвав к себе бронегруппу, которая находилась постоянно на связи. Стемнело, издали по свету от фар было видно, что к разведчикам выдвигаются боевые машины. Решили развернуться и ехать навстречу. При развороте в темноте попали в глубокую яму. Автобус застрял. И ни туда, ни сюда. Разведчики быстро оставили его салон и заняли круговую оборону. Очень вовремя выполнили этот маневр, потому что с ближайшего оврага их стали обстреливать из стрелкового оружия. Разведчики открыли ответный огонь. В это время подошла бронегруппа. Огнем из пушек и пулеметов обработали овраг и мелкие кус-

тарники. Стрельба из оврага прекратилась. Автобус решили уничтожить и не возиться с ним. Произвели три выстрела по салону и двигателю. Когда колонна боевых машин подъехала к площади в кишлаке, из ближайших кустов был произведен выстрел из гранатомета. Граната пролетела выше цели и взорвалась во дворе одного из домов. В направлении выстрела ушли сотни трассирующих пуль, а потом огонь перенесли на ближайший виноградник. Разведчики первой машины быстро спешили и проверили место стрельбы из гранатомета. Гранатометчик был уничтожен, а сам гранатомет искорежен пулями. Трассирующие пули, особенно ночью, всегда впечатляюще действовали на мятежников.

Благополучно миновав кишлак, через некоторое время разведчики прибыли в свое расположение. В целом этот рейд для всех закончился благополучно, за исключением меня и начальника оперативного отдела, которым командир дивизии устроил приличный разнос за несогласованные, самостоятельные действия. От более серьезных последствий нас уберегло присутствие начальника разведки ВДВ. После устроенной комдивом для нас бани мы с Яренко пригласили Кукушкина и ушли к разведчикам в настоящую баню, приготовленную старшиной роты, и смыли свой сегодняшний грех.

Тем не менее утром ко мне прибыл секретарь местного партийного комитета и поинтересовался, кто действовал в кишлаке вчера вечером. Конечно, ответ был отрицательным — не наши солдаты. Существовала определенная этика взаимоотношений даже с местными руководителями, и я ее всегда строго придерживался. Однако результат рейда все же был. Кроме гранатометчика разведчики уничтожили двоих мятежников в овраге и одного в винограднике. Вот с таким результатом закончилась операция по развед-

ке местности. Кстати, нужно сказать насчет автобуса — утром он бесследно исчез.

Искать его не стали, аллах дал, аллах забрал. Подведение итогов данной операции мы с Яренко как начальники провели сами и сделали необходимые выводы. По докладам секретаря Залмая, мятежники из кишлака Тарахейль, загнанные в тупик непонятным для них маневром шурави, решили смыться подальше от греха. И этой же ночью ушли в неизвестном направлении, притаились, но люди Залмая вскоре все узнают и своевременно расскажут десантникам.

Благодаря настойчивым и активным действиям разведподразделений в зоне ответственности дивизии мятежники чувствовали себя как на вулкане. Операции по обнаружению и уничтожению духов проводились как днем, так и ночью.

УЧЕБА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

В октябре 1981 года разведчики дивизионной разведроты с наблюдательного поста на горе Ходжа-Раваш обратили внимание на то, что примерно в одно и то же время в населенный пункт Анджирак, около четырех километров севернее Кабула, к вечеру каждого дня по обочине дороги поодиночке движутся люди. В результате получается группа 5—6 человек. Двигаются они со стороны оврага и виноградника, как-то странно, с опаской, оглядываясь по сторонам. С рассветом они торопливо покидают кишлак и по оврагу через виноградники уходят в северном направлении. Это заинтересовало разведчиков. Наблюдение было усилено, и сразу же начала вырисовываться некоторая закономерность, которую позднее подтвердят и люди секретаря парткома.

Я связался по телефону с армейскими разведчиками, у них по этому кишлаку не оказалось нужной информации. А подавать по команде заявку на разведку района — наверняка потерять пару недель. За это время обстановка может измениться. Тогда было принято решение: самостоятельно подготовить и провести частную операцию по ликвидации небольшой бандитской группы.

Кроме уничтожения мятежников я преследовал еще одну немаловажную цель. Проведение операции поучительно для молодых лейтенантов, недавно прибывших в разведподразделения после окончания военных училищ. К этому времени на вышестоящие должности убыли все командиры полковых разведывательных рот. Заменились и убыли в Союз начальники разведки двух полков. Два молодых офицера прибыли в дивизионную роту. Произошла целая цепочка перемещений по офицерским должностям.

Полученная развединформация оказалась, как никогда, кстати. Давно назрела необходимость потихоньку втягивать молодежь в боевые дела. Чтобы не потерять преемственность и традиции по качеству и эффективности ведения разведки, и возникла эта идея — в реальной боевой обстановке показать офицерам методику и порядок реализации разведчиками данных агентурной разведки и наблюдения. Я эту идею продумал и доложил командиру дивизии. Он с ней не расставался где-то дня два, потом одобрил. И мы незамедлительно приступили к разработке плана подготовки и проведения операции. Все это время полковые разведгруппы продолжали вести наблюдение за кишлаком, местностью вокруг него и всеми прилегающими дорогами и тропами.

Анджирак был удачно расположен. Он был прикрыт высокими сопками и практически не просматривался из долины, а тем более со стороны Кабула.

Он просматривался только с наблюдательных постов, так как они располагались значительно выше сопков, прикрывающих нужный кишлак. Лучшего места для укрытия и отдыха моджахедам не найти. Однако у них вышла промашка: как ни маскировались, а в поле зрения разведчиков попались.

Собрали нужную информацию и через людей Залмая. По их данным, небольшая группа мятежников облюбовала для ночлежки в кишлаке заброшенный дом. Оказалось, это люди из банды Мохаммеда. Часть банды в начале летней кампании была уничтожена десантниками, а оставшиеся в живых днем прятались в зеленой зоне, в оврагах, а с наступлением сумерек расходились по кишлакам.

По данным Залмая, на вооружении в банде только стрелковое оружие, имеется несколько гранатометов. Главарь прошел подготовку в одном из учебных центров в Пакистане. Банда иногда устраивает засады на дороге Кабул — Баграм на автомобилях, перевозящие товары народного потребления. Недавно духи планировали обстрел сторожевой заставы мотострелков, расположенной недалеко от г. Мирбачакот, но что-то у них в последний момент разладилось. Руководители банд на должности назначаются надолго, поэтому стараются избегать прямого боевого столкновения. Погибают они, как правило, при спорном разделе награбленного имущества, денежного вознаграждения, адресной боевой операции наших или правительственных войск.

В течение следующего дня, соблюдая меры маскировки, мы с офицерами разведподразделений и сержантами дивизионной разведроты собрались на горе Ходжа-Бугра, где изучили объект захвата, прилегающую местность, определили задачи разведорганам, маршруты выдвижения и порядок блокирования населенного пункта. Под покровом темноты

спустились с горы и с чувством ответственности убь-
ли в свои подразделения.

В течение второго дня разведчики готовили техни-
ку и вооружение, средства связи и уточняли детали
предстоящей операции. К исходу второго дня я доло-
жил Слюсарю план действий по уничтожению банды.
Командир дивизии внимательно выслушал мой док-
лад, некоторое время о чем-то думал, потом дал
свое командирское «добро» и рекомендации на вы-
полнение боевой задачи.

На третий день за два часа до рассвета дивизион-
ная разведывательная рота с приданной самоход-
но-артиллерийской установкой начала выдвижение к
объекту захвата на малой скорости с потушенными
фарами. Разведывательная рота 350-го полка одно-
временно начала движение к дороге Кабул — Баграм
с задачей блокировать предгорье с западной сторо-
ны и не допустить отхода мятежников со стороны
Анджирака. С выходом колонны боевых машин диви-
зионной роты к кишлаку на расстояние до полутора
километров разведывательные группы стремитель-
но, на большой скорости ушли на указанные им рубе-
жи блокирования.

Перед началом штурма самоходно-артиллерий-
ская установка произвела выстрел по воротам нуж-
ного нам дома, которые разлетелись на мелкие щеп-
ки. Разведчики для этих целей всегда использовали
оружие самоходки. Пыль от взрыва еще не успела
осесть, а разведывательная группа ст. лейтенанта
Богатикова ворвалась в дом и приступила к захвату
душманов. Души были настолько уверены в своей
безопасности, что даже не удосужились выставить
охрану.

Жилища афганцев были однотипными. Внутри вы-
сокого забора, который примыкал к стенам дома, ко-
лодец, небольшой огород, несколько фруктовых де-

ревьев и сарай для животных. Дом пустовал, хозяева давно покинули его и уехали в неизвестном направлении. Естественно, что он моментально стал бандитской перевалочной базой и бесплатной гостиницей, точнее, ночлежкой. Захват дома произошел так быстро и неожиданно, что никто не успел оказать сопротивление. Трех бандитов взяли врасплох с оружием. Еще одного душмана, вооруженного охотничьим ружьем, который пытался спрятаться в огороде, задержал и обезоружил командир роты ст. лейтенант Ленцов. На все действия ушло немногим больше десяти минут. Местных жителей среди пленных не оказалось, но переполох в кишлаке уже начался. Еще бы — такой выстрел, а тем более взрыв.

Предварительный допрос пленных проводить не стали, решили это сделать в присутствии секретаря парткома Залмая. Разведчики осуществили быстрый сбор и посадку на боевые машины. Колонна начала движение к партийному комитету. Разведчики с наблюдательных постов доложили, что в кишлаке обстановка спокойная, только на крышах некоторых домов стали появляться люди. Скорее всего это были любопытные, наблюдавшие за развитием дальнейших событий, решили разведчики. Позднее выяснилось, что они знали о том, по крайней мере, некоторые из них, что ждет десантников в ближайшие минуты, и, видимо, злорадствовали над шурави.

Как только колонна подошла к населенному пункту Паймунар, произошел подрыв самоходно-артиллерийской установки. Она в колонне была первой, за ней двигался мой бронетранспортер. Взрывом у самоходки разбило гусеницу и оторвало опорный каток, а у меня и механика-водителя с головы сорвало шлемофоны, зазвенело в ушах. Мы были в машине по-походному. Звон в голове не проходил до обеда. Экипаж самоходки не пострадал. Тотчас разведчики

изготовились к бою. Боевыми машинами прикрыли «САУ-85», а механики-водители быстро устранили неисправность, соединили и натянули гусеницу. Решил после такой передрыги с Залмаем не встречаться, а идти прямо на базу. Минут через пятнадцать колонна снова тронулась в путь, но уже не по дороге, а назло местным жителям через их огороды и виноградники, где мин точно не было. Они с негодованием наблюдали за маневром разведчиков с крыш своих домов.

В расположении провели предварительный допрос пленных. Те подтвердили, что их группа входит в состав банды Мохаммеда, а он сам уже некоторое время отсутствует. Каждая группа знает только свой пункт сбора в дневное время, где собираются другие — неизвестно. После обеда их передали в разведотдел армии, а трофейное оружие — на склад вооружения дивизии.

При подведении итогов этой операции было обращено особое внимание на инженерную разведку местности и маршрутов выдвижения, на выявление разведывательных признаков, указывающих на установку одиночных мин, участков минирования или минно-взрывных заграждений. Как правило, те, кто устанавливает мины произвольно, оставляют много следов, а специально где-то рядом устанавливаются метки или ориентиры, их надо грамотно прочитать. В данном случае все обошлось без серьезных последствий, так как была установлена обычная итальянская противогусеничная мина без дополнительного заряда.

Остался открытым один вопрос: как смогли دشманы установить мину на глазах у разведчиков, которые вели наблюдение с горы Ходжа-Раваш за местностью и движущейся колонной? С горы все отлично просматривается. За это дело взялся лично Лен-

цов А.И. Изучил карту, местность, произвел измерения и пришел к выводу, что мина была установлена в так называемой мертвой зоне, которая не просматривалась с горы из-за небольшого бугорка. Это был очень маленький участок. Видимо, нашелся специалист из кишлака Паймунар, который определил это место, выбрал удобный момент и, когда колонна прошла, на колее установил мину. Люди Залмая его вычислили и, когда он вез виноград на рынок в Кабул, арестовали и доставили в райком. Там активисты устроили ему такой допрос, что он показал, где спрятаны две оставшиеся мины, и рассказал все, что знал и не знал. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Без всякого сомнения, ключевая роль в подготовке и проведении этого поучительного, своевременного и нужного методического занятия в боевой обстановке принадлежит дивизионным разведчикам и непосредственно их командиру ст. лейтенанту А. Ленцову. Не менее важной была задача по обеспечению действий дивизионных разведчиков в ходе захвата мятежников. Ее с успехом выполнили разведчики полковых рот.

Из этого занятия молодые офицеры усвоили все необходимое для дальнейших самостоятельных разведывательных действий. В одну из ночей с их участием разведчики потревожили сон жителей кишлака Паймунар. Захватили дом, где жил председатель исламского комитета, и арестовали его. Своими действиями разведчики напомнили местным жителям, что с соседями надо жить мирно, а безобразничать на дорогах нельзя, тем более ставить мины, за это придется серьезно отвечать. Председателя исламского комитета после обработки передали в партийный комитет.

В процессе дальнейшей работы разведчики старались не упускать из поля зрения кочевников, кото-

рых было полно на севере Кабула, и регулярно проводили с ними профилактические мероприятия. Собирали старейшин кочевых племен, доводили до них требования советских военных по будущему мирному сосуществованию, сообщали, что будет за укрыительство бандитов. Иногда их тревожили по ночам, как бы напоминая: мы всегда с вами и совсем рядом. Надо отдать им должное — они старались придерживаться мирных принципов.

При моем очередном посещении партийного комитета и обсуждении с товарищем Залмаем обстановки в подконтрольном ему районе как-то само собой речь зашла о том, что назрела необходимость собрать старейшин кишлаков его района и пригласить советского командира, главного в этом районе. Эта идея у него возникла в ходе беседы со старейшинами кишлака Паймунар. Я заверил его, что доложу об этом командиру дивизии и в ближайшее время Залмай получит ответ.

В этот день секретарь не ожидал моего приезда и торопился на встречу со своим руководством в Кабуле. Я еще некоторое время оставался в здании комитета, встретился с нужным мне человеком, получил необходимые сведения и убыл в штаб дивизии на доклад к полковнику Слюсарю. Он внимательно выслушал суть предложения Залмая и сказал: «А что, возможно, и будет какая-то польза от этой встречи. Передай своему секретарю, чтобы встречу организовал в их выходной, в ближайшую пятницу».

Обеспечение безопасности мероприятия возложили на командира дивизионной роты Ленцова. К обеду ближайшей пятницы к зданию партийного комитета по одному и небольшими группами потянулись старики. Собралось более полусотни человек. Беседа начиналась с трудом, чувствовалось какое-то недоверие и отчуждение. Но после выступления Залмая

старики разговорились. Начали задавать вопросы, при этом внимательно следили за реакцией Слюсаря. Им было непонятно, почему стреляют и бомбят, они хотели знать, когда это все закончится. С ответной речью выступил командир дивизии. Он обратил внимание старейшин на непрекращающиеся обстрелы и нападения душманов из их родных кишлаков на советские колонны и расположения войск. Добавил, что и впредь будет поддерживать порядок в зоне ответственности дивизии и жесткими методами отвечать на бандитские вылазки. Если у старейшин возникнут к нему вопросы или появятся проблемы, которые необходимо решать с помощью шурави, необходимо их передавать через секретаря райкома, и они будут рассматриваться советским командованием. Под конец беседы некоторые старики с нескрываемым интересом расспрашивали командира дивизии о семье и детях, как живут люди в Союзе. Командир рассказал им о своей семье, о житье-бытье народа. Сравнивая жизнь, к примеру, советского узбека с жизнью нынешнего афганца, смело можно рапортовать: узбек одной ногой стоит на пороге коммунизма. У афганца царит еще кетмень и соха. Через два часа встреча закончилась. Однако старики не спешили расходиться, а собрались по группам и что-то еще долго обсуждали между собой. В кои-то веки им еще придется всем вместе собраться и почесать языки. И уже когда стало темнеть, не спеша стали расходиться по своим кишлакам.

Через несколько дней при очередной встрече Залмай сообщил мне, что многие старейшины в своих кишлаках собрали жителей и довели до них требования советского командира. После этой беседы некоторое время в округе была тишина и спокойствие. Ночью не было стрельбы, прекратились обстрелы колонн и подразделений. Видимо, старейшины повери-

ли полковнику Слюсарю. Но со временем иностранные наемники начали нарушать все соглашения, и обстановка снова стала осложняться в районе ответственности дивизии. Тем не менее такие встречи стали практиковаться и далее. Были попытки проводить подобные митинги в районах боевых действий, но ничего, кроме обид, они не приносили. Позднее от таких мероприятий в районах, где происходили боевые столкновения, военные отказались.

ПОТРЕВОЖИМ ПРИЮТ ДУШМАНОВ

Вокруг столицы было предостаточно прекрасных мест, где знать и богатые люди могли прожигать жизнь в свое удовольствие. Об одном из таких уголков я и хочу рассказать. В десяти километрах западнее Кабула начинается очень красивая местность — своеобразный восточный природный заповедник. Снежные вершины гор и вечнозеленые вековые леса в предгорье, альпийские луга и хрустальные горные реки, обширные фруктовые сады и прекрасные голубые водоемы, зажиточные кишлаки и виллы богатей. Это — Пагман. В этом районе обосновались богатые люди, королевская знать, представители бизнес-элиты и кабульские чиновники высокого ранга. Пагман был превращен в зону комфортного отдыха. При королевской власти работала большая сеть кафе и ресторанов и, несмотря на мусульманский шариат и сухой закон, спиртное лилось рекой. Сеть казино и публичных домов обслуживала любого желающего и имеющего деньги. Район постепенно наводнился людьми различных профессий и занятий. Наряду с богачами и празднично проводящей время знатью всюду резвились шулеры, воры, разбойники всех мастей. Появились деловые люди с хорошей коммерческой хваткой

и лица с богатым криминальным прошлым. Они быстро взяли под контроль всю развлекательную индустрию, организовали местные мафиозные кланы и стали жить и процветать в своем криминальном бизнесе.

Однако Апрельская революция разрушила эту идиллию. Богатые люди, королевская семья и основная часть элиты сбежали за границу. Вместе с ними исчезли колоссальные деньги. С огромной массой чиновников коммунисты быстро разобрались. Часть из них была расстреляна, часть надолго поселилась в тюрьмах, многие лишились своих постов. Здесь уже было не до отдыха и развлечений. Процветавший некогда Пагман стал тускнеть и хиреть на глазах.

Оставшаяся в живых разнокалиберная братва нуждалась в огромных деньгах, а где их взять? Ответ нашелся быстро — разбой на дорогах и торговых путях. Старое, вечно процветающее ремесло. Быстро были определены зоны ответственности и созданы хорошо вооруженные бандитские группы. Грабили всех подряд, кроме представителей государства, поэтому милиция и армия не вели с ними борьбу. Однако со временем в их рядах появились бывшие феодалы и их отпрыски, представители сверженной знати и обиженные чиновники. Разбой быстро получил различные политические оттенки и превратился в оппозиционную, партизанскую и междоусобную войну против новой власти. Постепенно в нее втянулись милиция и армия, и эта ситуация из Пагмана распространилась по всему Афганистану.

С вводом в страну советских войск война получила национальную окраску и превратилась в борьбу против неверных, оккупировавших Афганистан. Теперь появилась хорошая возможность иметь большие деньги за счет распродажи местному населению

различных грузов из разграбленных советских и афганских автомашин.

В армейских разведывательных сводках стали отмечаться случаи захвата большегрузных автомобилей с различными грузами и угона их в район Пагмана. На одном из таких документов была резолюция начальника штаба 40-й армии: «Командиру 103-й ввд. Реализовать и доложить». Такая резолюция, как правило, переадресовывалась начальнику разведки, то есть мне, только в более расширенном виде и с указанием конкретных пунктов для исполнения.

Разведчики уже привыкли к выполнению внезапно возникавших задач. Закипела работа по подготовке к боевым действиям подразделений, техники и вооружения. Заблаговременно была проведена разведка местности, в том числе и воздушная, определены подразделениям места для организации засад. Все разведчики отнеслись к подготовке операции очень ответственно и со знанием дела. Они прекрасно знали, что может произойти в ходе боя, если заранее не будут всесторонне рассмотрены вопросы боевых действий. Ошибки исправить под огнем противника будет невозможно. Приказывать им, ставить задачи и заставлять выполнять различные мероприятия не было необходимости. С первых дней пребывания в Афганистане все были приучены к самостоятельной и инициативной работе. Дополнительного контроля и мер принуждения не требовалось. Каждый понимал личную и коллективную ответственность за конечный результат, за выполнение боевых задач без потерь товарищей. Конечно, многие скажут, что здесь ничего удивительного нет, в разведку отбирают лучших, достойных и всесторонне подготовленных людей. Это так, а вот сделать из вчерашних школьников профессионалов своего дела — процесс длительный и трудоемкий. На их плечи ложилась неимоверная на-

грузка и великая ответственность. Всем хотелось служить в разведывательных подразделениях, и очень многие завидовали по-хорошему, белой завистью тем, кто оказался в рядах самых подготовленных десантников.

Операцию я планировал провести силами двух разведывательных рот: дивизионной и ротой 350-го гв. пдп. Они чаще других разведподразделений принимали участие в боях, имели большой опыт как совместных, так и самостоятельных боевых действий. Подразделения размещались практически в одном военном городке, чувствовали локоть друг друга, часто взаимодействовали во время ведения разведки. Офицеры, прапорщики и солдаты часто заходили друг к другу в гости.

Командир роты 350-го гв. пдп. ст. лейтенант Марченко В.Г. был назначен на вышестоящую должность, а на его место — ст. лейтенант Плавский В.В., офицер грамотный и, как говорят в военных кругах, толковый.

Проблем у старших начальников в связи с вращением его в должность не было. Свою работу с подчиненными он строил на повышение уже достигнутых результатов. На период подготовки и проведения задуманной операции задачи ведения разведки в зоне ответственности дивизии и вокруг горы Хаджа-Раваш возложили на личный состав разведроты 317-го гв. пдп.

К исходу второго дня подготовки к операции была проведена дополнительная воздушная разведка, на этом все подготовительные мероприятия были завершены. В ходе воздушной разведки и рекогносцировки еще раз были уточнены места устройства засад. Для них выбрали две господствующие высоты на северной окраине Пагмана. Наземное наблюдение за этой местностью подтвердило правильность вы-

бранного решения. С начальником артиллерии дивизии определили участки сосредоточенного огня и районы подсветки ночью, где можно по вызову разведчиков в случае необходимости поддержать их действия огнем. Была подана заявка на авиационную поддержку и прикрытие с воздуха. Для этого выделена пара боевых вертолетов, находившихся на аэродроме в режиме ожидания, в готовности через десять минут после вызова нанести удар по целеуказаниям разведчиков. На макете местности уточнены все задачи и детально отработано взаимодействие со всеми разведгруппами, приданными и поддерживающими силами и средствами. Отработка вопросов взаимодействия давно стала составной частью подготовки операции, особенно когда небольшие по численности разведывательные группы самостоятельно выполняют боевые задачи на отдельных направлениях.

Однажды 345-й опдп проводил операцию у входа в Панджшерское ущелье. Разведрота полка¹ заняла господствующую высоту. Ночью душманы предприняли попытку захвата высоты. В течение ночи были отбиты три атаки на позиции разведчиков. Моджахеды (они были в черных рубашках) понесли большие потери, только убитых оказалось 23 человека. Черный цвет одежды — отличительная черта банд специального назначения, подготовленных на территории Пакистана иностранными инструкторами, специализирующимися на разведывательно-диверсионной деятельности и террористических актах. Это был первый бой в этом районе с душманским спецназом, в котором десантники вышли победителями.

¹ Командир ст. лейтенант Попов А.В.

В самый напряженный момент боя разведчикам потребовалась поддержка огнем артиллерии и подсветка местности осветительными минами и снарядами. В высоком профессионализме нашим артиллеристам не откажешь, это всем известно. Однако пока уточнялись огневые задачи и производилась пристрелка на местности, было упущено много времени. Оказалось, старшие начальники не предусмотрели возможность ночного штурма высоты и не организовали артиллерийскую поддержку ночного боя разведчиков. Их ошибка могла дорогого стоить разведчикам.

После проведенной на вертолетах рекогносцировки Пагмана я зашел к командиру авиабазы подполковнику Павлову для согласования последних данных по взаимодействию вертолетчиков и разведчиков.

С Павловым мы были знакомы с первых дней пребывания в Афганистане, а произошло это при следующих обстоятельствах. Наши доблестные соколы вылетали на боевые действия днем и ночью в нелетную погоду, в любой район. При этом нарушались все существующие инструкции, написанные для полетов в мирное время, боевая обстановка вносила свои коррективы, и эти нарушения списывались на войну при условии успешного выполнения боевого задания. Однажды ночью было совершено нападение душманов на ближний привод аэродрома, обеспечивающий управление авиацией при взлете и посадке самолетов и вертолетов. Привод находился в шести-стах метрах за взлетной полосой, недалеко от боевого охранения зенитно-ракетного дивизиона 103-й дивизии. Командовал дивизионом подполковник Савицкий В.П. Зенитчики открыли по нападавшим ответный шквальный огонь. К ним на помощь быстро подошел резерв из дивизионной разведроты. Командир авиабазы подполковник Павлов без разрешения

старшего начальника поднял в воздух вертолет и в кромешной темноте начал обстреливать из пулеметов зеленую зону, в том числе и позиции десантников. Десантники в долгу не остались и шандарахнули по вертолету из стрелкового оружия. Результат ничейный. На рассвете на месте боевого столкновения нашли троих погибших душманов.

Один из нападавших оказался жителем кишлака Зимма, находившегося недалеко от Кабула. При осмотре вертолета обнаружено несколько пулевых пробоин. Командование армии расценило ночной полет как воздушное хулиганство и назначило служебное расследование. Провести его было поручено командованию 103-й дивизии, ответственной за охрану и оборону авиабазы. Командир дивизии по отработанной схеме передал указание мне.

Павлов рассказал о сути дела и добавил, что по-другому в той ситуации он поступить не мог. Совершенно нападение на объект аэродрома, начался бой прямо на окраине подчиненной ему авиабазы, он был обязан поддержать десантников с воздуха, несмотря на темное время, а вылет перепоручать не стал и сделал его как командир сам. Я свои выводы доложил командиру дивизии, тот — командующему армией, что решение Павлов принял правильное и в сложившейся обстановке его действия были рискованными, но целесообразными. Вопрос о привлечении офицера к дисциплинарной ответственности был снят. Вот так он и стал как бы моим должником¹.

¹ Впоследствии полковник Павлов стал Героем Советского Союза, командующим армейской авиацией Вооруженных Сил России, генерал-полковником. В 2003 году его военная карьера завершилась. В Чечне боевиками был сбит военно-транспортный вертолет «Ми-26». Погибло много военнослужащих. Крайним оказался командующий армейской авиацией.

Готовность к выполнению поставленной задачи была полной, я доложил об этом командиру дивизии. Полковник Слюсарь выслушал доклад, некоторое время уточнял порядок действий, обратил внимание на поддержание постоянной связи и строгое соблюдение мер безопасности и предосторожности в ходе операции. Он очень строго спрашивал с подчиненных ему командиров за каждого раненого военнослужащего, не говоря уже о погибших.

После обеда разведчики позволили себе расслабиться и отдохнуть, а с наступлением сумерек стали готовиться к выходу в район разведки и проведения засад. Ближе к полуночи колонна боевых машин с потушенными фарами на малой скорости начала двигаться в район спешивания разведгрупп. Высадка разведчиков проходила на ходу, а боевые машины продолжили движение в ранее указанный район сбора техники, находившийся на удалении трех километров. Личный состав разведывательных рот быстро собрался и бесшумно, соблюдая меры охранения и предосторожности, направился в район организации засады. Примерно в назначенное время подразделения заняли указанные высоты и осторожно, без лишнего шума оборудовали и замаскировали свои позиции.

Вокруг все тихо и спокойно. Окна некоторых домов населенного пункта тускло светились. Иногда слышался лай собак. Стояла обычная для этих мест очень темная ночь. По радио разведчики доложили о готовности к выполнению поставленной задачи. Боевые машины были сосредоточены в лощине, которая скрывала их от посторонних и любопытных глаз. Совместно с бронегруппой находилась резервная разведгруппа от разведроты 357-го гв. пдп., готовая по сигналу из района засады выйти в указанное ей место и выполнить внезапно возникшую задачу, в боевой

обстановке они возникали часто и, самое главное, там, где их не ожидают. Подстраховка не помешает. Связь со всеми подразделениями была постоянной и устойчивой. Ночь в районе засады прошла спокойно, но с большим нервным напряжением.

А вот днем у разведчиков начался полнейший дискомфорт. Находиться в засаде или, как разведчики говорят, «залечь» — дело не из легких, да еще в непосредственной близости от противника. До ближайших домов не более 800 метров. Передвигаться запрещено, шевелиться можно, но только незаметно. Тело от неподвижности деревенеет, руки отнимаются, глаза устают, а после прохладной и бессонной ночи, на солнце сильно клонит ко сну. Кто этого не испытал, тому тяжело понять все прелести службы разведчика. Кое-кто может возразить, что это за трудности — лежи себе и наблюдай. Вот в таком положении разведчики провели целый день, внимательно следя за населенным пунктом, отдельными домами, горными тропами и дорогой Кабул — Баграм. Ближе к вечеру начался сильный ветер, поднимающий тучи пыли. В республиках Средней Азии такое явление называют афганцем. Пыльная буря продолжалась всю ночь и стихла только к обеду следующего дня.

Утром второго дня во время бури разведчики 350-го полка наблюдали на небольшом рынке в кишлаке группу вооруженных людей. Вдруг из засады раздался выстрел, и один душман упал. Его быстро унесли во двор дома. На торговой площадке возникла небольшая неразбериха, но вскоре торговцы и покупатели успокоились. Оказалось, что снайпер наблюдал за вооруженными людьми через оптический прицел винтовки и, когда наступил удобный момент для выстрела, сам того не ожидая, машинально, по привычке нажал на спусковой крючок. Хорошо, что

сильный ветер и пыль скрыли место, откуда был произведен выстрел, а душманы, видимо, решили, что это шальная пуля или дело рук конкурирующей банды.

К обеду ветер начал стихать, на улицах появилось больше людей, но вооруженных среди них не было. Оживилось движение на шоссейной дороге. В это время с дивизионной разведротой прервалась радиосвязь. Я и мои офицеры заволновались. Это нормальная человеческая реакция, а здесь еще Петряков стал вмешиваться в наши планы. Вышли на связь с разведчиками полка. Те сообщили, что у них с дивизионкой тоже нет связи, но в районе их засады все спокойно.

Подняли в воздух вертолеты. Пролетев над районом разведки, вертолетчики доложили, что признаков боя и людской беготни не наблюдается. Еще три часа все были в напряжении и томительном ожидании начала радиосеанса. Связь появилась внезапно, все радостно вздохнули.

В районе разведки все спокойно. Выяснение причин этого происшествия перенесли на конец операции. Как потом оказалось, запасные аккумуляторные батареи остались на другой позиции, и, чтобы не бегать за ними и тем самым не раскрыть место засады, было принято решение временно отключить радиостанцию.

После обеда полковых разведчиков ожидало нешуточное испытание. Из кишлака вышла похоронная процессия и направилась к горе, на которой была подготовлена засада. Кладбище оказалось под самой горой. Однако притаившихся разведчиков никто не обнаружил, и жители, похоронив усопшего, вернулись в кишлак.

Наступила очередная ночь, разведчики с превеликим удовольствием размялись после напряженного

дня. Ночью из кишлака доносились звуки выстрелов, видимо, кто-то с кем-то сводил счеты.

Как только начался рассвет, разведчики заметили, что из кишлака вышли пять человек, вооруженных автоматами, они разделились на две группы и направились в сторону шоссе. Два душмана шли по направлению к дивизионной роте, трое двигались на полковую роту. Об этом немедленно доложили в штаб дивизии, и пока мы решали, как поступить с бандитами, разведчики принимают решение их уничтожить. Подпустив душманов на максимально близкое расстояние, открыли огонь на поражение. Все закончилось через несколько минут. Быстро рассвело, кишлак потихоньку просыпался, начинался трудовой день. Вскоре должны появиться местные жители, озабоченные обычными делами. Лучше оказаться незамеченным. Пусть местные жители думают, что это продолжение разборок. Разведчики быстро собрали трофейное оружие и начали выдвижение в район бронегруппы.

До шоссейной дороги оставалось не более километра, когда около стоящей у обочины дороги афганской большегрузной машины раздался взрыв и автомобиль загорелся. Подошли ближе, на обочине стояла обгоревшая машина, рядом водитель в окровавленной одежде. Он пояснил, что был остановлен двумя мужчинами, вышедшими из стоявшей на обочине машины. Угрожая пистолетом, они потребовали развернуть его грузовик и следовать за ними. Водитель отказался, тогда бандиты бросили под машину гранату и уехали в направлении Баграма. Он был легко ранен, но сумел сбить пламя. Оказали медицинскую помощь. Успокоившись, парень рассказал, что от бандитов достается всем, но особенно страдают водители грузовиков. Очень часто вооруженные люди грабят и угоняют машины с грузами, а шоферам

почему-то не разрешают иметь при себе оружие. Кругом бандиты, а мы без оружия, продолжал водитель. Ему хотелось высказаться. Два дня назад недалеко, продолжал он, от этого места был захвачен грузовик с мукой. Страдают невинные люди, их фирма несет огромные убытки, а это отражается на благосостоянии простых рабочих, которые трудятся на предприятии. Наши парни чем могли помогли бе-долаге.

Вскоре разведчики вышли к своим боевым машинам и без происшествий вернулись на базу. Офицеры собрались в палатке командира дивизионной разведывательной роты для разбора и оценки проведенной операции. Неприятных вопросов было много: «Почему длительное время не было связи? Почему произошел случайный выстрел из снайперской винтовки?..» Выслушали мнение каждого офицера и определили направление дальнейшей работы по недопущению подобных случаев. Вот так, по крупицам, накапливался боевой опыт и профессионализм разведчиков. Командир дивизии в целом остался доволен результатом, но начальник штаба, как бывший разведчик, с некоторым ехидством сделал упрек в адрес организации связи.

Через две недели мотострелковые подразделения совместно с афганцами провели зачистку Пагмана, однако она ощутимых результатов не принесла. Видимо, опять произошла утечка информации, и афганские военнослужащие предупредили бандитов о планирующейся операции, те сумели заблаговременно скрыться, попались же растяпы, которых в бандах было полно. Было уничтожено семь душманов и изъято полтора десятка единиц стрелкового оружия. В ущелье обнаружили три пустых грузовика, груз успел уйти по назначению. В последующем подобные операции проходили в Пагмане постоянно, но, как

всегда, неэффективно. Чувствовалось, идет серьезная утечка информации из самых высоких правительственных кругов, а некоторые афганские руководители были заинтересованы в продолжении грабежей и разбоев. От этих действий заинтересованным лицам всегда перепадал немалый куш. Восток — дело тонкое. Подобные случаи были и у нас во времена первой и второй чеченских кампаний. Многие государственные чиновники, олигархи и люди с темным прошлым имели немалую выгоду, и не только тогда. Одним словом, кому война, а кому мать родна. Ладно, оставим в покое черные дела и вернемся к настоящим проблемам военного времени.

Было признано, что самым воюющим полком в дивизии, без всякого сомнения, был 350-й гв. пдп, командир — полковник Шпак Г.И. Летом 1981 года его сменил подполковник Семкин А.А. Ни одна серьезная операция, проводимая по плану командования 40-й армии, командира 103-й гв. ввд или по линии главного военного советника не обходилась без участия подразделений полка. Редкая неделя выпадала в жизни полка, когда все его подразделения находились на базе в полном составе.

Одна из очередных многочисленных операций стала знаковой для полка не только хорошими результатами в бою, но и печальным событием для всего личного состава. Погиб заместитель командира полка по политической части майор С.Гуринов. В недалеком прошлом он был заместителем командира 100-й отдельной разведывательной роты 105-й гв. ввд. Окончил военно-политическую академию, грамотный и добропорядочный офицер. Простой в поведении и обращении с личным составом начальник, прекрасный семьянин.

Однако все по порядку. В один из осенних дней 1981 года из штаба армии в дивизию поступил при-

каз на реализацию разведывательных данных в населенном пункте Каласадри-Азам, в 10 км севернее Кабула. Боевые действия в этом районе предписывалось завершить поздно ночью, а рано утром этим же подразделением совершить марш на южную окраину Кабула и блокировать банду из 15 человек, расположившуюся на отдых в кишлаке Калакази. Сам по себе приказ был непродуманным, даже бестолковым — одним подразделением, за сутки, повоевать на севере столицы, а затем совершить маневр на юг и там завершить войну разгромом небольшой банды. Как будто бы не было других подразделений, необязательно десантных.

Но поскольку десантники были в оперативном подчинении армейского командования, приказ обсуждать не стали, а приступили к его выполнению. Командиру 350-го гв. пдп было приказано готовить к выполнению боевой задачи один парашютно-десантный батальон. Руководителем операции был назначен командир полка подполковник Семкин, а представителем от командира дивизии — я, начальник разведки дивизии.

На подготовку к боевым действиям отводилось двое суток. Подготовку личного состава и техники, доразведку района предстоящих боевых действий, используя данные агентурной разведки, провели основательно. С командирами всех подразделений на вертолетах совершили облет всего района операции, провели рекогносцировку местности, с воздуха уточнили боевые задачи подразделениям по блокированию кишлаков и конкретных зданий, в которых должны быть душманы, проверили маршруты выхода к ним. Накануне операции подполковник Семкин уточнил боевые задачи штатным и приданным подразделениям, организовал взаимодействие и всестороннее обеспечение. В группу управления был назначен

авианаводчик для вызова и наведения армейской авиации на цели и корректирования ее огневых ударов.

Населенный пункт Каласадри-Азам десантники блокировали с ходу на рассвете. Мятежники были в полном смятении от их неожиданных и дерзких действий. Группу душманов из пяти человек захватили без единого выстрела. Но из одного дома по парашютно-десантной роте неожиданно был открыт плотный огонь из стрелкового оружия. Пришлось применить тяжелое оружие. После второго выстрела из приданного танка «Т-54» загорелся дом. Из него убежала женщина с тремя детьми, а через пять минут из огня выскочили двое мужчин. Их схватили, и тут же рухнула крыша, в огне начали рваться боеприпасы. При обыске у одного из мужчин обнаружили пистолет с патронами.

Боевые действия проходили недалеко от шоссе Кабул — Баграм. В дневное время на нем постоянно наблюдалось автомобильное оживление. По стечению обстоятельств в это время в своей зоне ответственности, недалеко от данного района, проводил операцию 345-й гв. опдп. По информации штаба дивизии, боевые действия были результативными — уничтожено около двух десятков вооруженных до зубов душманов. Естественно, по шоссе и на дороге курсировало большое количество наблюдателей, осведомителей и агентов главарей различных бандитских формирований. Не стоит сомневаться, что к полудню вся зеленая зона от Кабула до Чарикара была оповещена о ведении боевых действий в данном районе.

Бандиты начали проводить перегруппировку, боясь попасть в окружение. Из кишлаков в горы и овраги по давно проторенным тропам поползли те, у кого рыльце было в пушку и возникали нелады с законом.

Вскоре на восточной окраине кишлака послышалась интенсивная стрельба. Командир роты доложил, что из кишлака пыталась вырваться небольшая группа хорошо вооруженных душманов. Трое уничтожены, остальные скрылись в кишлаке и попытаются раствориться среди мирных жителей. Командир полка отдал распоряжение командирам подразделений, блокирующих кишлак, сжать и уплотнить кольцо окружения, сократить интервалы между военнослужащими и промежутки между подразделениями. Одновременно было усилено наблюдение за зеленой зоной и ближайшими домами на окраинах кишлака.

В сумерках трое бандитов попытались вырваться из кольца, но были уничтожены огнем пулеметов боевых машин. Ночью в огороде одного из домов задержали еще двоих мятежников. Местность освещалась ракетами, а по подозрительным участкам дежурными огневыми средствами велся беспокоящий огонь.

Посреди ночи по команде, как и было предписано армейским приказом, все подразделения оставили занимаемые рубежи и сосредоточились в районе сбора батальона. После проверки личного состава командиры доложили о результатах операции и готовности к совершению марша в новый район. В Каласадри-Азам были уничтожено 6 бандитов и 10 человек арестованы, изъято 5 автоматов, 1 гранатомет и пистолет.

Совершать марш в новый район боевых действий предстояло в сплошной темноте. Необходимо было обойти Кабул по западной окраине, преодолевая участки бездорожья, но в город заходить запрещено. В голове колонны двигался танк, на башне которого находились я и начальник штаба 350-го гв. пдп майор Чиндаров А.А. Мне в ходе марша пришлось выполнять еще и роль проводника, поскольку этот район

был знаком по предыдущим боевым действиям. Ход у танка очень жесткий, каждая яма отдавалась во всем теле. Ночи были уже холодные, и броня стальной машины только усиливала дискомфорт. Пришлось уподобиться афганцам, и мы с Чиндаровым завернулись в одеяло.

Темень вокруг была кромешная, все небо усыпано яркими звездами. Но мне было не до романтики. В такой ситуации, да еще в боевой обстановке чувствуешь себя довольно неуютно. Тебя и твои действия могут наблюдать все кому не лень, а ты в движении практически не наблюдаешь действия противника. К счастью, марш завершился без происшествий, к рассвету группировка прибыла в район населенного пункта Калакази и с ходу приступила к проведению операции.

Командный пункт был развернут в двух километрах западнее населенного пункта. Доложили оперативному дежурному по дивизии, что подразделения приступили к выполнению боевой задачи. Рассвет только начинался, как вдруг из одного дома на северной окраине кишлака по разведывательной группе был открыт огонь из стрелкового оружия. Разведчики залегли в винограднике и открыли ответный огонь. Доложили на командный пункт координаты этого узла сопротивления. Авианаводчик вызвал пару боевых вертолетов для нанесения огневого удара по мятежникам, укрывшимся в доме. По неизвестным причинам вылет вертолетов в этот район задержался, а подразделения продолжали выполнять поставленные задачи. Разведчики сумели без потерь уничтожить в доме четырех душманских автоматчиков и медленно, соблюдая меры предосторожности, продвигались вперед. На южной окраине кишлака десантники еще уничтожили двух бандитов.

Стало совсем светло, и подразделения, которые блокировали северную окраину кишлака на боевых машинах, прошли по населенному пункту и вышли на его южную и восточную окраины. В это время в воздухе появились боевые вертолеты. Офицеры на командном пункте полка не обратили на них особого внимания. Операция подходит к завершению, сопротивление противника сломлено, потеря среди десантников нет, ситуация в целом благополучная, вмешательства со стороны авиации не требуется. Действия авианаводчика и его переговоры с летчиками никто не контролировал, все предполагали, что, как всегда, вертолеты будут барражировать над районом боевых действий в готовности по команде командира полка нанести удары по указанным объектам.

При подлете к кишлаку вертолеты сделали небольшой доворот и нанесли удар неуправляемыми реактивными снарядами по одному из домов, но не по тому, из которого разведчики выбили душманов, а по соседнему, «безвинному». Дом загорелся, хозяин с детьми принялся его тушить. Ему оказали помощь находившиеся рядом десантники. Авианаводчику дали команду на запрещение работы авиации и стали разбираться, почему вертолетчики без команды руководителя операции нанесли удар непонятно куда и по кому. Оказалось, перед вылетом с авиабазы летчики запросили подтвердить, остается ли в силе заявка на удар по дому в кишлаке. Авианаводчик не уточнил в штабе полка обстановку, положение наших войск и подтвердил необходимость нанесения удара по ранее указанному объекту.

В это время наши подразделения продвинулись вперед, а злополучный дом остался у них в тылу. Майор С. Гуринов со своими подчиненными выдвигался за боевыми порядками одной из парашютно-

десантных рот батальона и оказался недалеко от дома, по которому вертолетчики нанесли удар. Часть реактивных снарядов накрыла его группу. Он и старший лейтенант В.Федоровский мгновенно погибли, остальные десантники были ранены. Эту ситуацию наблюдали десантники с боевого охранения на южных высотах недалеко от кишлака и доложили о случившемся на командный пункт полка. Срочно посадили вертолет, на нем эвакуировали убитых и раненых в Кабул. Трагическая и случайная гибель офицеров напомнила примерно такую же ситуацию годичной давности, когда случайно погиб начальник штаба этого полка майор А. Иванов.

Гуринов очень добросовестно относился к выполнению своих служебных обязанностей и здесь, в боевой обстановке, не отсиживался на командном пункте полка, а всегда находился рядом со своими подчиненными, на самых опасных направлениях. Строгий, требовательный, но справедливый, он часто беседовал с солдатами, сержантами и офицерами. Личным примером показывал, как необходимо выполнять поставленные задачи и служебные обязанности. Никогда не позволял себе и своим подчиненным грубых выпадов по отношению к простым людям.

Несколько позднее в штабе дивизии прошел слух, что этот роковой вертолет был сбит на одной из операций в горах, а экипаж, по вине которого погибли десантники, не вернулся с боевого задания. Через месяц на боевых действиях погиб и авианаводчик. Как это назвать? Злой рок или страшное стечение обстоятельств? По всей видимости, такой финал лучший из всех возможных вариантов. Виновные сами героически погибли в бою, и их, мертвых, не терзает и не мучает совесть за случайно загубленные жизни советских десантников.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Хотелось бы напомнить тем людям, которые никогда не служили в Афганистане, но на бытовом уровне, а затем и в средствах массовой информации выражали свое ошибочное мнение о том, что солдаты и офицеры, вернувшись на базу из района боевых действий, позволяли себе расслабиться, пуститься во все тяжкие, отдыхать как кому захочется. Это глубокое заблуждение. Отдых у десантников, да и не только у них, только назывался отдыхом, реально его не было. Подразделения продолжали находиться в режиме постоянной готовности к выполнению внезапно возникших задач, несли сторожевую и патрульную службу. Если где-то раздавался даже одиночный выстрел, взрыв, подрывали технику или собиралась толпа местных жителей, немедленно проводилась разведка этого района, туда выдвигался личный состав и боевая техника. Так происходило почти ежедневно. Вот вам, господа, разгул, хороший отдых и веселье. Проходит несколько относительно мирных дней пребывания десантников на базе, как снова по приказу начинается подготовка к выполнению очередной боевой задачи. А там война, и снова бой. Гибнут люди, и кому-то не повезет, его увезут в «черном тюльпане» на Родину «грузом-200». Для многих впереди — госпитали и мучительные страдания на всю жизнь. По каждому случаю гибели или ранения военнослужащих проводились серьезные проверки и дознания с привлечением работников прокуратуры.

Надо признать, что наши русские солдаты лучшие солдаты в мире. Они быстро приспосабливаются к любой обстановке, привыкают к новым условиям, быстро обживаются и через некоторое время в новых условиях чувствуют себя почти как дома. Находясь на боевом задании, все как бы на какое-то время забы-

вают о доме, о родных и близких. Чувство ответственности за выполнение боевой задачи, за жизнь подчиненных не дает возможности расслабляться и думать о чем-то другом, кроме достижения успеха в бою без потерь. Проходят дни и недели огромного физического и психологического напряжения, огромной ответственности за судьбы людей, и наконец задача выполнена. Затихла канонада, нет разрывов и свиста пуль, не проливается кровь, и у всех приподнятое настроение. Все стремятся с чувством выполненного долга вернуться быстрее на родную базу, которая кажется родительским домом. Там ждут боевые друзья, искренне радующиеся успеху или тяжело переживающие боль утрат.

Необходимо отдать должное нашим солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам за их смелость и мужество, упорство и героизм на поле боя, за выносливость и неприхотливость к бытовым трудностям.

Не зря младший брат погибшего всемирно известного моджахеда Ахмад Шаха Масуда в одном из интервью «Красной звезде» в апреле 2002 года сказал: «Русский солдат — смелый, умный и намного лучше обучен умению воевать, чем солдаты армий НАТО». Да, это очень высокая оценка нашего бывшего врага, непосредственно принимавшего участие во всех боевых действиях против советских войск в Панджшерском ущелье.

Нас, десантников и представителей Сухопутных войск, тревожат и обидно задевают телерепортажи и высказывания определенной группы тележурналистов о неуклюжести советских войск при ведении боевых действий в Афганистане.

Хочется посмотреть им в глаза и со всей пролетарской ненавистью сказать, что наши войска надежно, круглосуточно держали под контролем не только

Кабул, но и территорию основных провинций и почти все административные центры страны. Работали школы, больницы, магазины и рынки. Не было больших проблем у населения с товарами народного потребления.

Группировка же американских войск и их союзников в настоящее время контролирует только Кабул, да и то днем, ночью там орудуют бандитские группы. Практически во всех регионах страны, особенно в Кандагаре, сохраняется взрывоопасная обстановка. Везде разруха и повальная нищета. Производство опиума поставлено на поток. После разгрома талибов наркоторговцы получили полную свободу действий. Борьбу с ними никто не ведет. Отмечаются случаи участия самих военнослужащих коалиционных войск в торговле наркотиками. Огромное количество «белой смерти» через бывшие союзные республики проникает на территорию России.

В нашу бытность в зонах ответственности советских воинских частей, включая высокогорные районы, регулярно проводились наземные боевые операции с применением посадочного десанта по разгрому бандитских групп. Банд было много, но уютно они себя не чувствовали. Им приходилось постоянно маневрировать и менять места отдыха, прятаться и маскироваться под мирных жителей. Наши войска преследовали банды днем и ночью. Тогда не было термина «вытеснять», «проводить зачистку местности». Врага старались уничтожить или взять в плен. Мы владели обстановкой и инициативой. При необходимости меняли ситуацию в свою пользу, навязывали тактику действий противнику и вынуждали его действовать так, как хотелось нам, а не главарям банд и их западным и арабским покровителям.

Бандиты часто подло, из-за угла наносили по нашим подразделениям удары и совершали нападения.

Обстреливали колонны и расположения войск, подрывали и уничтожали боевые машины и колесную технику. Были и с нашей стороны потери, от них на войне никто не застрахован. Но безнаказанно уходили с поля боя душманы очень редко, по счастливой случайности.

Люди, восхваляющие героизм и подвиги душманов, принижающие роль Советской армии и ее солдат, представляющие Ахмад Шах Масуда героем, никогда сами не нюхали пороха, не смотрели смерти в лицо, но через много лет стали «крупными» экспертами в военном деле, вытаскивая наружу только негативные поступки, пользуясь различными слухами и домыслами. Жаль, что они забыли своих солдат, а превозносят героические подвиги Ахмад Шаха в боях против советских войск. О нем как о герое пусть говорит афганский народ.

В те годы Ахмад Шах Масуд, выступая перед западными журналистами, нелестно отзывался о действиях Советской армии. Его интервью тех времен и сейчас на некоторых отщепенцев от журналистики действуют как бальзам на душу. Однако стоит внимательно посмотреть, как кардинально, в лучшую сторону для советских войск изменились взгляды паджшерского льва, когда после вывода наших войск он вступил в тяжелые бои со своими соотечественниками талибами. Об этом представители свободной прессы умалчивают. Таким журналистам всегда хочется задать вопрос: «Кто вам платит большие деньги и обеспечивает вашу безопасность при пересечении границы, при нахождении на территории противника или воюющей стороны? Кто и как организует встречу с нужными героями? На чью мельницу вы льете воду?» О своих героях они забывают напрочь. Что о них писать! В их поступках нет жареного. От них не услышишь сенсационных заявлений. Такую ин-

формацию не продать иностранным информационным агентствам. Справедливо ли это? Думаю, нет.

Достоверно известно, что за деньги Ахмад Шах Масуд выполнял задания своих зарубежных покровителей, а с начала 90-х годов также за плату активно сотрудничал с нашими спецслужбами. Работал со всеми, кто платил деньги. В те далекие годы он для нас был умным, хитрым, жестоким и коварным врагом. Активных действий по дестабилизации обстановки в стране не проводил, да и не мог этого сделать. Ему было понятно, что, как только он со своими моджахедами выйдет из Паджшерского ущелья на равнину, тут же будет разгромлен. Только высокие горы и сильно пересеченная местность спасали его самого и подчиненных от поражения. Тем не менее и горы не позволяли жить спокойно. Постоянно в ущелье проводились наземные операции, а авиация почти ежедневно наносила бомбоштурмовые удары с применением авиабомб очень большой разрушительной силы.

По рассказам очевидцев, в марте 1982 года в Чарикарской долине, открывающей вход в Панджшерское ущелье, проводилась армейская операция по разгрому нескольких банд Ахмад Шаха, находившихся в этом районе. В операции участвовали части и подразделения 103-й гв. вدد и 345-го опдп. Своевременно захватив мосты через каналы, десантники обошли Чарикар и окружили группировку противника. Выпавший накануне снегопад демаскировал душманов, пытавшихся вырваться из кольца. Поняв, что уйти без массовых потерь нельзя, доблестные вояки Масуда прятали оружие и десятками сдавались в плен, при этом в высоко поднятых руках несли красные флажки, как во время праздничной демонстрации.

Часто не по своей воле десантники оказывались в сложнейших условиях — холод, голод, но они, стиснув зубы, продолжали выполнять боевую задачу. Ярким тому примером является операция в провинции Бамиан летом 1981 года. По данным агентурной разведки, в том районе находился большой, хорошо охраняемый склад оружия, боеприпасов и продовольствия мятежников. Уничтожить базу снабжения командование 40-й армии поручило 103-й гв. ввд. Для выполнения боевой задачи привлекался парашютно-десантный батальон и разведывательная группа 350-го гв. пдп. Руководил операцией начальник штаба дивизии полковник Н. Петряков.

Лето, жара, у десантников соответствующая экипировка — оружие, боеприпасы и вода. Посадка в вертолеты, и через час полета высадка из положения зависания вертолетов в воздухе. Одна парашютно-десантная рота должна была десантироваться в отрыве от главных сил на отдельную площадку с задачей не допустить отхода противника в горы. Десантирование происходило очень быстро, и группа вертолетов по ошибке высадила эту парашютно-десантную роту не на свою площадку, а на фланге главных сил батальона. Путь отхода для банды остался открытым. База была разгромлена быстро и без потерь для нас, однако основная часть банды успела уйти в горы. Оставалось одно — бить по хвостам. Десантники их наблюдали, но группа мятежников была в недосягаемой зоне для стрелкового оружия. Преследовать их было нецелесообразно, а вертолеты после высадки личного состава улетели на дозаправку.

Буквально через час в горах разыгралась стихия. Начался сильный порывистый ветер, пошел дождь со снегом, а затем опустился туман и ударил мороз. Абсолютно нелетная погода, и десантники оказались в летнем обмундировании один на один со стихией.

Буря закончилась на следующий день поздним утром. Непосвященному трудно представить, как личный состав этой группировки выдержал сутки в таких условиях. В каждой роте находились свои Теркины, поддерживающие боевой настрой, а личный состав согревался физическими упражнениями. Многие солдаты отжались от скального грунта более тысячи раз. К обеду прибыли вертолеты, и батальон благополучно вернулся в Кабул. Простывших и заболевших не было. Примеров, подчеркивающих русский характер, за годы боевых действий множество.

Часто, будучи участником или руководителем операции, мне приходилось наблюдать, как сдерживают свои переживания и волнение эти мужественные люди. Случаев малодушия или трусости не было даже при смертельной опасности. Первый бой 3-го парашютно-десантного батальона 317-го гв. пдп весной 1980 года в провинции Кунар стал своеобразным экзаменом на патриотизм, который был присущ в ту пору советскому народу. Поучительными примерами патриотизма и самопожертвования в том бою были поступки многих десантников. Гранатометчик 9-й парашютно-десантной роты А.Ехнич увидел, что пулемет противника своим огнем прижал к земле личный состав и не дает возможности продвигаться вперед. Храбрый солдат под душманским огнем встал в полный рост и первым выстрелом из гранатомета уничтожил пулеметный расчет и тем самым обеспечил выполнение ротой боевой задачи.

Разведчик ст. сержант А. Мироненко с двумя товарищами прикрывал отход своей разведывательной группы. Товарищи погибли, сам был ранен, но продолжал вести бой до последнего патрона. В окружении подорвал себя и мятежников гранатой.

Второй разведчик ефрейтор А. Корявин в бою прикрыв собой командира.

Сапер Н. Чепик, действуя на отдельном направлении в составе группы, попал в окружение. Когда все погибли, а боеприпасы закончились, мужественный десантник подпустил врагов как можно ближе и мимолетным направлением действия «МОН-100» подорвал себя и уничтожил более десятка мятежников. Солдаты вели себя в бою по принципу: сам погибай, а товарища выручай.

Десятки подвигов и просто замечательных поступков наших советских людей остались не замеченными большими начальниками и не попали на страницы газет и журналов. Они совершались ежедневно и становились обыденным, обязательным атрибутом поведения военнослужащих, независимо от того, в какой ситуации они оказывались.

Не стал исключением и мой подчиненный разведчик 80-й орр В. Климов. После лечения в Ферганском военном госпитале его переводят в Термез на реабилитацию для последующей отправки обратно в свою часть в Афганистан. В госпитале приходилось работать метлой с утра до вечера. Военным врачам было выгодно иметь большую команду дешевой рабочей силы для трудотерапии не только в госпитале, но и за его пределами. Некоторым выздоравливающим это нравилось, и они всячески отодвигали дату выписки. Но Климов стремился скорей вернуться к своим боевым друзьям-разведчикам. Однажды он случайно узнал, что к отправке в Кабул готовится большая тыловая колонна. Решение на побег из госпиталя принял моментально. Немного смекалки, и разведчик уже находится в машине. Вскоре колонна преодолела государственную границу и успешно продвигалась по Афганистану до провинции Баглан. Ближе к вечеру было совершено внезапное нападение душманов, колонна попала под плотный огонь стрелкового оружия и остановилась. Многие необ-

стрелянные водители растерялись, бросили свои машины и без оружия укрылись в кювете. Все решали несколько минут. Климов не растерялся и открыл огонь из автомата водителя по нападавшим бандитам. Глядя на его уверенные действия, другие водители начали стрелять по мятежникам. Стали увереннее и четче раздаваться команды офицеров. Через некоторое время на помощь подоспела бронегруппа. Мятежники, бросив трупы своих подельников, бежали с места засады. После боя многие солдаты и офицеры колонны благодарили разведчика за смелость и инициативу.

Хочется несколько хороших слов сказать о Л. Хабарове — старом не по возрасту, а по делам разведчике бывшей 105-й гв. ввд. В Афганистане он долгое время командовал десантно-штурмовым батальоном, оборонявшим важный во всех отношениях высокогорный перевал Саланг. Это главный участок важнейшей магистрали по доставке грузов из Союза в Афганистан. Это его преодолевал разведчик Климов в составе колонны. Этот опасный отрезок пути постоянно подвергался нападениям и обстрелам, но десантники смело и уверенно отражали все нападения банд, и грузы непрерывно шли к советским войскам.

Бывая по делам службы в штабе 40-й армии, Хабаров выкраивал время и навещал своих боевых друзей, разведчиков 103-й ввд, в Кабуле. Летом 1980 года в ходе боевой операции получил тяжелое ранение руки разрывной пулей. В Кабуле ему была оказана квалифицированная медицинская помощь, врачи совершили чудо в полевых условиях — сохранили руку. Я и А. Качанов проводили Хабарова до самолета, который увез его для дальнейшего лечения в Москву. После лечения по состоянию здоровья он вынужден был уйти из ВДВ. Однако его железная воля помогла ему стать слушателем Военной академии им. М.В. Фрун-

зе, успешно ее окончить и добиться возвращения в родную 56-ю отдельную десантно-штурмовую бригаду. Он стал начальником штаба и снова участвовал в боевых действиях. На одной из операций был тяжело контужен. Навсегда списан из ВДВ. Вернулся в Союз и занимал различные должности в Сухопутных войсках. Через некоторое время его назначают на должность начальника военной кафедры Екатеринбургского университета, позднее кафедра преобразована в факультет. До сих пор он в строю и занимается подготовкой офицеров запаса. Многие его выпускники служат в рядах Вооруженных сил.

Двое сыновей пошли по стопам отца и окончили Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. Повторяя жизненный и боевой путь отца, они служили в Воздушно-десантных войсках, как их отец, командовали разведывательными подразделениями. Выполняли конституционный долг в Чечне. К ним в дом тоже пришла беда. Младший сын Дмитрий при ведении разведки в тылу боевиков подорвался на mine и потерял ногу. Учился ходить заново на протезе. Старший сын Виталий окончил военную академию и получил назначение в одну из воинских частей в Подмосковье.

К великому сожалению, у войны есть вторая, черная сторона. Она как кривое зеркало. Посмотришь под одним углом, кажется, все хорошо. Под другим углом — вечный мрак и холод. Но молчать об этом нельзя. Несмотря на высокий уровень профессиональной подготовки, в период с декабря 1979 года по весну 1982 года разведывательные подразделения дивизии имели безвозвратные потери. Были они несравнимо ниже, чем в парашютно-десантных подразделениях, однако без них не обошлись и разведчики.

В отдельной разведывательной роте дивизии в апреле 1981 года во время утренней физзарядки умер разведчик ефрейтор Пиженко Л.И.

В разведывательной роте 317-го гв. пдп в октябре 1980 года погиб ст. лейтенант Калинин С.В.

В разведывательной роте 357-го гв. пдп летом 1980 года погиб офицер; осенью 1981 года — два разведчика.

В этот период без потерь воевала только разведывательная рота 350-го гв. пдп.

Конечно, потери личного состава можно легко списать на коварность противника, на труднейшие условия ведения боевых действий. Однако командиры всех степеней частично или косвенно повинны в гибели своих подчиненных. С командиров, особенно с офицеров, постоянно осуществлялся жесткий спрос за сохранение жизни и здоровья военнослужащих. Где-то мы недорабатывали при организации и подготовке к боевым действиям. Не было богатого боевого опыта, особенно в горно-пустынной местности и в населенных пунктах. Учились воевать на своих и чужих ошибках одновременно начальники и подчиненные. Мы, офицеры, в большей степени чувствуем ответственность перед родственниками погибших ребят, что тогда не до конца выполнили свой командирский долг и не всех своих боевых товарищей вернули на Родину живыми и здоровыми.

Наиболее интенсивно в боевых действиях участвовали разведчики 80-й отдельной разведывательной роты дивизии и 350-го гв. пдп. Однако количество погибших и раненых не должно зависеть от интенсивности применения разведподразделений в боевых действиях, хотя это тоже немаловажный фактор войны.

Основой живучести разведчиков является их высокая профессиональная подготовка с условием, что

способы ведения разведывательных действий отработаны до автоматизма. Владея этими качествами, можно свести потери до минимума, не забывая о существовании шальных пуль, снарядов и мин. Роковая случайность играет иногда тоже подлую роль.

Осенью 1981 года при выполнении разведывательных задач в районе кишлака Паймунар погибли два разведчика 357-го гв. пдп. Основными причинами трагедии явились излишняя самонадеянность и личная недисциплинированность этих военнослужащих, а также плохое управление и слабый контроль за действиями подчиненных со стороны командира разведывательной группы.

Тем не менее мы, командиры, повинны перед родителями, что не смогли уберечь их сыновей в боевой обстановке. И мы обязаны принести родителям свои извинения.

ИСПОЛНИМ ДОЛГ ДО КОНЦА

Нельзя не сказать о советских солдатах, попавших в бандитский плен. Оказывались они там по разным причинам. Одни — из-за своего головотяпства, другие — без сознания или тяжело ранеными оказывались одни на поле боя. Их находили быстрее нас местные жители, а затем передавали главарям банд.

За ходом боевых действий велось постоянное наблюдение воюющими сторонами и местными жителями. Пересеченный рельеф местности, горы, зеленая зона — все это затрудняло обнаружение потерь в подразделении, поиск и эвакуацию раненых и убитых. Во время ближнего боя, особенно в населенном пункте, нереально уследить за каждым военнослужащим. Общую проверку всего личного состава можно было осуществить только после завершения интен-

сивной перестрелки или после окончания наиболее активной части боя. Вот здесь душманы и местные жители иногда упреждали наши подразделения и первыми подбирали тяжелораненых.

Главарь банд единолично решали судьбу каждого пленного. Одних расстреливали на месте, других выхаживали и уводили с собой в банду, третьих переправляли за границу, в основном в Пакистан, где было много лагерей и баз мятежников. Единицы бывших советских военнослужащих сознательно принимали ислам и становились активными участниками боевых действий против наших войск. В основном они использовались в качестве советников и инструкторов по подготовке неопытных бандитов.

Часть военнопленных правдами и неправдами через определенное время не без посторонней помощи оказывалась в странах Западной Европы и в Америке. Многие, смирившись с ситуацией, приняли ислам, женились на местных девушках, создали прочные семьи и обзавелись хозяйством. Они, как правило, в вооруженной борьбе участия не принимали и не пытались вернуться на Родину, особенно после развала Советского Союза.

Большинство же пленных томилось в различных тюрьмах, созданных на бандитских базах в западных районах Пакистана вдоль афганской границы. В ожидании своей участи они надеялись на удачу. Некоторые из них смирились со своим положением, но многие не пали духом и предпринимали различные попытки для освобождения. Один такой случай мне известен из армейского документа, с которым меня ознакомил начальник разведки армии генерал Дунец. Позднее этот документ был переправлен в штаб дивизии и на служебном совещании доведен до сведения всех офицеров управления 103-й гв. ввд.

Это произошло в одном из учебных центров по подготовке душманов осенью 1981 года на западе от пакистанского города Пешавар, недалеко от афганской границы. Неожиданно для мятежников в одной из тюрем произошло вооруженное восстание наших военнопленных. Случайным или стихийным его назвать нельзя, так как по многим признакам оно готовилось длительное время, тщательно и всесторонне. День за днем изучалась обстановка в тюрьме, в лагере и за его пределами. Было организовано круглосуточное наблюдение за охраной лагеря. Изучался порядок и смена заступления часовых на охрану тюрьмы и других объектов учебного центра, поведение охранников во время несения службы. Конечно, между собой они не один раз просчитывали различные варианты, включая порядок своих действий по организации побега из лагеря и выходу к афганской границе.

Возможно, за время пребывания в плену они научились понимать речь своих противников. Это давало им возможность узнавать новую информацию для осуществления своего замысла и предстоящих действий. Нет сомнения в том, что пленные, постоянно общаясь между собой, обсуждали различные темы и в ходе разговоров жалели о том, что у них нет связи с внешним миром.

В самом учебном центре из постоянного состава, как правило, находилось не более двух десятков человек. Остальные проживали недалеко от базы. Часть бандитов находилась у кочевников. Их вожди подвергались постоянной обработке и давлению со стороны иностранных инструкторов и эмиссаров. Все ближайшие кочевые племена были вынуждены отправлять в учебные центры своих воинов, которые после обучения возвращались обратно или пополняли ряды бандитов. Эти племена круглосуточно дер-

жали под постоянным контролем свои территории в приграничной зоне и для постороннего человека представляли серьезную опасность. Чужому человеку без предварительного согласования с вождем племени незамеченным невозможно пройти по подконтрольным землям. Каждый кочевник имел свою конкретную задачу и за любую информацию получал денежное вознаграждение. Через такой заслон даже одиночному путнику, не говоря о небольшой группе, пройти незаметно невозможно.

Тюрьма, в которой содержались пленные, представляла собой глинобитное здание. Рядом находилось подобие караульного помещения и несколько небольших строений для подсобного хозяйства. В одном из них был склад боеприпасов. Иногда для временного содержания пленных использовались глубокие ямы. Постоянную и круглосуточную охрану несли не менее двух часовых, их через несколько часов меняли другие. Если смена задерживалась, стоящие на посту часовые громкими криками напоминали своим сменщикам о себе. Часовые, как правило, не обходили вокруг здания, а несли службу, сидя по его углам.

Особого контроля над охраной со стороны руководства не осуществлялось. Мятежники прекрасно понимали, что пленным бежать не удастся, да и некуда. Но руководство данного учебного центра здорово ошиблось, и за эту ошибку пришлось заплатить десятками жизней душманов. А самих руководителей ждали большие неприятности.

В один из осенних дней 1981 года спокойная жизнь на этой базе закончилась. Через подкоп, который был проделан в стене, пленные незаметно подползли к дремавшим на солнце часовым. Без шума сняли их, забрали автоматы и ворвались в помещение, где от-

дыхали остальные караульные. Всех их ожидала ментальная смерть. Все беглецы вооружились стрелковым оружием и ручными гранатометами. Переодевшись в афганскую одежду, они на местности уточнили порядок дальнейших действий. Решение было окончательным — любыми путями пробиваться к афганской границе и к своим войскам.

Не прошло и часа, как кочевники узнали о происшествии на базе, подняли тревогу и выследили группу незнакомых, хорошо вооруженных людей, быстро продвигавшихся в сторону границы. В ближайшем лагере кочевников началась суматоха, раздались первые выстрелы по беглецам. Тревога перекинулась и на соседние кочевья. Группу храбрецов стали окружать со всех сторон, а стрельба становилась все сильнее и организованнее. Группа залегла и заняла круговую оборону. Через некоторое время стало ясно, что ситуация складывается не в их пользу. Пробиться вперед через кольцо окружения невозможно. Решили отступить назад, в сторону покинутой базы. Умело пользуясь оружием и зная местность, они без потерь вернулись к зданию тюрьмы, которая сейчас для них стала надежным укрытием. Несколько человек заняли оборону в здании и вокруг него, остальные проникли на склад боеприпасов. Там хранилось стрелковое оружие и боеприпасы к нему, противотанковые и противопехотные мины. Это то, что было необходимо нашим парням для продолжения боя в данной обстановке.

Стало темнеть. Со стороны душманов была принята первая попытка уничтожения пленных. Мятежники с двух сторон подползли к зданию тюрьмы, поднялись в полный рост и бросились в атаку. Плотный огонь из стрелкового оружия и ручные осколоч-

ные гранаты сорвали атаку. На земле остались многочисленные трупы душманов.

Это была первая победа наших ребят, поднявшая их дух и взбодрившая на дальнейшие действия.

К базе стали подтягиваться все новые и новые отряды боевиков. По кочевьям поползли слухи разного толка, но они были не на пользу главарям и местному руководству. Представители местных властей пытались сделать все возможное для сокрытия этого инцидента. Но заглушить звуки сильного боя с большим количеством разрывов гранат невозможно. Ночью была предпринята еще одна попытка уничтожения смельчаков. Загорелась одна из построек, озарившая поле боя, на котором валялись убитые и раненые душманы.

Из-за боязни, что пламя может перекинуться на склад боеприпасов и произойдет взрыв, душманы отошли на приличное расстояние. Этим незамедлительно воспользовались наши солдаты и установили вокруг здания противопехотные мины. Пополнили запасы воды и продуктов из подсобных помещений охраны. До рассвета боевые действия не возобновлялись. Утром мятежники со всеми мерами предосторожности потихоньку окружили повстанцев. К этому времени к ближайшим кочевьям на автомобилях начали приезжать местные руководители и представители пакистанских силовых структур. На месте обсуждалась возникшая ситуация и принималось решение по ликвидации советских военнослужащих. Вскоре начался третий штурм, продлившийся до обеда. Душманы атаковали одновременно с двух сторон, однако и на этот раз успеха не добились. Отойдя на прежние позиции, они обстреливали здание тюрьмы издалека. Смельчаки берегли боеприпасы и на обстрел не отвечали.

К вечеру мятежники начали новую, более мощную атаку. На поле боя по мегафонам звучали различные команды, подбадривающие атакующих, призывающие к самым смелым и решительным действиям. Одна группа душманов почти подобралась к стенам тюрьмы, но попала на минное поле. Раздались взрывы противопехотных мин, крики и вопли атакующих. Мятежники с криками боли и отчаяния беспорядочно и в панике бежали от стен здания. За ними побежали и другие отряды боевиков, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Темнота наступила быстро и незаметно. Глубокой ночью была предпринята очередная попытка захватить комплекс зданий и уничтожить повстанцев. Склад боеприпасов обстрелу и штурму не подвергался из-за боязни подрыва боеприпасов.

Очередная неудача и провал многократных попыток разгрома обороняющихся храбрецов вынудили главарей банд предпринимать более активные и решительные действия. Тем более что в местную прессу, радио и телевидение начали просачиваться противоречивые сообщения с места события. Подрывался авторитет западных и арабских эмиссаров и различных пакистанских спецслужб.

Через некоторое время (было уже утро) со стороны границы подошел пакистанский танк. Начался обстрел здания тюрьмы из танковой пушки. Горстка храбрецов успела перебраться в склад боеприпасов. Произведя два выстрела, танк несколько раз объехал вокруг здания тюрьмы на расстоянии, недостижимом для гранатометов, и уехал в сторону границы. К этому времени колонной грузовиков прибыло подкрепление хорошо вооруженных людей в душманской форме. Они быстро спешили и разогнали всех любопытных с места события. Возможно, что это были

переодетые военнослужащие пакистанской армии. Главари всех банд провели длительное и шумное совещание, затем разбежались по своим отрядам.

Герои чувствовали, что скоро произойдет решающее наступление на их позиции, и подготовились к последнему бою. Несомненно, к этому времени среди них были погибшие и раненые.

Мятежники в очередной раз окружили позиции повстанцев и одновременно со всех сторон бросились в атаку. Их наступление снова захлебнулось под плотным огнем горстки храбрецов. Душманы залегли, непрерывно ведя огонь по обороняющимся, и все ближе подползали к зданию, в котором находились наши ребята. Постоянно звучали настойчивые команды и призывы немедленно уничтожить неверных. Снова штурм, подрывы на минах, раненые и убитые душманы заполнили территорию базы. Но натиск обкуренных анашой бандитов не ослабевал, и вскоре атакующие достигли стен склада. В это время в углу склада прогремел мощный взрыв, заставивший всех атакующих залечь. Стрельба прекратилась, и душманы бросились в очередную атаку. По ним никто не стрелял. Есть предположение, что оставшиеся в живых советские солдаты подорвали себя и склад боеприпасов, окруженный мятежниками.

К большому сожалению, прошло много времени с тех пор, и множество деталей и подробностей подвига стерлось в памяти. Этот случай должен занимать достойное место в истории необъявленной войны и в памяти всех воинов-интернационалистов. Очень плохо, что в те времена в нашей прессе почти не освещались подвиги советских военнослужащих, тем более такие уникальные боевые действия. Имена горстки героев остались неизвестны, но они мужественно исполнили свой воинский долг до конца. И все

же есть надежда, что в будущем их имена будут установлены. Возможно, среди них был и наш сержант Табаков М. А., который в бессознательном состоянии попал в руки духов в феврале 1980 года во время боя в провинции Кунар.

Нет оснований сомневаться в том, что всех попавших в плен советских солдат спецслужбы Пакистана, да и США, допрашивали и обрабатывали, чтобы склонить к сотрудничеству. В архивах спецслужб Пакистана и США их фамилии и подробные отчеты об этих событиях есть. Пройдет время, и тайное станет явным. И надо надеяться, что Родина со временем узнает имена своих героев, для которых плен был хуже смерти.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Хочу несколько слов сказать о всестороннем и особенно тыловом обеспечении наших подразделений, его влиянии на ведение боевых действий в различных климатических районах Афганистана, и особенно в горно-пустынной местности.

Всегда с огромным уважением вспоминаешь солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, с которыми долгое время служили, вместе выполняли боевые задачи в сложных природных условиях. Десантники не раз оказывались в ситуации, когда в Кабуле снег и мороз, а их перебрасывают в субтропики, где кругом зелень и жара, или в пустыню, где свирепствуют пыльные бури. В разгар лета в горах днем душно, ночью холодно. Перепад температур до тридцати градусов. Все эти природные контрасты сильно влияют на боевое состояние авиации и наземной техники, которая эксплуатируется на износ. Но больше всего достается людям.

Перед выходом на боевые действия вес солдатской экипировки достигает 30—40 килограммов и более. Как такое количество боеприпасов приносят в горы минометчики и расчеты «АГС-17», оставалось загадкой. Табельное снаряжение десантников отличалось от снаряжения мотострелков, но оно было малоемким, не приспособленным для длительного ведения самостоятельных боевых действий в отрыве от баз снабжения. Рюкзак десантный после принятия на снабжение в 1954 году не модернизировался десятки лет. Транспортно-разгрузочные жилеты и бронежилеты для ВДВ не разрабатывались вообще. Средства связи были громоздкими и тяжелыми, с небольшой дальностью действия и капризными аккумуляторными батареями. Они демаскировали ячейки управления на местности, и в ходе боевых действий на радиостов и находящихся рядом офицеров велась охота со стороны душманов.

Вопросы даже небольшого отдыха ничем не обеспечивались. Нет индивидуальных средств обогрева, отсутствовали элементарные коврики для ночлега или засады в горах, 700-граммовой фляги воды еле хватало на день боя, учитывая, что еще нужно разогреть и приготовить пищу, это был минимум для выживания. Малоразмерных емкостей не было. Офицеры и солдаты за свои кровные деньги покупали у афганцев 5—10-литровые пластиковые канистры. Они хорошо переносились в рюкзаках и выручали в нужный момент. Две-три канистры на взвод обеспечивали боеспособность личного состава на сутки. Командирам подразделений всегда приходилось выбирать, что важнее в данной ситуации — боеприпасы или вода с сухим пайком. В данном случае поговорка «Война войной, а обед — по распорядку» отходила на задний план. Предпочтение всегда отдавалось бое-

припасам и воде. В пустыне Регистан, под Кандагаром, десантники 3-й пдб 317-го гв. пдп никогда не разыскивали моджахедов, оставшихся в живых, после успешно проведенной засады или боя. Без воды в пустыне, в жару человек умирал меньше чем через сутки. Водоснабжение осуществлялось только водовозками, которых были единицы, баня или душ в полевых условиях почти невозможны из-за дефицита воды.

Обмундирование и обувь не выдерживали никакой критики. В нашем прославленном хэбэ и кирзачах можно заниматься лишь строевой подготовкой. В горах портянки сбивались и натирали ноги, особенно при подъеме и спуске. Со временем они становились все меньше и меньше, в конце концов напоминали шагреновую кожу. Да и обмундирование, которое выдавалось по союзным нормам на полгода, абсолютно не было приспособлено для активных боевых действий. В летних боях, особенно в горно-пустынной местности, через месяц от него оставались одни лохмотья. Все старались, у кого была возможность, носить кеды и кроссовки. К вооружению и технике тоже предъявлялись претензии.

Танки в основном использовались десантниками как противоминное средство, а боевые машины «БМД-1» в большинстве случаев — как средство быстрого передвижения на поле боя. Они не находили оперативного простора для своего применения из-за небольшой дальности стрельбы орудиями «2А-28», из-за малых углов возвышения они не могли обстреливать вершины гор. Позднее и десантники стали получать на вооружение бронетранспортеры. 120-мм миномет оказался очень тяжелым для использования в горах, 122-мм гаубицы можно было разворачивать на огневых позициях только на больших площадках, и

это ограничивало их боевое применение, «АГС-17» невозможно было удержать на скальном грунте. Советские миноискатели недостаточно эффективны по сравнению с зарубежными аналогами.

Очень хорошо себя зарекомендовали 82-мм минометы «Поднос» и «БМД-2», оснащенные 30-мм автоматической пушкой. Для стрельбы на большие дальности и по горным вершинам использовали зенитные установки, которые начали ставить на крыши бронетранспортеров и в кузова «УРАЛов». Вместо «птуров» на боевые машины начали ставить «АГС-17». Полковые противотанковые батареи полностью перевооружили на «АГСы». На автоматы стали устанавливать снайперские прицелы.

Летом 1980 года в дивизию из Союза прибыла группа разработчиков вооружения и экипировки. Ведущим конструкторам были высказаны все претензии и пожелания по усовершенствованию вооружения, техники и экипировки. Привезенные ими экспериментальные ботинки с высокими берцами только внешне смотрелись хорошо, а при носке оказались тяжелыми и неудобными, натирали ноги со всех сторон, песок и мелкие камушки при ходьбе попадали через берцы внутрь. До сих пор в армии нет хорошей обуви, эксперимент все еще продолжается.

Вспоминается первая партия стальных шлемов (касок), поступивших в дивизию. Они были в плохом состоянии, без подшлемников и ремней крепления. При обычном движении солдат наползали на глаза или заваливались в разные стороны. В движении эти каски, кроме помех, ничего не давали. На солнце блестели, и солдаты были видны за многие километры. Маскировочных чехлов для них не было. Народные умельцы быстро нашли выход из положения, обтягивали их мешковиной или смачивали водой и

посыпали пылью. Тыловые чиновники даже не удосужились проверить, что же они отправляют на войну.

В январе 1980 года по приказу генерала Рябченко И.Ф. дивизионные разведчики провели сравнительное испытание девяти видов бронежилетов, поступивших в дивизию, для выбора из них самых лучших и максимально приспособленных для Афганистана. Носили их во время занятий, в повседневной боевой учебе. Расставляли по рубежам на различные дальности и вели огонь из всех видов стрелкового оружия до 700 метров включительно.

Оказалось, что не пробивается только один из них — для экипажей вертолетов. Был он громоздкий, неудобный, с двойным захлестом бронепластин на груди. Весил 16 килограммов, но в отличие от других держал пули любого калибра на всех дальностях и хорошо закрывал шею и живот. Остальные бронежилеты держали только пули от пистолета Макарова и пробивались из снайперской винтовки Драгунова на любую дальность, а из автомата Калашникова до 400 метров. Были они значительно легче, чем авиационные бронежилеты, но после попадания пуль из пробоин отлетали осколки, увеличивая площадь поражения тела. Незащищенные подмышечные и боковые части тела не закрывались пластинами и при ведении боя в положении лежа не спасали от поражения осколками. Ткань быстро протиралась, швы расходились, и бронепластины со временем осыпались в нижнюю часть бронежилета и становились лишней обузой для солдата, создавая массу неудобств при длительной носке. Зато они хорошо держали осколки от гранат, пули на излете и рикошете, попадавшие в бронепластины под острым углом. Их солдаты использовали в горах в качестве подстилки для отдыха. Как бы мы ни критиковали бронежилеты, толк от них

все же был. До сих пор в войсках, выполняющих задачи в Чечне, бронезащита такого же качества. Новые экспериментальные образцы мирового уровня есть, но у Министерства обороны нет денег на их серийное производство и закупку. В стране создавались самые лучшие в мире ракеты, самолеты, подводные лодки, танки, стрелковое оружие, но об индивидуальной защите солдата на поле боя от поражающих факторов обычного оружия, его небольшом комфорте в армейском быте, удобном снаряжении думали в последнюю очередь. Все готовились к термоядерной войне с применением оружия массового поражения.

Справедливости ради необходимо отметить, что опытно-конструкторская работа в институтах и на заводах велась. В Афганистан поступали новые, модернизированные изделия, но их было настолько мало, что в масштабе армии они оставались незамеченными. Чиновники в 1980 году предпринимали робкие попытки обеспечить горной экипировкой подразделения, выполняющие задачи в отрыве от своих войск. Но их усилий хватило только на три батальона в дивизии. А сама горная экипировка и снаряжение больше подходили для военных туристов, впервые решивших покорить горные вершины или поохотиться в горах. Естественно, что со временем от такого снаряжения не осталось и следов.

Вспоминаются шестидесятые годы, когда курсанты Рязанского десантного училища, офицеры в войсках предлагали свои рационализаторские идеи по новым рюкзакам и транспортно-разгрузочным жилетам. Все эти изделия изготавливались кустарным способом, вручную, в лучшем случае в швейных мастерских воздушно-десантной службы. Поэтому поддержку и развитие на высоком уровне они не получи-

ли. А зря — через десятилетия те старые идеи оказались новшеством, а наши военнослужащие, как и прежде, носили неудобную экипировку и занимались кустарной модернизацией.

С началом боевых действий в Афганистане командиры подразделений стали самостоятельно менять и приспособливать имеющееся у солдат снаряжение для облегчения их действий при выполнении боевых задач. Отрезали с рюкзаков подсумки для магазинов и гранат, которые только мешали на поле боя, а в боевую машину с ними залезть было сложно. Эти подсумки нашивались на комбинезоны и как карманы на рукава для индивидуальных перевязочных пакетов и медикаментов. Были случаи, когда подсумки на груди спасали жизнь солдатам. Эти новшества крепились на обмундировании вручную, иголкой с ниткой. Выглядели неоднобразно и порой нелепо, но приносили ощутимую пользу и давали нашим военнослужащим уверенность в своей неуязвимости, в способности противостоять меткому душманскому огню, в своих силах и в победе. Каждый старался иметь как можно больше снаряженных магазинов с патронами и унести с собой больше боеприпасов. Изолентой скреплялись два магазина вместе, чем повышалась интенсивность огня из стрелкового оружия.

Командиры всех рангов постоянно в письменном виде докладывали в вышестоящие инстанции обо всех проблемах. Знали о них командующий 40-й армией генерал-лейтенант Тухаринов, заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник Меримский, генерал армии Варенников и Маршал Советского Союза Соколов. По всей видимости, их доклады на уровне правительства и кустарные новшества наших солдат подталкивали чиновников к

разработке снаряжения на более высоком уровне. Очень медленно, но начала меняться форма одежды с учетом местности и природных условий. Однако афганские солдаты были экипированы лучше, не говоря уже о душманах. Они всюду пользовались в полевых условиях искусственным заменителем крови, а для нас это была диковинка, и многие солдаты погибали от потери крови.

И в настоящее время обидно и стыдно за наше военное руководство, которое проводит никому не нужные эксперименты, а о защищенности солдат в бою и об обеспечении их качественным снаряжением и разнообразным, маскирующим под цвет любой местности обмундированием, не думает. Эффективнее и лучше решают эти вопросы руководители коммерческих структур, чем руководители военных ведомств, обязанных это делать по своей должности в деле укрепления обороноспособности страны. Но, к сожалению, все решают деньги.

Однажды в районе Кандагара парашютно-десантный батальон внезапно в виноградниках вступил в ночной скоротечный бой с многочисленной бандой мятежников. Виноградники представляли собой огромные поля, густо пересеченные глубокими канавами, по стенам которых росли виноградные лозы. Боевые машины и танки не могли двигаться через них и поддерживать спешившихся десантников огнем своих орудий. Дополнительный боекомплект остался внутри техники. Бой шел очагами, местность из-за густой растительности не просматривалась, маневр через глубокие канавы был почти невозможен. Боеприпасы быстро заканчивались, приходилось их экономить. Пополнять их из боевых машин удавалось с трудом. Дело дошло до рукопашной схватки. После жаркого боя десантники долго раз-

мышляли над проблемой — как увеличить количество переносимых с собой патронов, снаряженных в магазины. Как тогда не хватало транспортно-разгрузочных жилетов и хороших рюкзаков. Они появятся намного позже и в очень небольшом количестве. Если бы они были в наличии, потерь было бы намного меньше.

В Афганистане все обеспечение войск было возложено на Туркестанский военный округ, но если честно, тыловые офицеры выполняли свои обязанности плохо. Были периоды, когда месяц кормили одной печеню, затем месяц мозгами, в довершение всего — коровье вымя. Рыбные консервы самого плохого качества, солдаты их ели, только очень сильно проголодавшись. Тяжелее других приходилось разведчикам из-за отсутствия в штатных расписаниях рот подразделений тылового обеспечения, которые были предусмотрены только в батальонах и воинских частях. Организация и проведение засад всегда сопровождалась решением огромных бытовых проблем. Много имущества с собой брать нельзя, уменьшится маневренность разведывательных групп, которая должна сохраняться на весь период выполнения боевой задачи. Действовать приходилось быстро и бесшумно, передвигаться бросками или ползком, замереть и притаиться на многие часы. Здорово выручали вертолеты. Они доставляли в район боевых действий все необходимое. Однако были места высоко в горах, куда вертолет не мог приземлиться и, хуже того, не мог зависнуть из-за возникающих опрокидывающих воздушных потоков. В Кандагаре и Лашкаргахе, где воевал 3-й батальон 317-го гв. пдп, в пик жары, в полдень и до вечера, они просто не взлетали из-за потери мощности двигателей. Самое страшное событие — оказаться тяжело раненным или

больным. Эвакуировать пострадавшего в госпиталь в Кандагаре до вечера невозможно. Вот и мучились наши парни в ожидании вертолетов.

Кроме того, были такие задачи, когда появление вертолетов в районе боевых действий было нежелательным, чтобы не демаскировать свои подразделения. Тогда десантники часто вспоминали слова знаменитой песни «Я желаю всей душой — если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой».

Однажды в пустыне Дашти-Марго в усиленный батальон 317-го полка армейские медики доставили всего одну ампулу антидота от укуса змей, и это на 600 человек. Хранить ее нужно было в холодильнике, при температуре плюс пять градусов, когда в тени было больше сорока. О каком холодильнике может идти речь в пустыне? Врач батальона недолго думал, как поступить с ампулой, и отдал ее командиру батальона капитану Комару И.Г., а тот, прочитав инструкцию о ее хранении, выбросил антидот в мусорную яму. Десантники давно уже использовали методы борьбы местных жителей с ядовитыми змеями, скорпионами и фалангами. Тщательно осматривали палатки и места отдыха. Собирали и уничтожали смертоносных тварей. Ночуя на песке в пустыне, выкладывали вокруг себя нить из овечьей шерсти и спали спокойно. Скорпионы и фаланги через нее не переползали.

В Воздушно-десантных войсках вопросы обеспечения личного состава за счет внутренних резервов решались лучше и оперативнее, чем в 40-й армии. Замена техники и вооружения, вышедших из строя, держалась на контроле лично командующим ВДВ генерал-полковником Д.С. Сухоруковым.

Известен случай, когда однажды в районе боевых действий на mine подорвалась гаубица «Д-30». На

базах хранения Туркестанского военного округа в тот момент таких орудий не оказалось. Десантникам доставили ее самолетом из Дальневосточного военного округа. Одним словом, отняли в бригаде морской пехоты. Командующий ВДВ почти ежедневно справлялся у полковника Ковалева Е.Г., начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения Воздушно-десантных войск, прибыла ли гаубица в артиллерийский полк. В управлении командующего ВДВ давно были отработаны стиль и методы работы офицеров всех отделов, родов войск и служб, направленные на немедленное решение любых проблем, влияющих на боевую готовность. Поэтому когда дивизии требовалась какая-нибудь помощь, ее оказывали оперативно, не откладывая на завтра. Отношение офицеров командования ВДВ к дивизии, воевавшей вдали от Родины, всегда было доброжелательным. Повышенной требовательностью к себе и к выполнению своих служебных обязанностей отличался подполковник Пресняков А.Я. — оперативный дежурный узла связи ВДВ. Я за все годы, проведенные в Афганистане, не припомню случая, чтобы во время его дежурства были перебои или отсутствовала связь с Москвой. Он всегда лично звонил, спрашивал о качестве канала связи, а при необходимости принимал меры по устранению недостатков. Пресняков прекрасно понимал важность устойчивой связи с дивизией, выполняющей боевые задачи за тысячи километров от Москвы. С его помощью в Фергане была развернута мощная радиостанция с дополнительными каналами закрытой связи. После Афганистана мне часто приходилось бывать на учениях различного масштаба. Офицеры всегда восхищались его работоспособностью и качеством связи, которую обеспечивал Пресняков для десантников через узлы

связи Министерства обороны. Доброе имя и репутация, которыми всегда дорожат офицеры, остались у полковника Преснякова и после его увольнения из рядов Вооруженных сил. Он и на гражданском предприятии продолжает добросовестно трудиться, как и подобает десантнику, выполняет самые ответственные задания руководства.

В Афганистане офицеры 103-й гв. влд часто бывали в мотострелковых частях и подразделениях, на их блокпостах и встречались в ходе совместных операций. Наблюдали со стороны, как живут и выполняют боевые задачи пехотинцы, и сравнивали положение дел со своими подчиненными. Солдаты-десантники внешним видом, дисциплиной и организованностью заметно отличались в лучшую сторону от мотострелков. Пусть меня простят коллеги мотострелки, но то, что было, то было. Их командование редко посещало свои подразделения, находящиеся в отрыве. Все было отдано на откуп лейтенантам и капитанам, не подкрепляя их боевую работу крепким тылом. Спрос с командиров десантных подразделений был очень строгим. Личный состав всегда был накормлен и имел приличный внешний вид.

Мы очень часто вспоминали полковника Кукушкина А.В., мудрого начальника разведки ВДВ, прошедшего горнило Великой Отечественной войны. Он резко критиковал высоких военных начальников за невнимание к нуждам и запросам наших солдат, особенно выполняющих боевые задачи далеко от Родины.

Да и сегодня в частях и подразделениях, участвующих в проведении контртеррористической операции в Чечне, к сожалению, в вопросе оснащения произошло очень мало изменений. Даже на экранах телевизоров показывают грязных и небритых солдат,

в различном обмундировании. На голове медицинские косынки, рваная обувь. Плохо решается проблема с рюкзаками и транспортно-разгрузочными жилетами. С 1994 по 2001 годы в ВДВ было поставлено всего 500 комплектов индивидуальной экипировки «Бармица». Командиры частей и подразделений ищут спонсоров и за их средства покупают в коммерческих предприятиях снаряжение для выполнения личным составом боевых задач. Стыдно и обидно проводить сравнение по этому вопросу между боевиками и нашими гвардейцами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Армия — это основа, фундамент любого государства. Это показатель силы, мощи и авторитета страны. Почему так не уважает себя наше правительство, куда смотрит руководство Министерства обороны, непонятно.

Тем не менее в первые месяцы 2005 года у десантников появилась надежда — на вооружение начнет поступать новейшая боевая машина, аналогов которой в мире еще нет. А уже в мае 2005 года первая партия машин тульскими оружейниками была передана десанникам, которым на любых войнах традиционно поручаются самые трудные боевые задачи. С принятием ее на вооружение боевые возможности парашютно-десантных подразделений сразу увеличатся на порядок, говорил о новой технике командующий ВДВ, генерал-полковник А. Колмаков. У десантников появилась надежда, что с этого года начнут в массовом порядке в войска поступать боевые машины. Я видел их. Внешний вид, вооружение и особенно огневая мощь очень впечатляют. И если можно боевую машину назвать красавицей, то она выглядит как красавица, и действительно такой красавице аналогов пока в мире нет. Дай бог, чтобы все так и было. И быстрее вернулась былая мощь Воздушно-десантных войск и Вооруженных сил в целом.

И под занавес всего сказанного хочу привести слова президента в адрес наших войск. «Мы можем

только гордиться, что в составе наших Вооруженных сил есть такие войска, как ВДВ. Думаю, что любая страна на нашем месте гордилась бы и офицерами, и солдатами, и генералами, которые служат в этих подразделениях. Я хочу их поздравить. Поздравить и выразить надежду на то, что все, кто служил, то есть ветераны, и все, кто придет на службу в ВДВ, будут соответствовать тем высоким задачам, которые ставит перед ними страна».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Прощай, Фергана	8
Бросок через горы	21
Предыстория сложившейся ситуации	36
Готовимся воевать	47
«За речку»	53
Нет задач невыполнимых	62
Остаемся надолго	79
Тревожная зима в Кабуле	94
Найти своих среди чужих	106
Займитесь делом, командиры	113
О коллегах из МВД	121
Перекрыть пограничные лазейки	123
В горах запахло порохом	129
Мечтатели о власти на местах	142
Подставь плечо брату	157
Охота за караванами	184
Тактика действий душманов	194
Своевременно найти и уничтожить	202
Выполняем задачи совместно	209
Вдали от своих	218
Отъезд генерала Рябченко	238
Инспекция у разведчиков	241
Новый командир дивизии	250
Проверь себя боем	252
Учеба в боевой обстановке	257
Потревожим приют душманов	266
Русский характер	285
Исполним долг до конца	296
Обеспечение боевых действий	304
Заключение	317